

ХЕЛЬГА ГРАФФ

НИГЕРИЙСКИЙ
СИНДРОМ

Эмигрантская трилогия

Хельга Графф

Нигерийский синдром

«Автор»

2016

Графф Х.

Нигерийский синдром / Х. Графф — «Автор»,
2016 — (Эмигрантская трилогия)

Нет, нет Вы не ошиблись, речь, конечно же, пойдёт о малознакомой Африке. Если Вам в жизни не хватает адреналина, тогда вместе с главными героями Вы сможете окунуться в головокружительные приключения в экзотической, но опасной Африке, которые заставят Вас и смеяться, и плакать. Ну, а поскольку, это криминально-приключенческий боевик, Вы сможете поучаствовать в захватывающих батальных сценах. И кроме того, думаю, Вам интересно будет узнать о жизни российских состоятельных кругов. Нигерийский синдром – это роман – предостережение.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	53
Глава 13	58
Глава 14	62
Глава 15	67
Глава 16	71
Глава 17	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Хельга Графф

Нигерийский синдром

Светлой памяти моего отца посвящается

*В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга
Друг, возможно, окажется злейшим врагом.*

Омар Хайям

Глава 1

Евро, доллары и рубли вихрем носились вокруг меня, складывались пачками в штабеля, и, казалось, этому денежному потоку не будет конца! Я лежала на разноцветном купюровом ковре и только одна мысль безостановочно крутилась в голове: «Наконец-то! Сбылась мечта идиотки! Теперь всё будет по-другому!..»

Замечательный сон, но только сон, реальность была куда менее оптимистичной.

Надо сказать, что уже не один год мы с мужем проживали в одной из самых спокойных и довольно благополучных европейских стран – Германии, вынужденно эмигрировав из хаоса и ужаса, царящего в бандитской России после весьма скоротечного перехода страны из социализма в демократию. Наша совместная с ним жизнь пришлось на страшные годы криминальной революции и беспредела, когда случайно остаться в живых могло быть расценено как великое чудо. Нам очень не хотелось «сыграть в ящик» раньше времени, поэтому срочно пришлось распрощаться со страной, в которой прошли наши основные сознательные и когда-то счастливые годы жизни.

Мне повезло, потому что муж, имея еврейское происхождение, получил неплохую возможность срочно поменять место проживания в одной стране на другую и шёл в нашем тандеме так называемым «паровозом», за которым с оголтелым оптимизмом тащился в моем лице малюсенький «вагончик». Но, как говорится: «Хорошо там, где нас нет». Дела шли не очень, и пока новая родина была для нас не любящей «матерью», а ненавистой «мачехой»!

Вот уже несколько лет мы искали инвестиции для своего бизнеса, который при раскрутке мог бы сделать нас богатейшими людьми. Мог бы, но пока не сделал. Мечты улетучивались, но оставалась надежда, которая собиралась, очевидно, умереть последней. Около десяти лет мы отдавали все свои силы и средства на наши разработки, но вернуть затраченное, да к тому же заработать пока не получалось. И не потому что проекты плохие и никому не нужные, нет, а потому что в них надо было еще вкладывать и вкладывать, говоря простым и понятным русским языком, приличные «бабки», а это, как вы понимаете, занятие крайне сложное и неблагодарное, особенно на первых этапах, когда нет прибыли!

Теперь, с годами, мы стали избирательнее. А были времена, когда мы отдавали свои доли за кредит, за услуги, и кроме неприятностей эти действия ничего положительного не приносили. Временное решение отдельных вопросов и только. Зато давление со стороны так называемых партнеров усиливалось с каждым днем.

Некоторые из них считали необходимым периодически прочищать нам мозги своими лекциями на тему: «Ну, сколько можно ждать! Надо же что-то делать!» Часовые нотации сменялись их мнениями о том, что мы с моим мужем представляем из себя в их глазах. Все

попытки оправдаться и объяснить, что мы делаем кое-какие «телодвижения» своими крайне малыми силами, воспринимались ими как вой обездоленного в пустыне. В общем, им не было дела до нас, пока у нас не было денег для них. После очередного наезда наступал период депрессии, а затем все возвращалось на круги своя. Попытки найти инвестиции предоставили нам возможность по-иному взглянуть на людей. Одни расставались с деньгами, как с жизнью. Другим надо было отдать абсолютно всё и еще полцарства впридачу. Третьи запускали «дурочку». Заработать они, конечно, мечтали, но при том не имели ни малейшего желания вкладывать свои средства, да и привлекать в дело никого не хотели, хотя у большинства для этого возможности были. Лучшим для них являлся бы тот вариант, при котором мы приносили бы им деньги в зубах просто так, из любви к ближнему, поэтому на все обращения реакция была одна:

- Вас устраивают условия?
- Да, конечно!
- Когда мы сможем приступить к работе?
- Сразу!

После «сразу» проходило не меньше полугода и на каждый очередной наш звонок: «Когда же, наконец?!» – звучал новый вариант ответа: «Еще не продал свой бизнес, еще не приехал мой компаньон, еще не до конца все решил для себя и еще, еще и еще!» Верить никому не стоило. А может, среди тех, у кого водятся финансы, просто нет умных или они топчут другие тропинки?

Отсутствие денег, долги, неоплаченные счета и постоянный прессинг угнетали.

Мой день, как правило, начинался с «головной боли» и извечного вопроса, какая неприятность ожидается сегодня: очередное письмо с непогашенным счетом, который нет никакой возможности оплатить, грозный звонок от «доброжелателя»-кредитора или партнера или того хуже – вызов в полицию для дачи показаний по отмыванию денег. За эти несколько лет меня уже дважды обвиняли в данном преступлении, но доказать ничего не удалось по одной простой причине – преступления не было! Мы не нарушали законы и не желали их нарушать!

Поездки к ведущим московским экстрасенсам давали кратковременную надежду, но эта надежда постепенно угасала по мере неисполнения предсказаний в указанные сроки. Многие в их словах было абсолютно точным, что просто поражало воображение, но основное предсказание об успехе в бизнесе и финансах так и не реализовывалось, хотя прогнозы делались весьма и весьма оптимистичные. А жить хотелось достойно. Мы желали оказать поддержку людям, нуждающимся в помощи, покупать, что хочется, и существовать спокойно, без потрясений. Ради этого, конечно, стоило побороться, тем более, что примеры такой борьбы встречались в историях из жизни людей, которые тоже сражались до последнего и всё же смогли перебороть судьбу. Вот на них и следовало равняться!

Для реализации наших планов у меня еще было время, но у мужа времени почти не осталось, потому что годы уже очень солидные. Разница между нами составляет около тридцати лет. Именно поэтому он стремился как можно быстрее решить этот вопрос и начать зарабатывать деньги, пока жив, чтобы оставить меня хоть с чем-то – имуществом, деньгами – и самое главное – без долгов. Мы прожили вместе достаточное количество лет и были всегда рядом, помогая друг другу выбираться из различных, как правило, неприятных ситуаций, и как могли поддерживали наш дружеский союз.

Ну, что же, вернемся к партнерам. Среди них было лишь двое-трое, на которых мы могли положиться. Наш близкий товарищ Владимир, семья коренных, местных немцев из самого Берлина, вернее, женская ее половина по имени Карин – очень добрая и порядочная тетка, семейная пара из Петербурга – наши многолетние друзья и партнеры, да еще Василий Иванович – единственный человек, который если сказал – сделал.

Согласитесь, Василий Иванович обладал странным для еврея именем. При первом знакомстве так и хотелось спросить про фамилию, не Чапаев ли? Нет, оказалось, Курочкин.

Судя по финансовому состоянию миллионера на сегодняшний день, его птичья, а отнюдь не еврейская, фамилия определенным образом характеризовала Василия Ивановича, который, как курочка по зернышку, собирал колоссальное состояние почти всю жизнь, несмотря на немалые трудности! Эти люди и составили костяк нашего сообщества. Вот вместе с ними мы и противостояли всем жизненным и бизнес-неприятностям.

То утро началось как обычно. На мой, ставший уже обыкновением, немой вопрос: «Какие у нас сегодня неприятности?» я услышала радостный голос мужа: «Иди скорее сюда, это интересно!» Его более чем бодрый и оптимистичный тон меня заинтриговал: «Наверное, что-то получил по электронке, а вдруг интересное предложение?» Надежда вновь подняла голову, и я побежала на зов. Лев, так зовут моего мужа, сидел за компьютером и показывал пальцем на дисплей.

– Читай! – коротко сказал он.

Я прочитала. Письмо пришло от некой дамы по имени Агнес из далекой Ганы (Африка). Как только перед моими глазами всплыли первые строчки: «Мы семья из Ганы...», сразу же вспомнилась Россия, с ее бесконечными рядами вымогателей: «Мы-сами-не-местные...», оптимизм мигом испарился, а надежда тотчас впала в кому.

– Лева, – сказала я доверчивому супругу, – выброси его на хрен! Ты что не видишь, что оно из Африки? Не слышал про нигерийские письма? Да это же просто фуффло, даже не отвечай!

Подобных писем приходило множество, в основном с одним и тем же трагическим содержанием: «Ваш родственник, такой-то, носящий вашу фамилию, скончался, погиб в катастрофе, умер в результате военных действий, сгорел на пожаре...» – и так далее, вариантов было великое множество: «...и оставил вам в наследство 4, 8, 10, 15, 20 миллионов долларов», – писал очередной «адвокат»-мошенник.

Мы были в курсе того, сколько обманутых людей по этому принципу, надеявшихся поправить свои финансовые дела и свято верящих в законность этих сказочных историй, представленных якобы серьезными «адвокатами» (можно подумать, что адвокаты не врут), было в России, Германии, да и в любой другой стране мира. Люди отдавали мошенникам последнее, и из-за этих подонков разыгрывались семейные драмы и трагедии.

Недавно смотрела жуткую передачу «Вне закона», где речь шла об одной питерской семье. Супруг получил письмо от очередного нигерийского подонка и поверил в мечту. Тому под предлогом оформления крупного наследства удалось выманить у бедолаги огромные суммы в тысячах долларов. Простак, вконец разорив семью, еще и вогнал ее в колоссальные долги. Жена не выдержала и в пылу очередного скандала ударом ножа поставила точку в этой страшной истории! Получила восемь лет тюрьмы, оставив своего малолетнего ребенка на попечение бабушки, с которой теперь требуют погашения многочисленных долгов! Эта история запомнилась мне навсегда, и для себя я даже решила, что если мы сможем раскрутиться, то обязательно поможем этой семье, поэтому решительно сказала мужу: «НЕТ!» Там, где Африка, там мошенничество и обман!

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Так началась удивительная история, которую нам предстояло пережить. Мы еще не знали, что судьба дает нам шанс и этим шансом воспользоваться мы сумеем.

Предложение, пришедшее из Африки, оказалось для нас интересным, я бы даже сказала, заманчивым. За помощь в переезде в Германию семьи из семи человек нам предлагали инвестиции в размере девяти миллионов долларов, и потому взять на себя ответственность перед немецким государством за семерых было для нас сущей ерундой, по сравнению с перспективами, замаячившими на горизонте. Все выглядело реально и правдоподобно, в отличие от всех многочисленных фуфловых нигерийских писем и историй. Стоило призадуматься...

Незнакомая Агнес взывала о помощи. Она умоляла нас принять участие в их судьбе. Сами – выходцы из Кот-д’Ивуара (Берег Слоновой Кости, Африка), во время переворота и нападения мятежников на их дом лишились главы семьи, который, к слову, был серьезным госчиновником.

В свое время папаша позаботился о будущем своих домочадцев, поместив свои сбережения, а именно десять миллионов долларов, в один из фондов Ганы, оформив наследство на своего единственного среди пяти дочерей сына Даниэля. Юноша тоже пострадал во время нападения, но ему повезло гораздо больше отца: он остался в живых и отделался лишь отрубленным пальцем на руке. Оставив все, семья, в чем была, бежала в Гану, где имела сейчас статус беженцев. Теперь же, с нашей непосредственной помощью, они, прихватив наследство, собирались перебраться в цивилизованную Германию и жить там припеваючи на свои кровные. А эмиграция, имеющая многообещающую и крутую приставку «бизнес», предполагала вложение средств в какое-либо перспективное дело, которое приносило бы им пожизненный доход. Вот таким классным бизнесом и являлось наше будущее производство, способное обеспечить как им, так и нам в том числе, безоблачное будущее.

Письмо было подкреплено фотографиями: полная, интересная женщина и не менее интересный мужчина с тростью в окружении пяти девушек различного возраста, как потом выяснилось, от пятнадцати до двадцати семи лет, в интерьере роскошной обстановки, ведь красиво жить не запретишь! Юноша в национальной африканской одежде, с лаконичной надписью: «Это мой сын Даниэль» и прелестная девушка: «Моя дочь Лала». В общем, всё было, как надо, и не доверять им оснований не было.

– И что ты думаешь? – спросила я у мужа, уже заранее зная ответ.

– А что тут думать, – решительно заявил он, – будем отвечать, чем черт ни шутит, а вдруг это правда?! А вдруг это шанс?! Все может быть.

– Ну что же, – согласилась я, – надо так надо, ведь деньги же не просят, так почему бы не ответить.

Надо сказать, мы знали совершенно точно, если любая операция начинается с требования денег, то, как правило, завершается она обманом, а посему решили им ответить, не увидев для себя никаких негативных нюансов. Рассказали подробно о себе, о нашем бизнесе, также выслали пару фотографий, так сказать, для заочного знакомства.

Переписка начала принимать регулярный характер. Затем начались звонки по телефону. Сначала звонила Агнес, но поскольку я свободно владею немецким и французским и очень слабо языком Байрона, а Лева только русским и то с переводчиком и китайским в мечтах, ответить ей мы, естественно, не могли, переадресовав звонки нашему партнеру Владимиру, который английский знал прилично и мог спокойно, в отличие от нас, с ней беседовать.

В свое время, когда мы жили еще в социалистическом обществе, большинство из нас виртуозно владело лишь одним языком – матерным. Все остальные иностранные языки остаются для наших сограждан слишком «больной» темой и неразрешимой проблемой для ленивых отечественных мозгов! Наше общество в те времена было отгорожено от остального мира советско-социалистической идеологией, и многие не сомневались в том, что нет никакой необходимости изучать иностранные языки. Применить их в жизни было практически невозможно, потому что общение с заграницей входило лишь в планы так называемой элиты, в основном блатных соотечественников, которые имели «мохнатую лапу», чтобы жить и работать за кордоном. Ну, а где все остальные, «недостойные», могли бы демонстрировать свои блестящие знания иностранных языков? Да нигде! Не в бесчисленных же очередях за дефицитом, где обычно фигурировала лишь ненормативная лексика. И стоило ли в таком случае тратить свое время на их изучение? Конечно же, нет! Поэтому мы и не учили языки, хотя и знали, что это всегда «хлеб с маслом», а иногда и с икрой.

Сегодня нас, русских, бывших советских людей, можно узнать за рубежом именно по отсутствию знаний так необходимых иностранных языков. В этом плане современная молодежь ушла от нас, сорока-пятидесятилетних, далеко вперед, и каждый вполне прилично может изъясняться хотя бы на английском. В России иностранные языки всегда преподавали очень слабо, а вернее, странно, потому что на языке, изученном в учебных заведениях нашей страны, за границей, как правило, местные жители не разговаривают. Как-то на каникулах моя дочь посетила Россию и побывала в родной школе, где училась с первого класса. Получилось так, что ее попросили заменить заболевшую учительницу немецкого. Прекрасно владея этим языком и прожив к тому времени в Германии десять лет, она блестяще справилась с задачей, отметив про себя, что преподавание языка ее бывшей учительницей крайне примитивное. Но педагог, которая увидела, как говорит и пишет по-немецки дочь, очень обиделась на нее, не знаю почему, но думаю, от зависти.

Зависть – это, наверное, наша генетическая особенность. Мы всем и во всем завидуем! Завидуем тем, кто интереснее нас, кто богаче, кто лучше знает иностранные языки. По-моему, не осталось ни одной сферы, которую не коснулась бы такая отвратная черта, как зависть. Даже те, у кого в роду никто не мотал срок, завидуют сегодня тем, у кого есть в семье уголовники! Сейчас ведь так почетно иметь хоть какое-то, пусть даже косвенное, отношение к криминалу! И если бы наши российские учителя не завидовали ученикам, имеющим более обширные познания, тогда, может, мы и не были бы языковыми изгоями. В Лондоне, например, слыша наш безобразный английский «лепет», продавцы сразу же понимают, с кем имеют дело: «Э... да вы из России, наверное!» Говорят так, словно ставят диагноз, как будто кроме России нет других стран, не способных говорить на иностранных языках. Обидно, конечно, но, с другой стороны, совершенно справедливо! Наши люди, не владеющие никаким другим языком, кроме собственного, везде и всюду пытаются изъясняться на нашем «великом и могучем» в надежде, что их смогут понять. Бывает, что и понимают, потому что где бы ты ни находился, обязательно «наступишь» на соотечественника.

Моя совесть просыпается только за пределами родины, день и ночь стеная: «Боже, кошмар! Как стыдно! Надо знать английский обязательно! Приедешь обратно домой – срочно садись за учебники!», но по возвращении она благополучно впадает в спячку, а на ее место заступает патологическая лень с вечным: «Ладно, когда-нибудь начну!»

Наш Владимир учил английский много лет, совершенствуя его из года в год. Правда, имелась одна загвоздка: в разговоре он тушевался, начинал заикаться, заплетаться, чем временами выводил из себя не только нас, но и тех, кому этот перевод предназначался. Поэтому иногда возникало огромное желание ткнуть его кулаком в бок, чтобы ускорить и облагородить переводческий процесс. Но мы, стиснув от злости зубы, воздерживались от подобных акций, чтобы окончательно с ним не посориться, потому что найти мало-мальски приличного переводчика очень сложно. К великому сожалению, многие из них совершенно не понимают своего предназначения. Одни, слушая получасовую речь собеседника, переводят из сказанного лишь пару слов. Другие начинают деликатничать, отказываясь делать дословный и не всегда приятный перевод, а третьи по ходу сочиняют речь сами, нахально перекраивая смысл сказанного. Володька, в общем-то, несмотря на нюансы, все же к нам прислушивался и старался в обе стороны делать по возможности точный перевод.

Глава 2

По телефону говорить проще, поэтому наши новые африканские друзья были счастливы пообщаться с Володькой, а через него и с нами. Итак, начался телефонный период наших отношений, почти как букетно-конфетный в отношениях влюбленных. Была, правда, одна особенность, которую я заметила, но не придавала этому значения. Во время звонка Агнес в трубке все время слышались детские голоса, плач. Дочери и сын у нее взрослые, внуков нет, так откуда маленькие дети? Странно... но на таких мелочах я заикливаться не стала, мало ли откуда она могла звонить, хотя, они сказали, что это домашний номер. Знала и знаю абсолютно точно, что обращать внимание нужно на любые мелочи, потому что жизнь сама иногда подает нам знаки, которые нельзя упускать из виду, чтобы не попасть в ж... (надеюсь, вы поняли, куда конкретно)!

Через несколько дней переписки мы почти породнились. Моего мужа они уже называли «папой», я получила статус «сестры», а Владимир стал «дядей». Еще через несколько дней выяснилось, что они с большим удовольствием приехали бы в Германию познакомиться с нами, но, к сожалению, их паспорта еще не готовы и в связи с этим с робкой надеждой спрашивали нас, не сможем ли мы приехать к ним?

Над этим предложением стоило подумать. Существовала проблема, большая и постоянная – полное отсутствие финансовых средств. Финансы у нас пели не только романсы и оперные арии, но даже лихо плясали чечетку впридачу! Взять их было почти неоткуда. Говорю почти, потому что оставался еще шанс в сотый раз пойти по кругу с шапкой, выслушивая бесконечные лекции, во время которых припоминалось абсолютно все: куда мы ездили... и не получилось, что мы делали... и не получилось и так далее. Но наши партнеры очень надеялись если не заработать, так хоть вернуть свои кровные, вложенные в дело, поэтому, скрипя зубами (от злобы, жадности и ненависти к вечным «вымогателям») вот уже в тысячу первый раз, давали деньги на новую операцию под кодовым названием «Получение инвестиций».

Ехать решили втроем: Лева, Володя и я. Без помощи Вовы не обойтись, а так, хоть и заковыристый, но все же английский под рукой, ну и, кроме того, наш друг и партнер лишнего не болтал и мы доверяли ему, как себе.

Агнес вызвалась помочь с визами и бронированием отеля, хотя визы для частного визита можно было преспокойно сделать в Берлине. Через день мы получили визы. Выглядели они просто круто! На всякий случай я сходила в консульство Ганы здесь, в нашем городе, чтобы удостовериться, что они подлинные. Работница консульства, никогда не видевшая подобных виз, решила отправить их в Берлин, чтобы выяснить, все ли в порядке. Она нас не разочаровала, сообщив, что это визы VIP и они действительны. Домой я отправилась со спокойной душой. Пока африканцы нас не обманывали, что было, в общем-то, делом неслыханным и странным, учитывая специфические особенности характера этого народа.

На следующий день пришло известие о бронировании китайского отеля в Аккре, столице Ганы. Господи, легче перечислить места, где китайцев нет, чем те, где они есть! Как говорится: «Придут китайцы – спрячься сам!»

Теперь оставалось лишь приобрести билеты и достать деньги на расходы. Билеты на троих стоили прилично: почти три тысячи евро, но это не остановило нас, и мы отправились в аэропорт.

У стойки «Российские авиалинии» стоял импозантный парень. Его можно было бы назвать симпатичным, если бы не водянистые, на выкате, снулые, как у пойманной рыбы, безжизненные глаза. Но это впечатление компенсировали его шикарный костюм, роскошные часы, золотой браслет и перстень. Услышав название страны, куда мы собираемся лететь, «модный перец» обратился к нам с вопросом:

– В Гану? – и выжидательно посмотрел на нас.

– Да, по делам, – бодро и гордо ответили мы. Не каждый же, черт побери, может позволить себе поездку в далекую экзотическую Африку! И в конце концов, он же не знал, чего стоила нам эта поездка!

Мы представились. Его звали Александр. Товарищ оживился.

– Я там служил, – сообщил он таинственно.

– Вот как? – удивился Лева. – Вы военный?

– Нет, я из Интерпола, – и продемонстрировал нам жетон, почти такой же, какие показывают полицейские в американских фильмах.

«Ничего себе кадр, – подумала я, – надо бы с ним установить контакт».

– Расскажите нам о Гане, – мне было интересно, потому что ничего толкового и необходимого об этой стране, кроме географического положения, мы не знали.

– Там дешевое золото, – начал интерполовец.

«Хорошо, конечно, что дешевое, – промелькнуло в голове, – но это совсем не наша тема».

А вообще не мешало бы подстраховаться и иметь какого-нибудь нашего соотечественника там, поэтому я решила прозондировать «почву».

– А в Гане есть кто-нибудь из ваших сослуживцев?

– Разумеется, есть!

– А можно с ними связаться, скажем так, на всякий случай? Страна все-таки чужая, мало ли что может приключиться!

Александр замялся.

– В данный момент вряд ли, но предлагаю обменяться телефонами.

И мы обменялись, совершенно позабыв о том, что не стоит с первыми попавшими в поле зрения людьми откровенничать и делиться своими планами! Вот и это шапочное знакомство имело продолжение, но чуть позже... и к великому нашему сожалению.

На душе было беспокойно, так как денег после приобретения билетов оставалось в обрез, а мы еще хотели приготовить для всех членов семьи подарки. Не поедешь ведь к инвесторам с пустыми руками.

Никогда и никакие, особенно заграничные, визиты не обходились без чудесных подарков с нашей стороны. Мы не жадничали, ориентируясь на мудрую поговорку: «Чем больше отдаешь, тем больше получаешь», поэтому выбирали гостинцы с удовольствием. Вот и на этот раз решили не ударить в грязь лицом и обеспечить всех презентами, которые, кроме сувениров, включали в себя и великолепные конфеты, и алкоголь, и даже икру! Может, наши друзья в своей Африке икру и в глаза не видели, хотя они ведь люди состоятельные и, что такое икра, наверняка понятие имеют. В общем, к ответственному мероприятию постарались подготовить все необходимое.

Мы с Левой несомненно были не от мира сего, всегда и всем делая подарки и с хлебосольной щедростью принимая гостей. Зато нам, кроме моих родителей, дочери, нашей немецкой партнерши Карин и супружеской четы из Питера, никто никогда и ничего не дарил. Короче, никакого «алаверды»! Все почему-то считали, что мы им чем-то обязаны, и с превеликим удовольствием лишь принимали наши подношения, даже не думая хоть раз осчастливить нас своими дарами.

Многие партнеры, как и все состоятельные люди, были настолько жадными, что расставались со своим добром, начиная с денег и заканчивая плиткой шоколада, как с жизнью. Один из партнеров, Владлен, будучи товарищем очень богатым и хорошо известным в крутых московских деловых кругах, владеющий в швейцарских банках не одним миллионом и, уж конечно, не рублей, имел манеру постоянно хвастаться, доказывая всем и во всем свое превосходство. Как-то раз, чтобы отметить наше общее бизнес-событие, впервые в жизни принес с собой гостинец.

– Это уникальное вино! – сказал он, гордо демонстрируя обычную бутылку.

Мы, человек шесть, затаили дыхание, слушая его рассказ.

– Мне подарили ее много лет назад... вот до сих пор храню!

– Не жалко? – поинтересовалась я робко, подозревая, что Владлен Соломонович явно сочиняет. «А если нет, – подумала со страхом, – вдруг хочет нас отравить? Смерть в наши планы как-то не вписывалась!»

– Ну надо же отметить событие! – ответил он важно, подразумевая, конечно, что у нас, «бедняков», обмыть данное мероприятие вином возможности нет.

Короче, просто облагодетельствовал. Все мы, собравшиеся, с трепетом приготовились попробовать необыкновенный нектар из «щедрых» рук миллионера. Я приготовила хрустальные бокалы, он торжественно открыл бутылку, мы поднесли бокалы к губам и... чуда не произошло, вино давно прокисло! Вообще-то вина хранятся столетиями, но, возможно, бутылку Соломоновичу подарили заклятые «друзья», чтобы побыстрее избавиться от конкурента. Поэтому опустошив все имеющиеся у нас альтернативные запасы пива, опозорившийся партнер в смятении покинул нас. Бывают и у богатых обломы! Приходят со своим, уходят с нашим, что поделаешь, се ля ви – такова жизнь!

За два дня до отъезда Агнес написала, что побывала в фонде и выяснила процедуру получения траста (наследства), при этом как бы невзначай отметила, что фонд начислил некую сумму за хранение средств. Она уверила нас, что заплатит эти деньги и с нетерпением ждет нашего приезда, чтобы получить средства и подробно обсудить план размещения капитала в нашем бизнесе.

Пока все шло как по маслу, оставались лишь проблемы с нехваткой финансов на поездку. Мой мозг, а надо сказать, я всегда была мозговым центром, особенно, если вопрос касался добычи денег, лихорадочно соображал, где можно занять еще пару тысяч, чтобы почувствовать себя белыми людьми в этой черной Африке.

Всё бы ничего, но за сутки до отъезда начали происходить неприятные вещи. Когда утром я спросила у сидящего за компьютером Левы, всё ли в порядке, совершенно уверенная в том, что получу утвердительный ответ, то услышала:

– Нет, не всё в порядке! – и муж повернул ко мне свое расстроенное лицо.

Я испугалась. Ну что еще могло случиться? Ну почему мы такие невезучие?! У нас постоянно что-то не так, а когда же будет нормально? Как меня достали эти неприятности!!!

– Что там опять?

– Видишь ли, какое дело, – начал Лева, – они просят у нас денег для оплаты хранения траста.

– И сколько просят? – прошептала я, уже понимая, что это, очевидно, очередной развод на «бабки», но все еще надеясь на чудо.

– Всего пять тысяч двести евро, – едва слышно сказал муж.

– И что будем делать? Не поедем?

– Надо выяснить, что это за деньги. Пусть вышлют документы, подтверждающие наличие пресловутого траста и необходимость оплаты хранения, – теперь уже решительно заявил Лев, – давай, напиши им! Если что, не едем. Кстати, сегодня должен приехать Володя, – напомнил он.

На письмо откликнулся Даниэль. Он объяснил, что мать, то есть Агнес, изыскивает средства, чтобы закрыть эти деньги, и часть их нашла. Теперь осталось заплатить всего три тысячи четыреста евро, и он умоляет нас помочь им и привезти эти средства с собой. После оплаты задолженности за хранение траста наследство привезут туда, куда мы скажем, например, в отель или к ним домой. Документы, к сожалению, он выслать не может, так как у него нет сканера. Его предложение мы категорически и безжалостно отвергли, решительно отказавшись от поездки. К тому времени приехал Вова, и, посоветовавшись, дружно приняли решение билеты сдать.

Вот тут и вмешался Его Величество Случай!

В компании «Аэрофлот», услугами которой мы пользуемся постоянно, нам сказали, что эти билеты сдать невозможно. В случае отказа от поездки билеты стоимостью три тысячи евро просто пропадут. Известие повергло нас в шок! Такого мы не ожидали. Какого же дурака свалили, не выяснив, возможность сдачи билетов. Вот это попадание!

– Может, поехать, чтобы билеты не пропали, жалко всё же? – нерешительно предложил муж.

– Нет! – более чем решительно парировала я. – Вы как хотите, можете ехать, а я остаюсь!

Ярость вспыхнула, как спичка. Задыхаясь от злобы, развернулась и ушла на кухню, а мужички остались обсуждать возникшую проблему.

Выпив стакан чаю и несколько успокоившись, я подумала, что обидно потерять такую сумму, да и до Африки мы вряд ли еще когда-нибудь доберемся, а здесь, в общем-то, подвернулся подходящий случай. Может, все же полететь и посмотреть, что к чему?! Это же не значит, что мы отдадим им эти три тысячи четыреста евро, которые они так настойчиво просят...

– Ну, ладно, – выходя из кухни, сказала я, – давайте собираться, едем. Не пропадать же деньгам, а там будет видно, как действовать дальше.

В плане принятия даже самых отчаянных решений мы с мужем были, как говорят, два сапога – пара. Если появлялся хоть малейший шанс, не останавливались ни перед чем. Даже если бы нам вдруг сказали: «Ребята, инвесторы с нетерпением ждут вас на льдине на Северном Полюсе!», рванули бы туда не задумываясь!

О своем решении мы сообщили нашим африканским друзьям. Их радости (в отличие от нас) не было предела. «Только прошу, не забудьте деньги для виз, – писала в письме Агнес, – виза на человека стоит двести долларов». Очередной неприятный сюрприз! Мы вполне могли сделать визы в Германии в два раза дешевле, но было уже поздно. Теперь все равно нужно платить, иначе либо нас не пустят в страну, либо не выпустят.

Денег на руках оставался мизер, но мы, как всегда, не теряли надежды, что-нибудь придумать. В конечном итоге партнеры не должны оставить нас на черном континенте, если надеются вернуть свои средства!

Весь вечер был посвящен сбору чемоданов и выбору одежды, в которой мы поедем покорять Африку. Кому-то следовало подкоротить рукава, кому-то брюки, погладить рубашки, подобрать галстуки, собрать вещи и не забыть про себя. Забот полон рот! Да еще этот глупый Владимир собрался в Африку в зимнем шерстяном костюме, надо же додуматься! Вот что значит холостяк! По этой причине срочно пришлось подгонять под него купленный в подарок отцу летний прикид. Зато на следующее утро два моих компаньона выглядели как ффраеры (кстати, со словацкого «ффраер» переводится как «жених». Это в русском языке оно приобрело прилагательное значение), в своей чрезвычайно модной одежде, несмотря на их солидный возраст.

Наша живописная компания произвела неизгладимое впечатление на местное немецкое население. К слову, здесь на нормально, модно и красиво, одетых людей смотрят, как на больных или сумасшедших. Среди толпы местных гопников ты чувствуешь себя дебилом, если одет хорошо. Однако есть и весьма положительные моменты. Одна женщина, видимо, очарованная нашим шикарным видом и морем обаяния, решила сопровождать нас на местный вокзал, где даже помогла вытащить наши чемоданы из лифта. Подумала, наверное, что мы какие-нибудь важные персоны! Глядя на моих мужчин, можно было легко сделать такой вывод, потому что выглядели они шикарно, как самые крутые бизнесмены.

Глава 3

В Аэропорту Ганновера уже всюду шла регистрация на наш рейс до Амстердама, откуда мы собирались лететь в незнакомую Гану. Подойдя к стойке регистрации, как человек, прилично говорящий на немецком, я отдала наши паспорта и билеты.

– Ваши визы в Гану, – любезно попросила работница аэропорта.

– Конечно, – ответила я и протянула ей наши красочные VIP бумаги.

Ее брови от удивления поползли вверх. Она повертела визы и с некоторым сомнением отметила, что такие видит впервые. Мне пришлось объяснить, что консульство подтвердило подлинность документов, и на этом вопрос был исчерпан. Мы зарегистрировались на рейс и прошли в зону отлета. Пройдя тщательный досмотр, наконец, освободились, нашли свободные места и стали заниматься своими делами.

Сначала на прогулку по Duty Free отправился Левка, затем я, и лишь Владимир, как истукан, оставался на своем месте, так как в принципе ненавидел ходить по магазинам: его больше привлекали другие мероприятия, например, выставки.

Пока гуляла по магазинчикам, на память пришла одна история, приключившаяся со мной в Шереметьево. Во время ожидания рейса я решила заглянуть в Duty Free, чтобы купить туалетную воду от Calvin Klein «CK ONE», маленький пробничек которой был подарен мне дочерью. Презент очень понравился, и с тех давних пор это мой любимый парфюм, который я предпочту даже «Chanel № 5».

В Duty Free я быстро нашла то, что мне нужно, – набор из пробничков от Calvin Klein. Среди них были и мои любимые. Едва я взяла в руки набор, как услышала звонкий голос продавца, молоденькой девчонки лет двадцати, которая, обращаясь ко мне, лаконично заявила:

– Женщина, этот набор для мужчин!

От неожиданности я чуть не выронила упаковку, и сомнения захлестнули меня. Выходит, я все это время пользовалась парфюмом для мужчин?! Но ведь и дочь моя не идиотка и кое-что соображает! Я перевернула коробочку, внизу было четко написано: For Woman. Несмотря на скудные познания в английском, я точно знала, что означает эта фраза: для женщин.

– Почему для мужчин? – растерялась я. – Здесь же написано «для женщин»!

Смутить или вывести девчонку из равновесия оказалось невозможно.

– Я вам точно говорю, что это для мужчин, – уверенно и надменно повторила она. – Но если хотите, еще раз узнаю в соседнем отделе.

Пока «знаток» английского отсутствовал, мы с охранником внимательно рассматривали коробочку.

– Woman – это ведь женщина? – спросила я у него.

– Вроде бы да, – не очень уверенно подтвердил он.

– Значит, парфюм для женщин?

– Выходит, так...

Нашу убогую и не слишком оптимистичную беседу прервала пришедшая продавщица, еще раз уверенно заявив, что набор для мужчин.

Моему терпению пришел конец, но любопытство взяло верх (на чем же основываются ее категоричные утверждения?), и я спросила: «Девушка, почему вы решили, что этот набор для мужчин?» Юное создание выдало гениальный по своей глупости ответ, хотя надо отметить, что у молодой особы была своя логика: «Так у нас его одни мужчины берут!» А мысль о том, что джентльмены покупают духи для своих и не своих женщин, в ее бедную тупую головку и не приходила! После такого «нелегкого процесса» я все же купила набор. Не зря же мучилась!

...Его я заметила сразу. То ли немец, то ли голландец, впрочем, какая разница. Одет хреново, как и все, кто нас окружал: на ногах ботинки-говнодавы (так мы ранее называли гру-

бую страшную обувь, выпускаемую советской легкой промышленностью). Он сразу обратил внимание на нашу компанию, оглядел с ног до головы и с пренебрежением усмехнулся, и от этой кривой ухмылки моя неприязнь к этому человеку стала еще сильнее.

Во-первых, я ненавижу, когда меня рассматривают, во-вторых, ненавижу тех, кто насмешливо ведет себя по отношению ко мне и моим близким, а в третьих, как во-вторых, так и во-первых! Одарив нахала таким же презрительным взглядом, я взялась за кроссворд, который поддавался мне с невероятным трудом. Кроссворды – это Левушкин конек, он их разгадывал всю жизнь, а моя голова была занята лишь мыслями о том, как уехать в Африку и не просто вернуться, а вернуться живыми и здоровыми. И как грозное предупреждение то и дело всплывали строчки из Корнея Чуковского: «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...»

Наконец, объявили посадку.

Наши места в салоне находились рядом, а через проход разместился тот противный тип, который рассматривал нас в аэропорту. Рядом с ним сидела женщина лет сорока пяти (как я поняла, случайная дорожная знакомая). Полет проходил нормально. Мы разговаривали на русском, обсуждая наше предстоящее пребывание в Гане. По окончании полета Лева встал первым, готовясь выйти из салона, и тут я заметила, что наш вражеский попутчик буквально с головой влез в сумку, которую держал в руках муж. Он рассматривал содержимое, что-то говорил своей спутнице, и они весело смеялись, вовсю обсуждая нас. Понаблюдав пару минут, я громко сказала на немецком: «Эй ты! Вынь свой нос из моей сумки!»

Мой голос, видимо, раздался как гром среди ясного неба. Этот идиот был так ошарашен и растерян, что от его былой наглости не осталось и следа. Про таких, как я, говорят «псих», потому что, если случаются подобные поганые ситуации, контролировать себя я уже не в состоянии и могу не только поругаться, но и кинуться в драку. Наливаясь злобой, сквозь зубы произнесла: «Ты что же это смеешься над моим мужем?!»

Вопрос прозвучал как угроза. Для пущей убедительности я даже слегка ударила кулаком по спинке кресла перед его носом. Угроза усугублялась и тем, что, жутко поправившись, я весила почти восемьдесят килограммов вместо положенных пятидесяти, соответственно, и кулаки стали внушительными. Хочу заметить, что европейцы трусоваты и боятся конфликтов, и если ты ведешь себя агрессивно, то связываться с тобой не будет никто, кроме разве что русских или турок. Растерявшись, попутчик и его спутница забормотали извинения, наперебой объясняя, что ничего не имели против нас.

– Ну что же, ваше счастье, – заявила я воинственно, буквально нависнув над ними своим мощным телом, – а то были бы у вас, ох, нешуточные неприятности! Повезло вам сегодня!

Они поняли меня правильно и сидели, вжавшись в свои кресла, даже не смея пошевелиться. Да, я такая: ни своих, ни чужих в обиду никогда не дам! Инцидент был завершен, но ярость во мне бушевала долго! Вот ведь какие подлецы, думали, что мы не понимаем по-немецки, а раз русские, значит, можно поиздеваться. Ну ничего, мы любого поставим на место, нас только не трогайте! Не дергайте тигра за хвост, а то голова запросто может очутиться в пасти! Папа всегда очень волновался за меня, не раз повторяя, как истину: «Оля, не лезь не в свои дела, а то, не дай бог, убьют!» Но я не могла согласиться и с гордым видом проходить мимо чужой беды или несправедливости.

Один раз в питерском троллейбусе, еще в девяностых, к трем иностранкам, не знаю, откуда конкретно, прицепились два контролера-мордовороты. Едва девочки, с небольшим опозданием, прокомпостировали свои талоны, как рядом с ними моментально нарисовались эти уроды. От контролеров у них не было ничего, даже, наверное, буквы «К».

– Пошли на выход! – грубо скомандовали они «цыплятам».

Троллейбус в этот час был забит под завязку, но ни один наш гражданин ни слова, ни полслова в защиту девчонок даже не хрюкнул. Все сделали вид, что их здесь и не «стояло»

вовсе! Как я могла отдать этим бандитам на растерзание детей, которые, едва очутившись в их руках, оказались бы вообще без денег и ценностей?! Нет, конечно! Никогда! Поэтому срочно вмешалась в ситуацию.

– Они прокомпостировали билеты, и им совершенно незачем выходить вместе с вами, – сказала я спокойно.

– Они сделали это поздно, – ответил один злодей и, вцепившись в куртку одной из кандидаток на ограбление, стал тянуть несчастную к выходу.

К счастью, в это время рядом освободились места, и, вырвав детей из рук проходимцев, я живо усадила их рядом с собой. Троллейбус безмолвствовал, с большим интересом и любопытством прислушиваясь к перепалке. Перепуганные девчонки, сжавшись, сидели рядом, с надеждой глядя на меня.

– Они никуда с вами не пойдут, ясно?! – твердо дала я отпор нападавшим.

– Слышь, – обратились они ко мне, – ты-то, коза, чё вякаешь?! У тебя самой-то билет есть?

– Разумеется, – спокойно парировала я, держа перед их носом месячную проездную карточку, и, в свою очередь, потребовала: – А теперь попрошу ваши документы!

Они продемонстрировали контролерские карточки. К своему счастью, я всегда умела пользоваться любой полученной полезной информацией, а тут как раз подвернулся случай. Буквально за пять минут до выхода из дома по радио я услышала, что карточки контролеров будут теперь не синего, а фиолетового цвета, и решила воспользоваться этими сведениями.

– Между прочим, – заявила авторитетно, – у контролеров карточки не синего цвета, как у вас, а фиолетового, именно поэтому я подозреваю, что вы не настоящие контролеры, это первое, и второе – через одну остановку отделение милиции, где мы разберемся, какое отношение вы имеете к контролю вообще!

Услышав магическое слово «милиция», на следующей остановке их и след простыл! После инцидента спасенные девочки долго жали мне руки и искренне благодарили за помощь. Перед остальными, равнодушными гражданами нашего города, в долгу я не осталась, прочитав им внушительную лекцию о том, что нужно все-таки, несмотря ни на какие, даже опасные ситуации, оставаться людьми!

Все мы, выходцы из Советского Союза, какой бы национальности ни были, всегда и везде считаем себя русскими. Национальная гордость проявляется особенно в те моменты, когда нас начинают задевать, но иногда она и улетучивается, когда смотришь на поведение наших за границей!

Год назад, совершая полет из Милана в Цюрих, вдоволь насмотрелась на наших соотечественников. Предстали во всей красе!

В тот рейс практически на восемьдесят процентов салон был заполнен русскими, летящими транзитом из Милана в Москву. И именно после этой поездки я поняла, почему за границей так не любят наших. На местах прямо перед нами сидела влюбленная пара, вернее, влюбленной была лишь женская половина дуэта, мужская же добродушно позволяла себя любить. Девушка очень старалась, не стесняясь никого и ничего. В течение всего полета она облизывала «спонсора» с головы до ног, видимо, в благодарность за то, что взял ее с собой в путешествие. Я уже собиралась сделать ей замечание, чтобы остановить это безобразие, поскольку им только и оставалось, что завершить эту интимную прелюдию самым настоящим, реальным сексом, как Лева ткнул меня локтем, давая понять, что это не наше дело. Пришлось подчиниться.

Через проход сидели две юные девы-садистки, которые нашли себе развлечение в лице несчастной стюардессы. Надо сказать, что рейс выполнялся экипажем швейцарских авиалиний. Девы вызывали стюардессу каждую минуту, обращаясь с какими-то несущественными вопросами и требованиями, что-то вроде: «Принеси воду с газом, нет, лучше без газа, нет, холодную, нет, теплую, в большом бокале, нет, в маленьком...» и так далее. Не успевала борт-

проводница скрыться в своем отсеке, как кнопка вызова зажигалась вновь, при этом две мерзавки вовсю веселились и было件нятно, что это не простые русские скромницы, а отпрыски семей новой российской элиты.

Сзади, дыша перегаром, весь полет орали, матерились и выпивали наши пузатые джентльмены со своими такими же бескультурными жирными женами. К стюардессам обращались по-русски и по-хозяйски: «Слышь ты!», а шоколадки, разносимые по салону на подносах, загребали двумя руками, столько, сколько могли вместить их огромные «грабли». Измученный вид стюардесс вызывал искреннее сочувствие, и у меня прямо-таки руки чесались отправить своих соотечественников на родину без парашютов, так сказать, в свободном полете.

Поэтому не надо удивляться тому, что русских везде не любят. Ежедневно в воздухе происходят различные происшествия, связанные именно с нашими, обычно сильно нетрезвыми, согражданами, и потому могу сказать откровенно: не стоит «пускать Дуньку в Европу», чтобы не позорить гордое звание русского человека.

Аэропорт Амстердама – город в городе, ни конца, ни края. Времени вагон, и мы, не торопясь, отправились в наш терминал, чтобы там ожидать рейс на Аккру. Народ еще не собрался, до посадки оставалось добрых три часа, но те люди, которые пока находились в зале ожидания, были черными. Белых всего трое – мы. Присутствующие выглядели весьма прилично. Ну, конечно, бедные ведь не могут себе позволить слетать из Африки на другой континент. Надо отметить, что африканцы одеваются очень ярко и красиво, даже когда приезжают в Европу и в этом они очень похожи на нас, русских, которые ограничат себя в еде, каких-либо домашних покупках, но найдут способ сэкономить, чтобы одеться по-модному и выглядеть шикарно. Это вам не неотесанная Европа, особенно Германия, где одеваются, наверное, хуже всех в мире.

Русских можно узнать всегда и везде именно по внешнему виду. Для этого совершенно не нужно входить с ними не только в тактильный, но даже в словесный контакт. Наши соотечественницы в большинстве своем выглядят высокомерно и вульгарно. Всё для того, чтобы зацепить какого-нибудь приличного джентльмена, поэтому работа идет и днем, и ночью, и на работе, и в путешествиях.

Вот скажите, зачем, отправляясь в путь-дорогу, надевать двадцатисантиметровые шпильки и платформы, которые смешно и нелепо, как копыта Кентавра, смотрятся на тошених, неоформленных ножках, особенно в сочетании с чемоданом «мечта оккупанта»? Для чего нужно облачаться в наряды, «достопримечательностью» которых является лишь декольте, что спереди, что сзади? А если есть декольте, то почему из него должны торчать грязные бретельки несвежего бюстгальтера? Многие ведь заботятся лишь о внешнем антураже, совершенно не думая о белье. Почему платья и юбки должны быть такой длины, что только прикрывают, как в старину говорили, «срам», для чего все это?

Лишь для одного: захомутать приличного, состоятельного мужичка, падкого на голые сиськи и коленки.

Наши девочки и тетеньки со стороны себя, конечно, не видят и не замечают, как нелепо и смешно выглядят, но понты превыше всего! «Понты, понты, как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось...», – так бы, наверное, написал А.С. Пушкин, если бы жил в наше время.

Русский человек без понтов, как песня без слов. Без понтов нет счастья, без понтов нет жизни! Каждый имеющий отношение к России просто обязан быть круче всех. Все эти знакомые и незнакомые, близкие и неблизкие, свои и чужие непременно должны захлебнуться завистью, слушая рассказы о мнимом благополучии, и завидовать, завидовать и завидовать до сердечных колик, до зубного скрежета! Никому нельзя показывать, что ты неудачник, лузер, что за душой нет ни копейки, а за пазухой даже камня, который можно ловко швырнуть в огород тех, кто усомнился в твоём благополучии. Если у тебя дырявая лодка, то рассказывай всем, что владеешь белоснежной яхтой. Если достал костюм на блошином рынке, говори, что

купил в лучшем модельном доме Парижа, а его несколько потрепанный вид – это последние модные тенденции. Если нет наличных, ври, что у тебя чековая книжка или карточка, золотая или платиновая, и лучше, если не одна. Не имеешь автомобиля, убеди всех, что твой личный знаменитый доктор, непременно лауреат Нобелевской премии, запретил тебе ездить и приказал ходить пешком. А если ты владелец халупы, беззастенчиво лги, что это домик для твоего нового хомячка, который долго тебя об этом просил, потому что не любит жить в тесной клетке. Одним словом, блефуй и понтуйся, понтуйся и блефуй, и чем больше врешь, тем больше верят!

До замужества я носила фамилию знаменитого старинного княжеского рода. Когда меня спрашивали: «А вы не из тех ли будете?», всегда нагло отвечала: «Конечно же, из тех!» Верили безоговорочно, а может, это и не было враньем, ведь редко кто из нас, сегодняшних, знает свои корни, свое так называемое генеалогическое древо.

Однако понты – это не только удел бедняков и неудачников, их обожают кидать друг перед другом и богачи! Если жена одна и старая, обязательно дадут понять, что где-нибудь, в неближнем зарубежье, благосклонности дожидается целый гарем! Если куплен остров в океане, непременно заметят, что на сдачу дали еще и соседнее государство. Если денег только миллионы, скажут, что миллиарды, размышляя о том, как доворуют остальные. А если посадили в тюрьму, сделают вид, что таким своеобразным способом отдыхают от навязчивых компаньонов и надоевших домашних.

Понтам, как подвигу, есть место в нашей жизни, и чем убедительней понтуешься, тем больше веры и доверия. Почти девяносто процентов российского бизнеса держится лишь на понтах и выражении: «Говорите и вы...».

Мой вам совет: никогда не признавайтесь в собственных неудачах, не стоит – никто не пожалеет и вряд ли кто поможет. Поэтому лучше всего в жизни руководствоваться следующей рекомендацией: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – и это абсолютная истина! Вот и мы слевой плавать и звать на помощь не умеем, а потому выбираться из бурного бизнес-водоворота пытаемся всегда сами, время от времени протягивая друг другу руки, а иногда и бревно.

Глава 4

По мере приближения посадки на рейс зал стал постепенно заполняться. В дополнение к нашему трио появились и немногочисленные белые, их было человека три-четыре, не более. Африканцы не проявляли к нам ни малейшего интереса. Думаю, что для них бледнолицые все на одно лицо, как, впрочем, для нас чернокожие.

Объявили посадку на рейс Амстердам – Аккра, и мы вереницей потянулись в салон самолета. Места наши оказались в одном ряду, четвертой соседкой, которая пристроилась рядом со мной, была пожилая африканка. Самолеты зарубежных компаний, осуществляющие такие длительные перелеты, комфортабельны, можно и телек посмотреть, и покушать эдак четыре раза за полет, и поспать, и отдохнуть. Каждый из нас занимался своим делом, все было нормально, но перед самой посадкой случилась неприятность. Моя соседка случайно, даже не заметив этого, опрокинула стакан с томатным соком, часть которого вылилась на мои новенькие светлые туфли, специально купленные для этой поездки. Меня это просто взбесило! Ну что за безглазая неуклюжая корова! Неужели нельзя быть поаккуратнее?!

Однако вследствие своей дурацкой интеллигентности возмущение я демонстрировать не стала, но туфли пришлось отмывать до конца полета, чтобы вернуть им первоначальный цвет. Это был первый звоночек к неприятностям, у меня всегда так. Если в дороге случается какое-то огорчение, как, например, когда во время поездки в Бразилию обнаружилось разбитым мое любимое зеркальце, я уже знаю, что далее все пойдет не так.

Чем ближе была посадка, тем беспокойнее становилось на душе. Сердце и душа маялись, то и дело вспоминались жуткие фильмы про африканский беспредел, и я мысленно попросила: «Господи, очень тебя прошу, дай нам возможность вернуться обратно живыми и здоровыми!»

С одной стороны, я трусиха, хотя трудно, наверное, назвать столь унижительным словом человека, пережившего девяностые годы криминальной революции в России, участвовавшего в «стрелках» и разборках, весьма активно сопротивлявшегося бандитскому беспределу, разрулившего не одну сложную ситуацию с отморозками тех лет и в конце концов оставшегося в живых в годы кровавого террора и насилия.

Однако то был наш российский менталитет, а не неизвестный африканский, резко отличающийся, судя по тому, что периодически происходит на этом черном континенте, тупой и звериной жестокостью, когда находящееся даже в руках детей оружие начинает стрелять!

С другой стороны, капли храбрости и отчаянности, оставшиеся после страшных девяностых, еще присутствовали в душе и давали понять, что так просто, без боя, мы не сдадимся и, если что, действуя по ситуации, все равно найдем выход из положения. Мои мужчины подобными мыслями не заморачивались, впрочем, на то они и мужики.

Наконец, самолет благополучно приземлился, и мы гуськом потянулись к выходу. Что нас ждет в этой далекой, загадочной и полной опасностей стране? Удастся ли реализовать наши планы? Не произойдет ли что-нибудь ужасное? Эти тревожные мысли ни на минуту не оставляли меня. Все же повторяю: «Хорошо там, где нас нет!»

Оставалось метров двадцать до входа в зал прибытия аэропорта Котока, когда к нам навстречу выбежали военные с оружием в руках. Они что-то кричали на резком гортанном языке. Их отрывистые грубые окрики выражали явную агрессию. Всё напоминало очередной военный переворот, и мне стало до ужаса страшно. Господи, да удастся ли вернуться отсюда живыми?

Из горстки военных выделился высокий импозантный мужчина в штатском с листком бумаги в руках, который четко назвал нашу фамилию. Мы подошли к нему, и он повел перепуганную компанию оформлять въездные документы. Оставив нас в зале прибытия, вызвал из кабинета какого-то таможенного чиновника, судя по форме и количеству звезд на погонах,

пребывающего в чине генерала, не меньше. «Генерал» посмотрел на нас как на пустое место, что-то твякнул на своем диалекте, очевидно давая инструкции, и вернулся в кабинет. Я решила взять инициативу в свои руки:

– Вова, давай, переведи ему, что мы готовы оплатить визы.

Как всегда, заикаясь и заплетаясь от волнения, Володя дрожащим голосом воспроизвел мои слова на английском. Высокий что-то ответил. Из всего сказанного я поняла только одно: они хотят получить за каждую визу «всего лишь» по триста долларов, тогда как на окне таможенной службы висел прейскурант с информацией, что визы для иностранцев стоят по сто пятьдесят долларов на персону! Такая наглость меня бы удивила, если бы немецкий таможенник сделал подобное беспрецедентное предложение, а что касается Африки, я отлично знала, что это в порядке вещей, и твердо заявила:

– Нет, нет, нам сообщили, что виза на человека стоит двести долларов, и мы будем платить по двести.

Наш встречающий пытался торговаться, но я (у меня еще тот характер) не оставила ему ни малейшего шанса: двести и точка! Все вместе вереницей двинулись к окошку обмена валюты. Я не сильна в обменных делах, поэтому предоставила полную свободу действий моим партнерам, тем более один из них в прошлом был опытным валютчиком: внедрял в наше социалистическое общество тех лет капиталистические тенденции и за достижения и успехи в данной области был даже «награжден» системой – тюремным сроком на энное количество лет. Мужчины разбирались в обменных вопросах лучше меня, абсолютно тупой в математике тетки, а потому я скромно стояла в сторонке, ожидая окончания обменной операции. В конце концов, получив на руки заветные доллары и местную валюту седи, мы рассчитались за визы. Средств оставалось ровно на сутки пребывания в отеле, и если мы не добудем денег, то окажемся в полной «ж...» и еще раз в «ж...», и еще много, много раз в «ж...».

– Тебя как зовут? – спросила я нашего сопровождающего, который заметно повеселел, ощутив в руках заветные зеленые бумажки.

Вот уж абсолютно был прав Джеймс Чейз, когда написал в одном из своих романов: «Без денег ты мертв!», а в нашем случае я бы сказала: «Ни жив ни мертв».

– Френчи, – с достоинством произнес он.

– Френки? – переспросила я.

– Не Френки, а Френчи, – твердо, но с некоторой обидой в голосе поправил он меня.

Скажите, пожалуйста, какой гордый, да по мне хоть Чунга-Чанга, какая разница?! Может, мы его в первый и последний раз видим, так на фиг нам его имя? Главное, не вляпаться в какую-нибудь хрень!

Затем последовала длительная процедура заполнения таможенных анкет и деклараций и снятия отпечатков пальцев. Потом меня осенило, что с этим Френчи надо, на всякий случай, наладить отношения, что я с успехом и сделала. К концу процедуры благодаря моему невероятному обаянию, а надо сказать, что руководством к решению любых вопросов для меня всегда служит выражение: «задавить обаянием», которым я успешно пользуюсь везде, мы стали с ним почти друзьями. А когда вместе вышли в зал получения багажа, он сам разыскал наши чемоданы и лично повез их к выходу.

Мы же, как бойцы, выигравшие свой первый бой на ринге, гордо шли вслед за ним, демонстрируя окружающим свое «особое» положение. Вот, дескать, глядите, какое к нам почтительное отношение, какие мы крутые!

Ну, наверное, крутые, а не «всмятку», если нас даже не досматривали, как всех остальных пассажиров, включая и немногочисленных белых, прибывших вместе с нами. Как я заметила, багаж путешественников проверяли полностью. Перед таможенниками лежали горы перевернутых вверх дном чемоданов. А Френчи уверенно вел нас вперед, активно раздавая таможен-

никам по пути нашего следования взятки. Просто брал и втихаря клал им в руки некоторую сумму, и они, согласно кивая, дали нам возможность выйти из здания аэропорта Котока.

Я впервые наблюдала такую циничную и неприкрытую коррупцию. Думаю, что и мою бесконечно любимую, но дикую Россию можно тоже поставить вровень с черным континентом. Благодаря безмерным акульим аппетитам наших чиновников и повсеместному казнокрадству она ничуть не уступает этой, пожалуй, самой прожорливой, беспорядочной и беспардонной стране мира.

Да здравствует Африка! Так вот ты какой, черный и загадочный континент!

Дышать на улице было совершенно нечем. Мы словно оказались в парилке. Одежда мгновенно прилипла к телу. Боже, как мы сможем продержаться здесь десять дней, если первые минуты пребывания повергли нас почти в коматозное состояние?! Кто это выдержит?! Ну ладно я, еще относительно молодая «девушка», а как же два моих пенсионера? Как они переживут эти погодные катаклизмы? Мы огляделись: кругом сплошная темень, слабо освещенная немногочисленными фонарями, кое-где хилые кустарники и полное отсутствие тротуара. Под ногами красная земля, вернее, глина.

Френчи позвонил кому-то по мобильнику. Надо сказать, я находилась в сильном напряжении, в голове крутились жуткие мысли: «Кому он звонит? А вдруг нас хотят похитить, чтобы потом потребовать выкуп?» Сразу же вспомнилась одна ужасная, дикая история, случившаяся в России. Одного американского бизнесмена, правда, русского происхождения, надо сказать, человека состоятельного, под видом организации совместного бизнеса выманили из США в Россию «потенциальные партнеры». Они встретили его в аэропорту, посадили в машину и повезли... убивать! Что пережил этот несчастный, знал только он сам, но как говорит сухой язык следствия: «Был подвергнут пыткам и нечеловеческим страданиям». Таким образом преступники вымогали у него деньги. История закончилась страшно: его живого облили бензином и сожгли! Так что выкуп – еще неплохой вариант по сравнению с пытками и смертью.

Ну, я понимаю, можно отдать жизнь за родину, но за призрачные инвестиции будет все-таки обидно! Интересно, кто-нибудь из наших партнеров заплатит за нас выкуп? Да никто, наверное, еще и скажут: «Так им и надо! Нечего шлаться там, где не следует!» Впрочем, деньги ведь им мы пока не вернули, поэтому если вдруг выкупа не будет, то их вложения накроются медным тазом. А вообще, многие наши бизнес-люди не то что руку не протянут, а еще и ногой подтолкнут в омут, чтобы и не всплыли больше.

Хотя... может, я ошибаюсь и не всё так запущено? Злые мы, конечно, и кто знает может и в этом не отличаемся от африканцев? От таких мыслей стало и вовсе хреново. Жизнь научила меня не верить никому, а иногда и самой себе. Может, благодаря этому мы благополучно, хоть и с жуткими потрясениями, пережили бандитские девяностые и все же остались в живых, возможно, случайно, но скорее всего, нет. Именно бдительность и осторожность не раз спасали наши жизни в отличие от многих других наших несчастных соотечественников, которые покоятся ныне на многочисленных погостах по всей территории Матушки-России.

Закончив беседу, Френчи кивнул нам, давая понять, что следует идти за ним, и мы покорно поплелись, в душе проклиная все на свете и в первую очередь отсутствие денег, как, впрочем, и нашу безумную любовь к оголтелому авантюризму. Но как говорил мой великий предок Чингиз-хан: «Если боишься – ничего не делай, а если делаешь – ничего не бойся!» Теперь, оказавшись на африканской земле, бояться уже нечего, надо быть просто внимательными и осторожными.

Пройдя метров пятьсот, мы внезапно очутились на освещенной площадке. Стоянка такси. Кто-то отделился от машины и бросился к нам навстречу. Это был Даниэль, я с первой минуты узнала его. Он кинулся Леве на шею, затем обнял меня и Володю, покоров нас своей предельной искренностью. И только тут я заметила очень полную, элегантно одетую женщину, буквально с головы до ног увешанную великолепными золотыми украшениями. На ней свер-

кали и кольца, и золотые часы, и браслеты, и кулон, и невероятно роскошные серьги, и пять-шесть золотых цепочек разной толщины. Складывалось такое впечатление, что мадам надела на себя весь свой неприкосновенный запас. Как говорится: «Все свое ношу с собой!» Руки ухоженные, изящные, с длинными тонкими пальцами и ярким кроваво-красным маникюром. Одежда не уступала украшениям. Все выглядело обалденно дорого, шикарно и красиво. Перед нами собственной персоной предстала «беженка» Агнес, и весь ее внешний вид свидетельствовал о том, что эта женщина принадлежит к африканской элите.

Поскольку встреча была добросердечной и радостной, мы немного успокоились. Передав своих клиентов с рук на руки, Френчи, тепло попрощавшись с нами, ушел, а мы на двух такси, кстати, оплаченных Агнес, отправились в глубь Аккры, навстречу своей судьбе. Не очень удобно разместившись на заднем сидении авто, с любопытством глазели по сторонам. За грязным окошком такси мелькали едва различимые очертания фонарей, чахлой растительности и еще чего-то непонятного. Рассмотреть в кромешной тьме окрестности было крайне проблематично.

В это время Вовка и Левка беседовали с Агнес на отвлеченные темы. Краем уха я слышала, что она говорила о том, что больна диабетом, но не колется, а принимает таблетки. Тема диабета была близка и нам. Лева также страдал от этого страшного и коварного заболевания, но в отличие от тетеньки делал инъекции инсулина. Диабет вносил в нашу жизнь много неудобств, потому что Лева соблюдал диету, питался только по часам, принимал дополнительные таблетки и, где бы ни находился, делал в определенное время уколы. Агнес не кололась, потому что была, наверное, теткой ленивой и любившей, очевидно, хорошо пожрать. Об этом говорили ее внушительные размеры.

Ей очень хотелось перебраться в Германию до сезона дождей, наступающего через месяц. На вопрос, как они нас нашли, рассказала о том, что ее муж раньше работал с немцами, вернее, предоставлял им свои услуги в приобретении золота и бриллиантов и всегда говорил, предвидя, вероятно, свою гибель, что если что-то случится, их путь должен лежать только в Германию.

Вот почему предприимчивая мадам упорно искала бывших немецких компаньонов своего супруга или кого-нибудь, кто сможет помочь им в этом деле. Наконец, бог услышал их стенания, и они наткнулись на нас. Бога она вспоминала на каждом шагу, и мне подумалось, что столь набожные, как они, люди не могут обманывать и хитрить.

Я незаметно ткнула Левку локтем и, показав глазами на украшения Агнес, тихонечко прошептала:

– Видел? Похоже, не врет!

– Да... шикарные! Думаю, что всё правда. Во всяком случае, будем надеяться, – с воодушевлением ответил супруг.

– Мне только одно непонятно, – засомневалась я, – они же убежали из дома без всего, без одежды, имущества, документов и тем более украшений, так откуда всё это?

Левка неопределенно пожал плечами и промолчал, видимо, не зная, что ответить на мои подозрительные размышления. Агнес не услышала нашего шушуканья, а если бы и заметила, то все равно бы ничего не поняла, хотя, кто знает, может, она и русским владеет?!

Мне припомнился случай.

Дело было в Германии. Мы ехали с подругой в электричке. В выходной день в вагон набилось много народу, и свободных мест почти не наблюдалось. Два места все же нашли и только тогда обратили внимание на сидящих перед нами двух совершенно неадекватных, а скорее, психически больных людей. Они громко говорили, кривлялись, отчаянно жестикулировали и гримасничали. Мы сжались на своих сидениях, боясь вымолвить хоть одно слово на русском, чтобы не привлечь к себе их внимания. Мало ли чем это могло обернуться для нас, с сумасшедших-то что возьмешь?

Тут я заметила, что впереди освободились два места, и мы рванули прочь из проблемной зоны. Соседство на новых местах тоже получилось необычным, потому что перед нами сидели... африканцы. Посчитав этот вариант более или менее приемлемым, я с облегчением вздохнула и громко по-русски произнесла: «Лучше уж с неграми сидеть, чем с сумасшедшими!» На следующей остановке вышли моя подруга и один из африканцев, а второй на таком же чистом, как у меня, русском спросил: «А вы русские, да?» Я пережила тогда не лучший момент в своей жизни. Мне было крайне неловко за опрометчиво брошенную фразу. С тех самых пор в немецком транспорте я никого и никогда не обсуждаю на русском вслух, всегда может оказаться кто-либо, кто прекрасно знает наш «великий и могучий». Зачем же нарываться на неприятности?!

...Тем временем машина въехала во двор китайского отеля.

Глава 5

Первое впечатление от отеля было весьма приятным. Стены огромного холла украшали чудесные фрески, изображающие сцены из экзотической африканской жизни. Справа разместился огромный кожаный диван и два таких же гигантских кресла, в каждом из которых вполне могли уместиться не один, а сразу два человека. Под стать мягкой мебели был и внушительных размеров стол из оникса невероятной красоты! Огромная деревянная фигурка носорога, вырезанная из красного дерева, украшала регистрационную стойку. Настоящий шедевр! Деревянные фигурки животных и птиц – моя слабость. Я собираю и коллекционирую их и в Африке хотела бы пополнить свою коллекцию.

За регистрационной стойкой стояла симпатичная девушка-мулатка, которая, едва мы подошли, стала быстро оформлять на нас забронированные Агнес номера.

Нам слевой дали двухместный номер здесь же, в центральном здании, а Вовку поселили в домике через двор, как потом оказалось, там в основном проживал персонал, обслуживающий отель. Ему достался обычный одноместный номер, и Вова был удовлетворен, зато мы остались не довольны тем, что он обитает не в одном с нами здании. Ругаться, правда, как делаем обычно, не стали вследствие невероятной усталости! Окончательно измотанные дальней дорогой и волнениями, связанными с поездкой, мы с радостью поднялись в наши апартаменты. Комната встретила нас восхитительной прохладой. К слову сказать, поднялись все вместе, то есть: Вова, Агнес, Даниэль и мы.

– Давай отдадим подарки сразу, – проявила я инициативу, как впрочем, всегда.

– Открывая чемодан, – с легким нетерпением согласился Левка, желая поскорее порадовать вновь обретенных африканских «родичей».

Моя попытка открыть наш чемодан успеха не принесла, и тогда ко мне на помощь пришел Даниэль. Он уверенно повертел ключ в замочке и... я сразу же обратила внимание на его руки. На правой и вправду не было указательного пальца, судя по всему, он был отрезан или отрублен, что в конечном итоге не играет никакой роли, потому что результат все равно один. Лева стоял ко мне почти вплотную, и я успела поделиться с ним своим наблюдением: «У него нет пальца, значит, это правда!» Мы переглянулись: они нам не врал, и это обнадежило нас в успешном исходе всей операции.

К нашим подаркам черные друзья отнеслись без особого энтузиазма, что несколько покорило меня. А я так старалась, бегая по всему городу и подыскивая им сувениры вкусу! Мы, разумеется, ждали другой реакции, но эти люди воспринимали наши гостинцы так, как будто мы были им чем-то обязаны!

На прощанье договорились встретиться в отеле в 9:00. Агнес сообщила, что утром состоится randevu с представителем фонда. Как я поняла, нам следовало подъехать в офис компании, где хранится наследство. Да... следующий день обещает быть насыщенным!

Наконец мы остались с Левкой вдвоем. Время уже позднее, час ночи, и, поспешно раздевшись и быстренько посетив ванную комнату, мы без чувств рухнули в постель. В моем беспокойном сознании, правда, продолжала маячить мысль: «Где взять деньги?» Впрочем, я всегда засыпаю и просыпаюсь с этой единственной мыслью: как говорится, привычка, сэр!

Ранним утром, едва открыв глаза, подумала: «Боже мой, Оля, с ума сойти! Чтобы получить инвестиции, ты добралась аж до самой Африки! Лежишь в центре черного континента и в ус не дуешь, просто обалдеть можно!» Из туалетной комнаты выглянула в окно. Занимался рассвет, небо подернули розовые перистые облака, из-за которых осторожно выглядывал оранжево-красный солнечный диск. Панорама открывалась на огромный двор. Посередине раскинулся плавательный бассейн, на каменных бортиках которого под симпатичными солнечными зонтами разместились небольшие столики. Справа – казино, вход в которое был украшен тра-

диционными фигурами драконов, чуть далее – хижина, возможно, кафе или столовая, где, очевидно, и проходил завтрак. На часах 6:00. Я пошла будить Леву. В это время в номере раздался телефонный звонок.

Сняв трубку, услышала бодрый Вовкин голос:

– Привет! Когда идем на завтрак?

– Давай через час. Внизу, в холле.

– Ок!

Сборы были недолгими. При такой жуткой жаре нечего даже думать о том, чтобы нанести на лицо крем и макияж, а посему приведение мордуленции в порядок заняло всего пятнадцать минут, в то время как обычно мне нужен хотя бы час. На завтрак мы, обладатели двухместного номера, получили всего один талон, а за второго человека должны были платить из своего кармана! Ай да китайцы, в мире такого нет! А у них, представьте, есть! Это, наверное, фэн-шуйские примочки: «Корми одного, а второй пусть сам себя прокормит».

Мы вышли на улицу. Погода восхитительная. Если бы на протяжении дня было так, как в эти утренние часы, когда солнце еще не развернулось на полную мощь своей сумасшедшей энергии, это был бы самый райский уголок на Земле! Двор украшали пышные пальмы и какие-то интересные, ранее не виданные, экзотические растения. Навстречу энергично шагал Вова. Мы так тепло поздоровались, будто не виделись, по крайней мере, месяц! Чужбина, что ни говори, объединяет соотечественников, но только в очень далеких, экзотических странах, где наших так мало... что почти нет. Не торопясь и тихо беседуя между собой, под многочисленными любопытными китайскими взглядами наша троица направилась к бунгалю: все столики во дворике уже заняли китайские гости.

Ни на кого не обращая внимания, мы гордо прошествовали мимо и вошли в хижину. Здесь уже вовсю суежилась стайка молоденьких негрятючек. Одни были поварихами, другие, снующие туда-сюда, официантками. В помещении стояло всего три столика и тут же готовили еду. Все выглядело убого и запущено.

Мы слевой заказали по вареному яйцу, сосиски и кофе. Этим выбор и ограничивался. Думаю, у китайцев имелся более широкий ассортимент, недоступный для других посетителей отеля. Судя по всему, сосиски шли здесь на вес золота, потому как на человека полагалась разрезанная на половинки одна сосиска, изображающая из себя как будто две. Вове «повезло» еще меньше. Ему досталась типичная китайская еда, очевидно, для бедняков, возможно, из страшных времен Мао. Он получил рис, утопленный в воде, в которой его и сварили. Жуть! Я, баловавшая вкуснятиной не только своего мужа, но и постоянно приезжающих к нам иностранных гостей, в жизни бы не притронулась к такому блюду, но Вовка человек непритязательный. Он уже много-много лет холостяковал (я даже думаю иногда, как же ему все-таки удалось сделать дочку?). Такая еда была для него привычной, и он с большим удовольствием срубал все подчистую. На мой провокационный вопрос: «Ну как?» с видимым удовлетворением ответил: «Неплохо».

– Всё, ребята! Пора собираться, скоро едем в офис. Действуем по обстановке, – поторопил нас Лева.

– А где деньги брать будем? За отель же платить надо и потом, если все окажется правдой, где возьмем три тысячи четыреста евро? – напряглась я.

– Буду звонить в Питер, Юрке и Ваньке. Попробуем решить проблему. Вова, пошли скорей, купим симку и начнем действовать, – Левушка был настроен очень решительно.

Рассчитавшись, мы покинули бунгало и отправились к отелю, сделав по дороге пару-тройку фотографий. Снимались дуэтами: я с Вовой, Вова слевой, Левчик со мной. Симка оказалась очень выгодной. Мужу удалось поговорить с российскими партнерами, а мне даже с родителями, и на карточке еще остались деньги. Наши ребята, увидев африканский номер, поняли, что это не розыгрыш и дело может выгореть, поэтому уговаривать их выслать нам

определенные суммы долго не пришлось. Они подписались, правда, за приличные проценты, но все равно для нас это была очередная победа. Вопрос в какой-то степени решился.

Уже в 8:45 мы ожидали Агнес в холле. В девять с минутами появилась наша подруга в сопровождении Даниэля и молодой, довольно крупной негритянки не слишком-то симпатичной наружности. Мы сердечно обнялись, и Агнес представила нам девушку как старшую дочь Лалу. Я удивилась. Ничего общего с красавицей на ранее высланной фотографии эта девица не имела. Разница между ними – как между Бабой-ягой и Василисой Прекрасной! Сомнение опять подняло голову, но виду я все же не подала.

Агнес выглядела, несмотря на свою тучность, ослепительно. Ярко-желтое, украшенное дорогим кружевом, длинное платье и такого же цвета тюрбан на голове. Набор золотых украшений был иным, чем накануне. Да... золота там хватало!

– Ну что, мы едем? – в нетерпении спросил Лев.

Агнес замешкалась. На ее лице появилось таинственное выражение:

– Давайте поднимемся в номер. Здесь нельзя говорить, везде есть уши!

Мы были несколько обескуражены таким поворотом событий, потому как надеялись попасть в офис фонда (это могло послужить для нас хоть какой-то гарантией), ведь не далее как вчера обговорили этот вопрос между собой. Ситуация стала нравиться всё меньше, но тем не менее, уступив просьбе противоположной стороны, мы поднялись в номер и, рассевшись кто где, продолжили начатый в холле разговор.

– Вова, переводи точно, что говорю я и что отвечают они, – с раздражением накинута на бедного Вовку Лев и, уже обращаясь к Агнес, спросил:

– Почему мы не едем в офис, что случилось?

– Ничего не случилось, папа, просто директор фонда сам сейчас подъедет с документами. Он не хотел бы вашего появления в офисе фонда, чтобы не было лишних разговоров. Вы ведь белые и ваш приезд может негативно отразиться на наших общих делах.

Аргумент вполне резонный. Действительно, появление нашей белой компании могло привлечь внимание и насторожить обслуживающий персонал и не только, что не на руку ни им, ни нам.

– Когда он приедет?

– Должен уже быть!

Как бы в подтверждение ее слов раздался тихий стук. Я поднялась, чтобы открыть. На пороге стоял интересный африканец лет пятидесяти: элегантно одетый, в дорогой обуви (а я всегда обращаю внимание на обувь!), на руках массивные золотые часы, браслет и дорогой сверкающий перстень. Все свидетельствовало о безупречном вкусе вошедшего. Одарив нас белоснежной улыбкой, он поздоровался и представился:

– Меня зовут Айзек Квамэ. Я директор фонда, в котором хранится наследство семьи. Отец Даниэля – продолжил он свой рассказ, – был моим хорошим другом и попросил меня, если вдруг с ним что-то случится, позаботиться о семье. Я знаю их сложное положение и, как могу, стараюсь помочь. Очень хочу, чтобы они получили наследство и как можно скорее уехали в Германию. Вот привез документы, подтверждающие существование траста и необходимость внесения остатка суммы для того, чтобы освободить его. Агнес мне сообщила, что вы готовы проплатить эту небольшую сумму, – и он замолчал.

Как я поняла, речь свою директор фонда завершил. Теперь в переговоры вступил Лева.

– Я бы хотел увидеть документы, мистер Квамэ, это в первую очередь! Кроме того, у меня к вам есть еще вопросы.

Айзек с готовностью открыл папку, которую держал в руках, и стал вытаскивать бумаги, передавая их сначала Лева. Внимательно изучая документы, для начала внешний вид, Лев отдавал их Владимиру для перевода. Мне тоже стало весьма любопытно. Совсем не похоже на то, что это подделка, хотя... кто его знает?! Инвойс сверкал различными печатями, подписями

и суммами, которые, очевидно, были проплачены ранее. Конечно же, я не слишком разбираюсь во всякого рода финансовых документах, но по удовлетворенному виду своих друзей поняла, что документы, похоже, подлинные. Ну, слава богу!

Главным документом являлось завещание, оформленное на Даниэля, в котором покойный отец, господин Кабарах, оставлял все наследство своему любимому сыну, сделав его своим распоряжением более чем богатым человеком и не только в Африке! Кроме того, траст был застрахован на крупную сумму.

– Как только вы внесете за хранение последнюю часть денег, ценности сразу же будут привезены туда, куда скажете, и переданы наследнику.

– Господин Квамэ, вы открывали ящик, в котором находится наследство? Знаете, что там? – спросил муж.

– Нет, что вы! Мы даже не знаем, в каком виде существует этот траст. Возможно, это ценные бумаги. Когда кто-нибудь помещает ценности в фонд, это является тайной вклада, по подобию банковской ячейки.

Я обратила внимание, что Агнес напряглась и очень выразительно посмотрела на нас, всем своим видом давая понять, чтобы ни одного слова о деньгах не было сказано вообще. Похоже, тетенька всерьез обеспокоена тем, что Квамэ может узнать, что в ящике такая внушительная сумма. Видимо, друг семьи о многом не догадывался и не пользовался полным доверием вдовы господина Кабараха, но, наверное, рассчитывал на солидный гонорар, а иначе зачем бы ему им помогать?!

Наконец наступил самый ответственный момент. Левка должен был сказать свое последнее слово – «да» или «нет», заплатим или платить не будем. Пауза несколько затянулась. Наконец, мой муж и по совместительству партнер решительно заявил:

– Можете приехать завтра, мы проплатим.

В глазах Агнес и Даниэля засветилась неприкрытая радость, а мистер Квамэ, также лучезарно улыбнувшись, резво откланялся, получив от нас в подарок банку икры и шикарную коробку конфет с четкой формулировкой: «Для вашей супруги».

Когда он удалился, Агнес, обращаясь к Лева, спросила:

– Папа, ты не сможешь дать нам сто пятьдесят евро на еду?

– Но ведь завтра вы получите траст, – недоуменно произнес Лева.

– У нас совсем нет еды, – жалобно протянула наша подруга.

Мне не хотелось давать им даже эти деньги и не потому, что я жадина, а потому, что у нас самих их было в обрез, это первое. И второе, я посчитала это наглостью: имея с нашей помощью возможность получить завтра целое состояние, просить еще какие-то средства! Да пусть продаст пару своих побрякушек, вот и, пожалуйста, будет еда, или... она сомневается в получении финансовых средств?! Своими крайне подозрительными и смутными соображениями я поделилась с моими компаньонами:

– Слушай, Лева, а вдруг они нас кинут? Будь, пожалуйста, поосторожнее! Не давай им «бабки» без расписки. Мне кажется, она не уверена, что получит завтра деньги, а иначе зачем просить сто пятьдесят евро? Странно всё это!

Сомнения начали одолевать меня с новой силой. Африканцам верить нельзя в принципе и, зная их лживость, нужно постоянно держаться настороже. Но ведь не зря же говорят: «Наглость – второе счастье», и они прекрасно знали, как этим счастьем умело пользоваться. Деньги в размере ста пятидесяти евро она от нас все-таки получила. Вот такие мы люди. Далее последовала уже наша просьба к ним показать местонахождение «Western Union», где лежали средства, высланные нашими партнерами из России.

– Только не говори им, что деньги есть. Идем лишь за информацией, – предупредила я своих компаньонов.

На том и порешили. Отпустив назойливых вымогателей, мы еще на битый час застряли в «Western Union», где получили местную валюту седи, которую успешно обменяли на евро.

С «Western Union» меня связывали непростые отношения. Я периодически переводила куда-нибудь деньги, а они с завидным постоянством подавали в немецкую прокуратуру заявления о подозрении меня в незаконных денежных операциях с очень страшной формулировкой: «Отмывание финансовых средств». Так или иначе «бабки», разумеется, отмываются, причем миллиардами, и это не секрет, но отнюдь не через «Western Union» с их жестким контролем и сумасшедшими процентами за оплату перевода. Стабильно, раз в год, меня вызывали на допрос в криминальную полицию, слишком активно занимающуюся борьбой с экономическими преступлениями. Страх не было, потому что документально все у меня содержалось в идеальном порядке, но приглашение в полицию всегда вызывает неприятные ощущения, даже если ты кристально чист, не говоря уже о преступниках, которые, как правило, не имеют привычки дожидаться вызова в соответствующие органы, а моментально смываются, пока их не взяли за одно место!

Мои неприятности обычно касаются и наших компаньонов. К моему партнеру на Украине немецкая прокуратура выслала для проверки Интерпол. Когда бойцы данной структуры появились в офисе нашего друга, то у него, как он нам потом признался: «От страха брюки стали мокрыми и чуть не облетели последние волосенки на голове!» И это сообщил человек, за которым вообще нет никаких нарушений, потому что он сам, между прочим, юрист.

На последнюю встречу после полугодового хождения на допросы меня пригласил сам комиссар полиции.

– Госпожа Штерн, – выразил он свою просьбу, – прошу подъехать к нам, потому что с вами хочет встретиться сам прокурор.

Я уже так устала от всей этой ерунды, что осталось только пошутить:

– Уважаемый господин Займмер, вы знаете, мне уже нечем стирать, средство для отмывания закончилось!

Комиссар мою шутку оценил, но просьбу все же повторил. Пришлось вновь идти на допрос. В кабинете, куда я вошла, кроме комиссара, переводчика и служащей, протоколирующей нашу беседу, сидел молодой красивый прокурор, у которого я полюбопытствовала:

– Скажите, пожалуйста, в каких случаях можно пользоваться системой «Western Union» и какие суммы разрешено отправлять?

На мой вопрос прокурор ответил так:

– Если вы, например, где-нибудь в отпуске в Таиланде потеряли паспорт или вас обокрали, то имеете право попросить у родственников... сто евро, которые они могут вам прислать по «Western Union», но не больше!

Ответ меня, конечно, возмутил, но свое возмущение я оставила при себе, не желая раздражать правоохранительные органы. Более того, услугами «Western Union» решила пользоваться и далее, но по своему усмотрению, и пользовалась до тех пор, пока вновь не получила вызов в полицию с той же формулировкой «отмывание» и не попала в черный список «Western Union», таким образом навсегда разорвав наши ненавистные отношения!

Деньги в сумме три тысячи четыреста евро были готовы к предстоящей операции. Возможно, завтра наш самый больной вопрос наконец-то решится! Мы очень надеялись на удачу, но абсолютно был прав Булат Окуджава, когда писал свои легендарные строчки: «Ваше Благородие, Госпожа Удача, для кого ты добрая, а кому иначе...» Окажется ли она доброй к нам хоть раз?! Очень хотелось верить...

Глава 6

Наши передвижения по кварталу Аккры вызвали ажиотаж у местного населения. Все глазили на нас со всех сторон, махали руками, свистели и что-то кричали. Складывалось впечатление, что мы единственные белые в этой части черного континента. Видимо, такая же суматоха царила, когда в басне И.А. Крылова «по улицам Слона водили, как видно, напоказ...». Нас рассматривали, как невиданных экзотических животных.

Улица жила своей жизнью. Частные виллы и гостиничные комплексы огорожены массивными заборами, и за оградами существовала совсем иная жизнь, чем со стороны улицы. Тротуаров, как таковых, попросту не было, всюду клубилась красная пыль, а по дорогам юрко бегали раздолбанные такси. Городского транспорта мы не заметили. Старенькие, дребезжащие всеми изношенными частями микроавтобусы типа наших маршрутных были забиты людьми. «Радовали» глаз вывески, предупреждающие о наличии насекомых, змей и других гадов, которых надо опасаться. По улицам сновали взрослые и дети, чувствующие себя в этих адских климатических условиях тем не менее прекрасно.

Повсюду торговали различной снедью и фруктами, в основном экзотическими, названия которых мы и не знали, никогда ранее не видели и даже не подозревали об их существовании. Знакомыми среди них были лишь манго да бананы, огромные и настолько спелые, что, казалось, чуть надави – и брызнет сок. Конечно же, мы купили пару манго, оставив торговке, очень милой девушке, сдачу из пары седи, после чего она еще долго кланялась вслед и благодарила нас.

Настоящая территория хаоса!

К счастью, «Western Union» оказался в шаговой доступности от гостиницы, и мы, почти в полуобморочном состоянии от изнуряющей жары, наконец, приплелись в отель. После такой утомительной прогулки не мешало передохнуть.

Немного отлежавшись, решили пообедать. К нашему удовольствию, на первом этаже гостиницы обнаружился китайско-африканский ресторан. Все выглядело прилично и возможно, здесь мы не отравимся. Весьма предупредительный метрдотель-африканец усадил нас за один из столиков, как раз на троих, и раздал меню. Через Вову кое-как определились с выбором блюд. Всем троим взяли овощи, потом, ради интереса, мясо с грибами и побегами бамбука. Володька же остался верен себе, решив съесть еще и суп. Когда все заказанное принесли, мы сфотографировали стол и нас за этим столом, так сказать, для истории.

Выбранные нами блюда оказались исключительно вкусными. Чуть сладкие овощи, приготовленные особым способом, хрустели на зубах и формой напоминали этиких «ежиков». Тушеное мясо с грибами таяло во рту. Давно я так вкусно не ела! Нам все очень понравилось, и мы решили обедать здесь ежедневно. Ужин с нашими финансами не предполагался.

Даже замечательный обед не отвлек меня от беспокойных мыслей. В благополучном исходе операции я пока очень сомневалась. Интуиция подсказывала, что здесь что-то не так, но тем не менее надежда еще теплилась в наших сердцах. Квамэ обещал сделать нам копии всех представленных бумаг, правда, сделать это в отеле не захотел, что было, в принципе, правильным решением. Нельзя служащим отеля давать пищу для размышлений и показывать бумаги, где фигурируют подобные цифры. И потом, у меня было предположение, что весь этот гостиничный комплекс принадлежит китайской мафии. Очевидно, так оно и есть.

Практически все казино в любой стране мира, как правило, имеют отношение к криминальным структурам, и это, видимо, не является исключением. Поговорив немного в номере и обсудив прошедшие и предстоящие события, мы, наконец, разошлись. Сна, как не было, так и нет. Я всегда очень волнуюсь, коли мне предстоит серьезное мероприятие, даже если просто надо кого-то встретить в аэропорту, не говоря уже о событиях, которые нам предстояло пере-

жить завтра. Что это будет? Получится или нет? Как все произойдет? Как мы сможем перебросить такие суммы в Германию, чтобы начать нормально работать, а не бегать на допросы в полицию? Множество вопросов, на которые пока не было четкого ответа...

Утром следующего дня, очень рано, мы были уже на ногах. На завтрак ничего нового: рис, яйца, сосиска, кофе. Но едва ли еда сегодня беспокоила нас. Мы с волнением ждали предстоящую встречу. В 9:00 появилась Агнес, на этот раз без сына.

Эта женщина всегда поражала меня своим видом. Внушительный вес вкупе с диабетом приносили ощутимый вред здоровью, стесняя ее движения, но одета она была, как всегда, роскошно. Сегодня вместо тюрбана ее голову украшала оригинальная прическа из множества мелких косичек на манер узбекских (наверное, парик). Завершал ансамбль новый комплект золотых украшений.

– Давайте поднимемся в номер, – тяжело дыша, предложила подруга.

Мы согласились и вместе вошли в наши апартаменты.

– Я не желаю, чтобы Айзек был в курсе, что это деньги, и, конечно же, не хочу, чтобы он знал о конкретной сумме, которая хранится у него в фонде, поэтому прошу вас, умоляю ничего не говорить и не поднимать этот вопрос!

Лева согласно кивнул, заверив ее, что будет нем, как рыба.

– Когда вы заплатите остаток суммы, мы сразу же поедем к нам, в Дом надежности, куда в течение часа привезут деньги, и я тотчас верну вам потраченные средства. По поводу наших инвестиций: мы должны с вами подумать, как будем перебрасывать средства в Германию, и потом я собираюсь купить там дом, желательно рядом с вами, надеюсь, что вы поможете подобрать удачный вариант!

Судя по разговору, операция уже начала обретать реальные очертания. Левчик не успел ей ответить, как в дверь постучали. Вошел Квамэ. Он, как и прежде, был безупречен, но на этот раз очень серьезен... Директор вопрошающе взглянул на нас, и Лева с волнением, несколько засуетившись, вытащил необходимую сумму и положил перед ним. Тот, пересчитав деньги, передал нам копии всех бумаг. Что же касается расписки, то, похоже, он и не собирался ее давать.

Я глазами показала мужу, что надо взять расписку, но Левка в ответ лишь неуверенно пожал плечами, как будто хотел сказать: «Ну ведь солидные же люди, неудобно просить, ежели сами не дают». «Ладно, не хочешь просить – не проси, только потом не жалея, – с раздражением подумала я, – черт с тобой!»

Вообще-то у нас с мужем есть целый арсенал знаков и жестов, которыми мы пользуемся на деловых переговорах. По одному моему взгляду, чуть приподнятой брови, едва заметному повороту головы он знает, что я хочу сказать: надо закончить разговор, принять условия противоположной стороны или твердо сказать: «Нет!» Иногда в процессе переговоров в ход идет руко- и ногоприкладство. Я наступаю ему на ноги или могу незаметно ущипнуть, именно поэтому на подобных деловых встречах мы всегда стараемся сидеть рядом, где бы это ни происходило.

Однажды, в одном богатом доме в Санкт-Петербурге, где должна была состояться серьезная аудиенция, и вовсе произошел облом!

Нас вежливо пригласили в зал, но стол, к нашему ужасу, оказался... стеклянным, что крайне затруднило наше тайное общение. В довершение ко всему Левка, который очень любит вертеть в руках различные предметы со стола, уронив, разбил обычный бокал из простого стекла, в общем, совершенно ерундовскую вещь, однако ситуация, в отличие от бокала, оказалась не очень простой. Нам прозрачно намекнули, что эти бокалы стоят по девяносто долларов за штуку. Я чуть не воскликнула, вспомнив по ходу Станиславского: «Такое говно? Не верю!», но, опомнившись, вовремя прикусила язычок, поскольку переговоры еще не закончились и обиженные хозяева могли решить дело не в нашу пользу.

Платить за испорченное имущество все же пришлось, и более чем неприятный осадок остался надолго. Еще пара таких визитов – и мы точно разоримся! В связи с надвигающейся по вине неловкого мужа и партнера несостоятельностью пришлось пригрозить Левке тем, что впредь он будет являться на переговоры только в наручниках, причем пристегнутым ко мне.

Да... чем богаче человек, тем он жаднее. Вот имей я шикарную квартиру в центре Питера с золотыми унитазами и гигантским, во всю стену, телевизором, сделала бы вид, что не заметила оплошности гостей, и уж подавно не стала бы рассказывать о стоимости тех или иных совершенно незначительных предметов обихода, не говоря уже о взыскании с «провинившейся» стороны мзды за испорченное мелкое имущество! Только вот беда в том, что не все такие благородные, как я.

Из горьких воспоминаний в действительность меня вернул голос Айзека. Квамэ встал.

– Через час я привезу траст в «Дом надежности», а вы приезжайте прямо туда, – и отключился.

– Вы поедете без нас? – осторожно спросила я Агнес, со страхом ожидая положительного ответа, который бы поставил точку во всей этой странной истории: если бы она уехала одна, как и Квамэ с нашими деньгами, мы бы их никогда больше не нашли.

– Нет, – ответила чернокожая подруга, – сейчас мы все вместе поедem к нам и будем ждать там наше наследство.

Слава богу: если едем вместе, то вполне вероятно, что всё состоится. Наконец мы сели в ожидавшую Агнес машину. Толстуха на правах хозяйки уселась рядом с шофером, а наша троица – на тесном сидении сзади.

Автомобиль пересек город и вырвался на окружную дорогу вдоль океана. Вдали у горизонта темнели силуэты кораблей, берег омывали мягкие изумрудные волны, а васильковое небо, пронзенное яркими лучами беспощадного, в белой дымке, солнца, накрыло океанические просторы бескрайним куполом. Потрясающая красота!

По дороге трепались о жизни, планах на будущее, о скором их переезде в Германию. Наша подружка была образованна. Она прекрасно говорила по-французски, по-английски и знала кое-что по-немецки, думаю, готовилась к переезду серьезно.

Мы ехали уже около получаса. Вид океана сменился пустыней с редкими жилыми кварталами, растительности здесь не было совсем. Еще минут через двадцать показалось какое-то селение с достаточно приличными домами.

Строение, к которому подъехали, представляло из себя небольшую скромную виллу, огороженную со всех сторон непроницаемым железным забором и вышкой для охраны. На вышке стоял парень с автоматом Калашникова в руках – оружием, весьма популярным в Африке. А вообще, этот Дом надежности очень напоминал логово боевиков или мафии, так мне показалось. Душа потихонечку стала уходить в пятки, в голове зажглась красная лампочка: «Опасность!» Машина въехала во двор, и мы вышли на свежий воздух.

Дверь виллы отворилась, и на пороге появился Даниэль. Европейская одежда, выбранная со вкусом, очень шла юноше. Он был облачен в красивую рубашку и брюки, на ногах сидели шикарные туфли.

Этот ласковый мальчик, как всегда, бросился к нам на шею, переобнимал всех и, взяв меня под руку, повел в дом.

– А где твои сестры, они здесь? – поинтересовалась я.

– Нет, они еще в школе, – опережая Даниэля, поспешно ответила Агнес, – учатся там целую неделю и приезжают только на выходные.

«Странно, однако, – подумала я про себя, – какая может быть учеба в школе, когда двум старшим девушкам уже двадцать пять и двадцать семь?! В этом возрасте обычно все глубоко замужем и, как правило, имеют собственных детей, тем более, что семья была отнюдь не бедной. Они что, не учили их, что ли?»

Агнес осталась во дворе, давая какие-то указания шоферу и черному парню с оружием, который спустился с вышки. Краем глаза я заметила в глубине двора еще одного вооруженного охранника. Наши друзья находились под надежной защитой, и это меня почему-то беспокоило.

Мы вошли в дом. В просторном холле стояла мягкая мебель: очень необычные диваны, обтянутые пористой кожей, очевидно, носорога или гиппопотама, журнальный столик. На стене, рядом с портретом Иисуса, свечами и искусственными цветами под ним, – супермодный плазменный телевизор, у стены – антикварный резной комод. Несколько следующих ступенек вели в глубь особнячка, но наше пребывание ограничилось этим холлом.

Мы осторожно разместились на диване. Колоссальное напряжение, как металлический пресс, давило на нервы, мозги и сердце, которое от необъяснимого страха готово было выскочить из груди. Естественно, сразу же захотелось в туалет. Боже, не хватало еще здесь облажаться! Теперь я отчетливо поняла, что означает выражение «описаться от страха». Мои спутники, включая африканских друзей, находились в таком же состоянии, и я мысленно приготовилась к любому повороту событий. Господи, помоги нам, пожалуйста!

Даниэль убежал на кухню и притащил большой поднос, на котором среди ледяных осколков лежали разнообразные баночки с напитками: кола, фанта, соки и минералка. Поставив поднос на стол, он уселся рядом с матерью на диван прямо напротив нас.

– Вы этот дом снимаете? – спросила я осторожно, чтобы хоть как-то снять напряжение, попутно размышляя о том, на какие же средства они арендуют эту «хижину», если деньги на еду просят у нас.

– Да, снимаем, – Агнес тоже чувствовала себя не в своей тарелке, – да вы угощайтесь, выпейте что-нибудь...

Вот уж чего мы слевой в жизни не делаем, так это не пьем и не едим у малознакомых людей. На деловых встречах отказываемся даже от кофе. Исключение делаем лишь для крупных фирм, и то только за рубежом, в Европе. Страшных историй с устранением ненужных людей через отравленную еду и напитки предостаточно. Так, подсунув яд в кофе, несколько лет назад убили племянника моего мужа, бывшего военного, который работал начальником охраны крупного питерского банка. Он умер прямо в машине управляющего, и было ему всего тридцать шесть. Поэтому ни Лева, ни я не притронулись к угощению. Вовка пытался было протянуть ручонки к напиткам, но я сделала ему физическое замечание, намекнув, что он может протянуть заодно и ножонки, и Владимир оставил попытки попробовать дары данайцев.

Агнес хотела что-то добавить, но в этот момент в дверь постучали. Даниэль, мгновенно соскочив с дивана, бросился открывать.

Первым в дом вошел уже знакомый нам господин Квамэ, а за ним еще трое. Поверх одежды на них красовались оранжевые жилеты, точно такие же, как у наших дорожных рабочих. Один, невысокого роста, очевидно, старший в этой компании, держал в руках бумаги, двое других, поздравнее, несли сундук. Не ящик, а именно сундук, очень похожий на тот, которым владела когда-то моя давно умершая бабушка. Мы оставались молчаливыми наблюдателями напряженной сцены, которая разыгрывалась перед нашими глазами.

Сундук поставили перед Агнес, и она встала. Айзек присел на диван, а тот, который, судя по всему, являлся в этой группе главным, начал говорить с Агнес на их диалекте. Он спросил фамилию и имя ее и Даниэля, это было понятно и без перевода, и кивком указал на нас, очевидно, спрашивая, кто мы такие. Агнес представила нас как своих родственников. Ответ его удовлетворил, и больше интереса к нам он не проявлял. Наша подруга стала бодро отвечать на последовавшие далее многочисленные вопросы. Затем с Даниэлем они проверили целостность замков, на которые был закрыт сундук.

Неожиданно старший, как я поняла, строго и жестко потребовал открыть ящик. Видимо, что-то его смутило. Интересно, как же она выкрутится и как будет открывать, если здесь чужие люди, да еще и Квамэ, который вообще не должен знать о наличии денег?! Агнес попыталась

возразить, но товарищ оказался очень настойчив и на корню подавил попытки сопротивления. Ей пришлось достать ключи, открыть замки сундука и откинуть крышку...

То, что мы увидели в ящике, вряд ли сможем забыть! Сундук под завязку был набит сто-долларовыми купюрами, и находилось в нем ровно десять миллионов долларов – все наследство Кабарахов! Тугие серо-зеленые пачки, заботливо упакованные в полиэтилен, спокойно лежали, ожидая своего часа. Как я поняла по выражению лица, Айзек был поражен не меньше нашего, хотя мы и знали, что там находится. Такое количество наличных наяву я видела впервые! Но может, они фальшивые?

Старший, как будто услышав мои мысли, вытащил из пачки одну банкноту и посмотрел ее на просвет. Удовлетворенно кивнув, он передал ее Агнес. Видимо, купюра была настоящей. Агнес, в свою очередь, передала ее «папе» Лева, Лева – мне. Я аккуратно прощупала вожденную бумажку. Похоже, подлинная! После меня банкноту взял Квамэ, который очень внимательно рассмотрел ее и положил на журнальный столик. Начинался второй акт спектакля, мне почему-то показалось, что перед нами действительно разыгрывают какой-то спектакль. Я тихонько прошептала Лева:

– Давай втихаря включу видео и сниму.

На что мой побледневший муж сдавленно возразил:

– Даже не вздумай!

Сначала я решила его послушать и не рисковать, но потом заметила, что аппарат-то включен и всю работу делает, записывая все происходящее на видео, включая сундук, полный американских денег. Не знаю, почему и как я это сделала, но думаю, что инстинктивно почувствовала, что когда-нибудь эта запись пригодится. Между тем перед нашими глазами продолжало стремительно разворачиваться прямо-таки драматическое действие. Старший наступал на Агнес с вопросами. Она, крайне раздраженная, отвечала очень злобно и агрессивно.

– Вова, спроси у Квамэ, о чем они говорят, – Лева был обеспокоен.

Айзек объяснил:

– Мы не знали, что там деньги. Когда просветили ящик, а это обязательная процедура перед передачей наследства, то увидели, что внутри находятся какие-то брикеты. Сначала предположили, что это наркотики, но ошиблись. Теперь есть проблема. Надо доказать, что деньги легальные, а не полученные от преступной деятельности.

Настойчивый и вредный господин Зуми потребовал у наследников документы, доказывающие, что деньги чистые. Судя по выражению лица Агнес и ее ярости, вылившейся на него, таких документов у нее не было и в помине!

Тем временем господин Зуми, что-то пометив в своих бумагах, отдал приказ подчиненным и те, приблизившись к сундуку, быстро закрыли его и бодро понесли к входной двери. Агнес, окончательно выйдя из себя и уже не контролируя свои действия, истерически орала на весь дом, посылая все существующие в мире проклятья в адрес Зуми и его подчиненных. И тут к Зуми бросился Даниэль. Он упал на колени и стал хватать старшего за одежду, умоляя не уносить деньги. Зуми что-то ласково сказал ему, погладил по голове и направился к выходу, куда несколько минут назад ушли его подчиненные, унеся с собой сундук с деньгами и все наши надежды на лучшую жизнь!

Неожиданно Агнес, как тигрица, бросилась к Даниэлю и, залепив ему хорошую затрепину, за шкуру подняла с пола и бросила на диван. Мне стало очень жаль мальчишку и крайне неловко за сцену, разыгравшуюся перед нами. Катастрофа, полный провал! И тут я отчетливо поняла, что все это время в глубине души чувствовала, что так примерно все и закончится! Из ступора нас вывел голос Квамэ.

– ...Ей надо срочно лететь сегодня в Абиджан. Там в правительственном архиве есть документ, подтверждающий, что деньги легальные. Она должна привезти его как можно ско-

рее. Ей дали на это время – всего две недели. Если за этот срок она не предоставит бумаги, то деньги аннулируют в пользу государства.

– Папа, – сказала мягко Агнес, присаживаясь к моему мужу, при этом совершенно бесцеремонно отодвинув меня на другой конец дивана, – ты не расстраивайся, я привезу эти бумаги. Возьми пока эти деньги, – и она сунула Левке в руки несчастные сто долларов, которые до этого сиротливо лежали на столике, – однако есть проблема: ведь мне совершенно не на что купить билет, что делать?! – с неприкрытой болью в голосе, но неискренне произнесла она.

– На, заberi эти деньги, – сказал щедрый «папа» Лева, отдавая обратно сотню, – сколько стоит билет?

– Триста пятьдесят долларов!

Ничего себе цены, подумала я, Кот-д'Ивуар находится почти за стенкой! Неужели этот чертов билет до Абиджана стоит таких денег, и потом, их паспорта еще не готовы, как же она собирается вылететь? Странно все это. Что-то фальшивое было во всем происходящем, только мои партнеры не хотели этого замечать.

– Вова, у тебя есть с собой деньги?

– Есть, сто пятьдесят евро.

– Дай, пусть срочно вылетает, а недостающие ей Квамэ одолжит.

Вовка нехотя достал купюры и передал их в руки Агнес.

На этом наша миссия и завершилась. Нет слов описать то состояние, в котором мы бывали, выйдя из дома.

– Тебе не кажется, что этот спектакль был устроен специально для нас? – спросила я Леву.

– Не знаю, не думаю, что это спектакль, – сказал он, не давая себе ни малейшего шанса поверить в обман.

Во дворе Агнес давала указания шоферу, чтобы тот отвез нас в отель. Меня они не видели и тихонько говорили на французском, при этом она не скрывала наглой ухмылки. К счастью, я знаю французский, поэтому четко поняла то, что она сказала своему водителю:

– Все прошло отлично, они ничего не поняли! А это отвези старухе Мотоло, на реализацию даю два дня, – и передала пакет, подозрительно похожий на тот, в котором лежали с такой любовью подобранные для сестер Даниэля подарки.

Увидев меня, они сразу же перешли на свое наречие. От улыбки на ее сытой и довольной морде не осталось и следа, да и вся толстуха переменилась, в одно мгновение приняв скорбный и очень расстроенный вид.

Верить в то, что речь идет о нас, я не хотела, хотя и чувствовала, что эта баба – особа крайне двуличная. «Как всегда, – горько усмехнулась про себя, – номер не прошел», и все же призрачная, как утренний туман, надежда на то, что Агнес справится со своей задачей и привезет необходимый нам всем документ, пока оставалась. Быть может, еще не все потеряно?

Подавленные и шокированные произошедшим, в отель мы ехали молча.

Глава 7

Желания общаться не было. Наш автомобиль бодро двигался по центральным улицам Аккры, что представляли собой огромный придорожный рынок. Вдоль улиц нескончаемой чередой тянулись торговые ряды: шины, мебель, холодильники, бытовая техника, одежда, продукты и так далее. Такое впечатление, что, кроме уличной торговли, другой в этой стране и вовсе не существует.

Но, честно говоря, все, что творилось за окнами автомобиля, волновало меня меньше всего. В голове крутилась лишь одна мысль: «А что теперь?» Не знаю, но, видимо, от Левки мы с Вовкой подхватили «бациллу надежды». Она разделилась на две половинки, одна из которых, нахально помахав нам на прощанье ручкой, хорошо устроилась на сундуке с деньгами, унесенном, увы, не ветром, а Зуми с командой, а другая все же осталась с нами, периодически утешая и вселяя веру в успех.

Все мы были инфицированы огромным желанием получить эти деньги, чтобы в скором времени начать наше триумфальное шествие по миру в тесной компании с нашим уникальным обородованием.

– Ну ладно. Давайте только не падать духом! – решила я утешить своих партнеров. – Будем ждать, когда эта корова приедет обратно. Возможно, ей удастся сделать все необходимое еще до нашего отъезда.

Компаньоны реагировали вяло, находясь под стрессом, да еще и в чужой, богом забытой стране. Впрочем, энтузиазм и мне давался с большим трудом.

Начиная любое дело, я уже заранее знала: ничего путного и толкового у нас не получится, и эта уверенность была небезосновательной. В свое время, в мои еще юные годы, я по своей дурости, а вернее, незнанию умудрилась «наступить на горло» целому цыганскому табору, который не поскупился и щедро осыпал меня своими «чудными» пожеланиями: «Чтоб у тебя никогда не было удачи, денег, любви, счастья и самой жизни!»

Пожелания, как баллистические ракеты, достигли своей цели, и с тех самых пор все перечисленное выше как ветром сдуло из моей жизни. Денег не было большую часть моего существования, зато постоянно угнетали долговые обязательства. Даже видимости благополучия не наблюдалось, а еще проблемы в личной, семейной жизни и любви! Я обладала талантом, но окончив Ленинградское хореографическое училище, устроиться по специальности мне никуда не удалось!

Зато те, кого боженька не наградил способностями, но предоставил возможность иметь «мохнатую лапу», в смысле блат, замечательно пристроились, как бы воплощая в жизнь мудрую истину: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Проведя большую часть своей жизни на сцене, о чем и я мечтала с детства, они уже вышли на пенсию и проживали спокойную и размеренную жизнь, иногда работая для своего удовольствия.

Я же, как больная корова, таскалась по всем весям, чтобы достать деньги и, в конце концов, заработать на достойную старость! Да... для бешеной собаки семь верст – не крюк! Мое стойкое желание переломить финансовую ситуацию загнало меня аж в Африку – край, где почти не ступала нога цивилизованного человека!

Обед прошел в полном унынии. Обсудили ситуацию...

– Интересно, – начал Лева, – она уже вылетела в Абиджан, – имея в виду Агнес, – или все еще болтается здесь?

– Давайте ей позвоним, – предложила я самое простое решение, чтобы получить ответ на этот вопрос.

Телефон перекочевал в Вовкины руки. Он набрал номер, и ему ответили.

– Ну, что там? – в нетерпении спросил Левка.

Внимательно слушая невидимую собеседницу, наш «англичанин» начал переводить разговор.

– Она говорит, что находится там и завтра пойдет за документом... просит не волноваться... сообщит нам, как и что!

Недальновидная надежда вновь подняла свою дурную башку.

– Нет! Не может быть, что кидалово, уж больно правдоподобно все выглядит!

Но тут же получила протест оппозиции в лице двух моих равнодушных душевных половинок. Я по знаку зодиака «Близнецы», как будто состою из двух личностей, каждая из которых имеет свое собственное видение вопроса. Мнения чаще всего расходятся, и на этой почве они никак не могут договориться между собой, что крайне осложняет мне жизнь. Тем не менее, несмотря на разногласия, обе стараются направить меня на путь истинный, давая свои разнополюсные советы, хотя сегодня «пели» хором в унисон.

– Фигня! – заявила одна из них. – Этим папуасам верить вообще нельзя! Вы что же, не видите, сколько преступлений связано с ними?! Если честно, то я очень сомневаюсь в успехе нашего безнадежного дела!

– Вот, вот, – вступила в дискуссию другая, – когда это «черные» кому-нибудь что-нибудь давали, а особенно деньги?! Кому и когда? Только и делают, что ходят целыми странами по миру с протянутой рукой, и весь мир сочувствует и работает на них, а в общем-то зря!

– Или отнимают добро, как пираты из Сомали!

– Верно, верно, – согласилась вечно сомневающаяся половинка, и вместе они решили наставить на путь истинный тупую надежду.

– Слышь, подруга! – дружно обратились к ней. – Ты Ольку-то с толку не сбивай! Она тетка не глупая, да больно доверчивая. Наслушается тебя, да и поверит в эту чушь!

– Да не сбиваю я никого, – возмутилась обвиняемая сторона, – говорю, как вижу. Должна же эта без пяти минут пенсионерка верить во что-нибудь светлое. Если веры не будет, тогда хана, – заключила она строго, – только в петлю в ее-то хреновом положении!

Чтобы поддержать меня и вселить хотя бы какую-то уверенность, обоим оппозиционеркам пришлось согласиться с четко представленными доводами.

– Хорошо, так тому и быть, пусть верит. Хоть и жалко эту дурочку, но без тебя, – обратились они к надежде, – пока никуда!

Что делать? Нужно ждать, а посему я предложила нашему дружному коллективу прогуляться по окрестностям Аккры. Не сидеть же тут, в номере, как в заточении, ожидая, когда придет долгожданная свобода по имени «Деньги». Левка сразу же отказался, так как чувствовал себя неважно. Рыжеволосый и белокожий, он представлял из себя антипод африканцев, и эта жуткая жара была ему абсолютно не по вкусу. Кроме того, Левушка, «с усердием» заработав себе «болезнь века» – диабет, прочно сидел на инсулиновых инъекциях, которые требовали от него строгого соблюдения режима. Выйти в свет решили с Вовой, но с утра, когда есть еще небольшой шанс съездить на прогулку и вернуться в отель на своих двоих, а не вперед ногами. Пошататься по городу было любопытно, тем более, что совсем недалеко от отеля мы заметили пару сувенирных лавок с выставленным там интересующим меня товаром – деревянными фигурками животных.

Вечер провели во внутреннем дворике отеля с китайцами, которые пачками ломились в казино или купались в бассейне. Володька, всегда имеющий постоянный плавательный абонемент в цивилизованной Германии, очень хотел, вернее, давно мечтал искупаться в африканской воде, усиленно уговаривая нас кинуть свои тела в прозрачные воды бассейна, но нам удалось его отговорить. Пример, приведенный мною, напрочь отбил у него всякое желание побарахтаться в местных, весьма опасных, водах.

Один наш знакомый, будучи в туристической поездке в одной из африканских стран, не придумал ничего лучшего, чем искупаться в местной реке. Крупный чиновник, который

имел привычку просчитывать все свои шаги и поступки, умудрился совершить чудовищную, роковую ошибку, которая, в конце концов, стоила ему здоровья! Вот уж точно: каждый ищет приключения на свою задницу и каждый второй, если не первый, их находит! Плавательные маневры в африканской реке закончились плачевно. Он прихватил какую-то жуткую заразу и буквально за три месяца из цветущего, здорового красавца превратился в беспомощного инвалида, прикованного к инвалидной коляске, и, как оказалось, навсегда! Хождение по российским врачам и консультации за рубежом не дали никакого результата. Специалисты даже не смогли определить заболевание. Поставить диагноз так и не удалось!

Мне вообще сложно представить, как в этой грязи и гнетущей жаре выживают люди. Правда, природа позаботилась о том, чтобы они чувствовали себя намного комфортнее нас, бледнолицых, но от мысли, что можно всю свою жизнь провести в этом хаосе, нищете и пекле, мне становится просто не по себе!

Поздно вечером, в полнолуние, я вышла на улицу почитать молитвы, чтобы все получилось у нас как надо. Гигантская луна висела так низко, что даже невооруженным глазом можно было увидеть ее структуру. Фантастическая картина! Космос интересовал меня всегда. И если подумать, что наш «шарик» висит в бескрайней Галактике, то становится страшно от того, что в одно мгновение может прекратиться существование чудесной планеты Земля, и одновременно смешно, что мы, песчинки в этом безвоздушном пространстве по имени Космос, суетимся, решаем какие-то дурацкие вопросы, которые и выведенного яйца не стоят! И наши ничтожные проблемы по сравнению с любыми межгалактическими, начиная с падения метеорита, который запросто в один момент может уничтожить жизнь на Земле, до нападения каких-нибудь воинствующих инопланетян, для которых мы можем стать подопытными кроликами, рабами или же пищей, кажутся прямо-таки ерундой!

А ведь мы даже не задумываемся об этом. Воюем друг с другом, отнимаем нажитое, обкрадываем, обманываем, ссоримся, ей богу, как дикари первобытных времен, и самое интересное, что с тех давних пор сознание человека не изменилось, а стало еще хуже, когда в нашу жизнь пришло такое зло, как деньги. Деньги могут, конечно, и созидать, но чаще разрушают. Именно безумное желание иметь как можно больше этих разноцветных бумажек толкает многих из нас на страшные дела и поступки.

А вообще, если бы у меня было двадцать миллионов долларов, естественно, не последних, и, разумеется, здоровье, я бы первая записалась в бесстрашные ряды космических туристов. Побывать там... посмотреть на отчий дом Земля сверху и всё... можно считать, что жизнь прошла не зря! «Мечты, мечты, где ваша сладость?» – так, кажется, писал А.С. Пушкин в стихотворении «Пробуждение». А пока – под ногами красная земля черного континента, военизированный африканский патруль около казино, смутные очертания пальмовых деревьев за оградой отеля и три белых человека, вновь попавших в непредсказуемую ситуацию теперь уже здесь, на краю света!

Я усердно молилась, а Владимир стоял рядом, якобы осуществляя охрану. «Служба безопасности» была неважнецкой, потому что хватило бы нестандартного выражения и одного удара по башке, чтобы сразу же ее нейтрализовать. К счастью, «выход в свет» обошелся без происшествий и, с волнением прочитав все существующие молитвы и несуществующие собственного сочинения, мы, попрощавшись, мгновенно разбежались по своим номерам, а во двореке отеля по-прежнему веселились китайцы.

Ранний завтрак не принес ничего нового: яйцо, сосиска, кофе; и я, наверное, запомню его на всю жизнь, как слова песни «Ленин, партия, комсомол»! Лева решил остаться в номере, чтобы поберечь силы для дальнейших телодвижений, а мы с Володькой настроились на поездку в город, чтобы познакомиться со своеобразным африканским бытом. Пассивный отдых, лежа на пляже кверху пузом, мне никогда не нравился. Теперь я даже представить себе не могу, как раньше, в годы социализма, мы проводили на берегу Волги целые дни – с раннего утра и

до позднего вечера. Возможно, это было связано с тем, что в магазинах в те времена делать было совершенно нечего. Не любоваться же пустыми прилавками?! Надеть нечего, поесть тоже. Загадочная дорога в коммунизм...

Глава 8

В далекие годы социализма практически во всех городах необъятного Советского Союза, кроме Ленинграда и Москвы, ходили продуктовые талоны, на которые выдавали самые необходимые продукты: сахар, муку, макароны, крупу, консервы. Мясо в те годы продавалось только на рынке, но большинству граждан это было совершенно не по карману, поэтому сей деликатес покупали лишь по большим праздникам.

Приятно отличалась от полуголодных районов Союза Белорусская Республика, где было полно отличных товаров и мама впервые в моей жизни купила мне, десятилетней девочке, сапожки из натуральной кожи! Однако наш народ не сдавался, пытаюсь заполнить холодильники и шкафы, и, представьте себе, эти вместилища никогда не пустовали. Возможности были разные. Весомый вклад в общее дело вносили в первую очередь, впрочем, совершенно справедливо, ветераны, которые получали продуктовые наборы и дефицитные товары с регулярным постоянством.

Те же наши граждане, кто имел связи в Москве и Ленинграде, вообще считались счастличиками, поэтому отбоя от голодных родичей из других регионов Союза не было ни днем, ни ночью. Они налетали, как саранча, опустошая прилавки магазинов центральных городов, скупая все, что удавалось взять с боем, так как без боя добыча в руки не давалась.

Если выбрасывали сапоги сорокового размера, а ваша нога носила тридцать пятый, лифчики-парашюты десятого размера, хотя вы со своими «прыщами» могли спокойно обойтись и без них, всё равно хватало всё, что попадется под руку, потому что добычу в конечном итоге можно было продать, обменять или подарить, что случалось крайне редко, потому что все любили только лишь получать, вовсе не собираясь осчастливить широким подарочным жестом знакомых или родственников.

Не успевали мы избавиться от одних «добытчиков» и вернуться после проводов с вокзала домой, как в квартире уже сидели новые искатели дефицита. Но самой большой головной болью было то, что жили они все, как правило, за наш счет, на деньги моих родителей, которые вследствие своей деликатности никак не могли сказать им решительное «Нет!»

Помню, как однажды появились две незнакомые тетки. На недоуменный вопрос мамы:

– А вы кто будете?

Представились:

– Мы троюродные племянницы двоюродной сестры мужа вашей бабушки из Узбекистана.

И бесцеремонно устроились в нашей малогабаритной двухкомнатной квартире (на тот момент в ней находились четверо взрослых и ребенок), даже и не думая поискать место в какой-нибудь гостинице. Кстати, есть они старались в четыре горла, сметая со стола всё.

Однажды моя двухлетняя дочка Элечка, сидя за столом, долго наблюдала за вновь обретенными родичами, а потом вслух возмутилась:

– Как же много вы кушаете! – строго сказала она «родственницам», и четыре протянувшиеся было к очередной порции рыбы руки, дрогнув, все же вернулись на место без вожденной добавки.

Мы, правда, могли прибегнуть и к нестандартным вариантам избавления от навязчивых и прилипчивых родственничков, но находились в плену у своей совести, которая не позволяла нам даже слова вымолвить, не говоря уже о большем.

В детстве и юности я страдала лунатизмом. Хоть это явление и не отличалось приятными моментами, но весьма пригодились в деле избавления от непрошенных гостей.

В очередной тысячу первый раз из неблизкого городка нашей необъятной России как снег на голову свалилась моя тетка. Видеть ее особого желания не было, потому как буквально

пару дней назад уехали еще одни родственники, которые по своему обыкновению приезжали добывать продукты.

Однако отказать тете в гостеприимстве, как и показать свое недовольство, было невозможно. Если бы это случилось, то очень скоро уже весь город, откуда прибыла гостья, знал бы, что родные тети Тони очень жадные и злые люди, настоящие «редиски»!

Этого, конечно, мы допустить не могли. Такое неприличное поведение было крайне несолидно, потому что проживание аж в самом Ленинграде в те годы воспринималось в других провинциальных городках почти как проживание где-нибудь в Нью-Йорке или на Луне и выходцы из замечательного города – колыбели революции 1917 года – просто обязаны были быть как душевно, так и материально щедрыми людьми!

Наша микроскопическая двухкомнатная квартира не была приспособлена под гостиницу или общежитие и бесконечные приемы потока так называемых гостей, которые должны приезжать в нормальном случае один раз в год, а не каждую неделю!

На этот раз тете, как визитерше, предоставили диван, а мне, как и положено хозяйке, раскладушку. Две ночи прошли спокойно. На третью, как рассказала очевидица, а по совместительству тетя, она пережила настоящий кошмар.

Где-то часа в два гостья услышала тихий скрип раскладушки и, приоткрыв глаза, стала наблюдать за происходящим. Сначала я села на своей лежанке, потом встала и, медленно танцуя, начала приближаться к дивану с затаившейся на нем, как партизан в разведке, родственницей.

Все это зловещее, кошмарное представление, наверное, действительно напоминало фильм ужасов. Представьте себе: изящная девушка в потоке струящегося лунного света, озабоченного комнату, облаченная в длинную белую сорочку, с распущенными волосами и широко открытыми, неподвижными глазами, медленно кружась и выделявая какие-то па, приближается к соседнему объекту с неизвестной целью. Может, в это время мне снился второй акт балета «Жизель» и я корчила из себя Виллису (невесты, умершие до свадьбы), не знаю, но факт остается фактом. Запугивание тети Тони получилось абсолютно случайным, а не заранее подготовленным устрашающим актом! Напрочь потеряв от увиденного кошмара дар речи, а заодно и голос, бедная родственница не имела сил даже позвать кого-нибудь на помощь и, с головой укрывшись одеялом, осторожно наблюдала в щелочку за ожившей панночкой из «Вия» Н.В. Гоголя. Разница заключалась лишь в том, что гоголевская панночка была мертвой, а питерская – живой!

Как потом рассказала «потерпевшая», она от страха прочитала все православные молитвы, которые знала, а потом, когда те закончились, принялась за мусульманские. В конце концов, я достигла дивана, на котором почти в бессознательном состоянии лежала тетка, и, наткнувшись на его край, остановилась. Минут пять постояв над полумертвым от страха телом, очевидно, размышляя, стоит ли браться за гостью всерьез или нет, развернулась, пошла обратно к раскладушке и легла на место...

Наутро о своей ночной вылазке я, как всегда, совершенно ничего не помнила, зато тетя Тоня, пережив ночь «живых мертвецов», не появлялась у нас в гостях ровно десять лет!

Какие-то мы были в те годы глупые и несообразительные! Господи, нет чтобы срочно взять на вооружение такой отличный способ! Нет! Ума не хватило, и поэтому еще не один год мы всей своей измученной семьей терпели эти бесконечные нашествия! Потом уже, в перестроечное время, когда выросла стоимость билетов на самолеты и поезда и, кроме всего прочего, стали заполняться пустые прилавки магазинов в их регионах, «голодный и раздетый поток» иссяк, оставив нас, наконец, в покое!

Но вернемся к нашему путешествию в Африку. Как назло, мы взяли билеты на целых десять дней, и их надо было как-то отбывать. С самого утра мы отправились с Вовой в наше первое путешествие по городу. Такси поймали моментально. Его и ловить-то не было необ-

ходимости, потому что, разглядев наши белоснежные перспективные физиономии, водители сами спешили притормозить.

Мы объяснили, что нам нужны торговые кварталы. Шофер, молодой и наглый парнишка, оказался весьма сообразительным, но уж больно навязчивым. Привез нас туда, куда надо, да еще захотел и прогуляться за наш счет, но мы оказали ему отчаянное сопротивление и заплатили только за дорогу от отеля до рынка, которая обошлась нам примерно в пятнадцать седи, что в общем-то очень дешево.

Как я уже говорила, почти вся торговля в Гане сосредоточена на обочинах дорог. Торговых центров нет и в помине, во всяком случае, мы их не видели. Рынок простирался на несколько километров. Кого и чего здесь только не было! На подступах к торговым рядам нас сразу же атаковала местная «элита» – валютчики. Выразительно жестикулируя, на ломаном английском они кричали: «Доллар, ченьч, доллар, ченьч!» Их усилия оказались напрасными: доллары мы не брали, так как решили пустить в оборот местную валюту седи. Ловко увернувшись от заграбуливающих рук ганских менял, мы кинулись к торговым палаткам и прилавкам.

Африканцы торговали, кто чем может. Здесь раскинулись лотки с бижутерией, сумочками, одеждой, ремнями, галстуками и секонд-хендом. Последний, так любовно собранный сочувствующими европейцами для «несчастных» африканцев, внаглую продавался с прилавков на рынке по очень даже приличным ценам! То же касалось и обуви, которой в нормальном, новом виде, мы здесь вообще не видели. Наверное, не было смысла выпускать ее тут, так как почти все население легко обходилось шлепками-«вьетнамками».

Сейчас эта обувь очень популярна не только в Африке или Азии, но и в Европе, а раньше в резиновом варианте мы носили ее только в бане. Откровенно говоря, такая обувка требует от стоп идеальной красоты, но многие модницы этого не понимают, надевая «мыльницы» на свои ужасные, корявые и мозолистые ноги. И это смотрится просто кошмарно, когда их носят под деловой костюм! Многим невдомек, что «вьетнамки», даже украшенные шикарной фурнитурой, все же обувь пляжная или банная! Вот так же меня раздражают джентльмены, разгуливающие в жутких сандалиях с белыми носками в жару и с шерстяными в холод. Причем есть такие, которые одеты и зимой, и летом одним цветом. Один наш хороший знакомый, очень серьезный бизнесмен из России, в зимнюю пору разгуливал по территории своего предприятия в сандалиях. На мой вопрос:

– Геннадий Иванович, а почему в сандалиях? Зима ведь, не холодно?

Бизнесмен ответил просто:

– Нет, не холодно, ноги потеют!

Больше вопросов у нас не было. Уже давно этой проблемы у Геннадия Ивановича нет, потому что, к огромному сожалению, его убили в середине девяностых... Впрочем, таких трагических смертей в те страшные годы хватало...

Более всего в этом торговом хаосе наши глаза и души порадовали африканские платья и ткани! Таких роскошных по своему крою, цветовой гамме и натуральным тканям нарядов я не видела больше нигде! Когда привезенное мною в подарок платье надела моя взрослая дочь, не было ни одного человека, не оглянувшегося ей вслед, не говоря уже о коллегах по работе, которых Элькин прикид привел в состояние завистливого ступора.

Если бы африканские дизайнеры, если таковые, вообще, существуют, смогли бы прорваться на европейские подиумы и рынки, они бы в кратчайшие сроки спихнули с модного Олимпа европейских ассов, в большинстве своем набивших оскомину своими совершенно абсурдными коллекциями! Не секрет, что многие известные дизайнеры мужского происхождения имеют голубой оттенок, поэтому совершенно ясно, что модели свои они создают не из любви, а из жуткой ненависти к слабому полу. Если какой-то дурачок придумал джинсы, сидящие только на причинном месте, обнажая полностью живот, который будущим мамам надо

беречь от переохлаждения и простуды, то мы почему-то, как по принуждению, должны носить такую хрень на своей заднице только потому, что нормальных джинсов в магазинах нет!

Я уж не говорю о том, что подобные модели совершенно не нужны в краях, где осень и зима длятся большую часть календарного года и где половина женского населения резко отличается своей конституцией от подиумных «вешалок». Если «голубые братья» придумали джинсы-колготки, то и здесь нет никаких симпатий и сочувствия к женщине. Они даже не задумались о том, что очень многим такая модель не только совершенно не идет, но и в принципе не налезает на те части тела, для которых предназначена. Если например влезают ноги, то никак не втиснуть попу! Кроме того, у многих дам неважные вены и сосуды, и такие узкие штаны просто усугубляют проблему. Но самое страшное, что альтернативы нет!

Пора бы уже что-то менять во всемирной индустрии моды! Пока же нам остается только надеяться и ждать... или же научиться шить самим!

Глава 9

Резкие гортанные крики местного населения оглушали и вкупе с ужасающими солнечными лучами утомляли до крайности. Люди общались, ругались, торговались до пены на губах, добиваясь от торговцев снижения цен. В свою очередь, последние уступать, как правило, не собирались, отчаянно доказывая справедливость своих расценок. Однако и те, и другие были рады видеть нас, белых, очень даже потенциальных клиентов для своей торговли. И представьте себе, за все время пребывания здесь мы не увидели ни одного представителя европейской расы! Так что Африку надо еще осваивать и осваивать, но, видимо, не больно-то хочется.

По мере прощупывания торговых рядов товары легкой промышленности подошли к концу и начались продовольственные. Это просто кошмар! В воздухе витала такая вонь, что даже нашей самой большой городской свалке делать здесь было нечего! На импровизированных прилавках, то есть ящиках, лежали какие-то жуткие куски мяса, облепленные со всех сторон огромными зелеными мухами. Кто знает, может человеческие останки? Возможно, и тут еще существуют первобытные племена, как на Соломоновых островах, лакомящиеся человечесиной!

Да чего уж говорить о дикой Африке, когда в центре Европы, в благополучной Германии, один мужик съел другого по обоюдному согласию. Случилось это безобразие так.

Один, впоследствии обвиняемый, между прочим, бывший офицер криминальной полиции, отец троих детей, но сменивший ориентацию, дал в газету простенькое такое объявление, что хочет кого-нибудь сожрать. Потенциальная пища – мелкий торговец-садомазохист – откликнулась сразу. И несмотря на то что были другие претенденты на вилку и нож людоеда, выбор его пал на бедолагу коммерсанта, наверное, потому, что тот выглядел поупитанней остальных. Весь процесс приготовления ужина из заживо препарированного страдальца снимался «поваром» на видео.

После просмотра злосчастного ролика заседание суда прошло в туалете, но парадоксально то, что для такого зверства в немецком законодательстве уголовная статья просто не предусмотрена, как, впрочем, и наказание. Однако, несмотря ни на что, людоеда лишили свободы на девять лет!

Кроме мяса, лежали и морепродукты – какие-то неизвестные нам виды морской рыбы, очень странные – и противные с виду. Брррр, и как их едят?! Овощей и фруктов – изобилие, но, например, томаты стоили намного дороже своих европейских огородно-садовых собратьев, наверное, потому, что здесь эта культура почти не произрастает. Проходя мимо говорливых торговек, заметили большой мешок с улитками размером с человеческий кулак. Улитки мне нравились всегда, но не как пища, конечно! В Германии их, особенно после обильного дождя, очень много: и в панцирях, и без, но таких исполински-здоровенных мы не встречали ни разу! Ошеломленные невиданным зрелищем, еще долго стояли и смотрели на большую грудку шевелящихся раковин. Набравшись смелости, я решилась взять одну в руки. Без преувеличения, она едва поместилась у меня на ладони. От души полюбовавшись на это чудо природы, решили двигаться дальше, но не тут-то было!

– Мадам, мадам, – бросилась за нами торговка несчастными улитками (да, счастливыми их назвать, конечно же, трудно, все-таки не пришлось им в Германии родиться), – сколько вам нужно?

Надо было как-то выкручиваться. Наверное, здесь нельзя проявлять интерес к представленной продукции, а уж если сделал такую глупость, то должен, очевидно, выложить денежки.

– Купи улитку, купи улитку! – прошипел мне в ухо внутренний голос. – Хочу улитку, ну купиинии!

– Заткнись! – бесцеремонно прекратила я вымогательный процесс, а затем вежливо обратилась к торговке: – О, большое спасибо, но дело в том, что нам не на чем готовить, – сказала с очаровательной улыбкой, разумеется, через Вову, в надежде, что против этого аргумента крыть ей будет нечем.

Честно говоря, я не знала, как таких улиток едят, сырыми или вареными, и едят ли вообще. Может, их нам предлагали купить в качестве сувениров, кто знает? Однако дальнейшая беседа расставила все точки над «i».

– Это ничего! – «обрадовала» меня торговка. – Мы прямо сейчас вам их и пожарим!

От перспективы получить столь экзотический ужин яйцо, сосиска и кофе чуть не вырвались из моего организма наружу, поэтому, еле-еле взяв себя в руки, мы еще взяли в руки и ноги, и с нижайшими поклонами и словами: «Обязательно, как-нибудь, в следующий раз...» рванули подальше от разочарованных улиточных торговек, зато теперь были в курсе, что бедолаг едят в жареном виде!

Проходя узкими улочками, соединяющими части рынка, наткнулись на очень старую женщину в лохмотьях, распростершуюся на земле. Она просила подаяния точно так же, как наши некоторые старушки, которые просто не в состоянии выжить на те пенсии, которые получают от государства. Рядом с ней на земле, прямо на подстилке, лежал ребенок лет пяти, очевидно, внук. Мальчишка свернулся калачиком, на лбу выступили капли пота, не удивительно, при такой-то жаре! А может, ребенок был болен? Я присела перед малышом и погладила его по курчавой головке... Он так и не проснулся. Пройти мимо не смогла и дала старушке деньги, что-то около ста седи. Такая сумма её потрясла, потому что перед ней лежало всего несколько самых мелких ганских монет. Деньги, которые я ей дала, были для нее целым состоянием, поэтому она попыталась разбудить малыша, видимо, для того, чтобы и он поблагодарил меня, но я пресекла эти попытки, показав жестаи, что делать этого не нужно... Старуха еще долго кланялась нам вслед...

Боже, как же мне знакомо состояние полного отсутствия денег!

Совсем неподалеку от торговых рядов, на небольшой площадке происходило какое-то мероприятие. Вокруг собралась огромная толпа.

– Глянь-ка, – обратилась я к «личному» переводчику, – там что-то происходит. Пошли посмотрим!

Володька не возражал, стараясь сберечь в этой поездке как можно больше нервных клеток. Откровенно говоря, по самым разным вопросам ругаемся мы часто! Но если он видит, что я уже начинаю выходить из себя, тут же меняет свою точку зрения, и победа в спорах, таким образом, а иногда и не совсем справедливо, всегда остается за мной! Но несмотря ни на что, это наш самый преданный и многолетний друг.

Мы затесались в гомонящую толпу африканцев...

– Что случилось?

– Колдун выступает, – ответили нам доброжелательно.

И действительно, на импровизированной арене, окруженной черной толпой, стоял пожилой мужчина почему-то в темном пиджаке, несмотря на жуткую жару (ну ходят же в теплых, стеганых халатах наши узбекские друзья, уверяя всех, что они спасают от жары). На шее у него, как у женщины, висели белые бусы. Это уже потом я узнала, что носят их именно колдуны, чтобы отгонять злых духов. Дяденька проводил с очередным клиентом какие-то странные манипуляции. Внешнего эффекта у попавшего под колдовские чары не наблюдалось.

Мне всегда хотелось встретиться с какими-нибудь колдунами и ясновидящими в других экзотических странах и на себе опробовать их мастерство, хотя и присутствовал определенный страх: что если вдруг что-то пойдет не так, то я могу лишиться своего первоначального облика, превратившись в какое-нибудь чудище или животное, и не дай бог, навсегда останусь здесь!

Об африканских волшебниках много читала и слышала, что они очень сильны, поэтому испытать экзотическую магию не помешало бы. Любопытство, подталкиваемое любознательностью и авантюризмом, бежало впереди паровоза. В перевоспитательный процесс пытались воткнуться две мои душевные половинки и совесть.

– Вот у человека нет больше проблем! – зло заявили они. – Делом, тетка, надо заниматься, делом, в крайнем случае, можно в принципе и телом, чем постоянно наступать на грабли глупости, которые лупят тебя с завидным постоянством по тупой башке!

Ну... завыли, вот уже и помечтать ни о чем нельзя! Тут выступила совесть:

– Да, собственно, и стыдно! Стыдно жить за чужой счет! Этому старикашке, – сказала с горечью, имея в виду колдуна, – платить ведь нужно, а где деньги, я тебя спрашиваю? – обратилась она ко мне. – Где они?!

«Пока нет, – мысленно ответила я, – но... будут!» Однако в этом совесть была права: «Мелких денег нет, а крупных и вовсе не бывало», но попробовать на себе заморские колдовские приемы очень хотелось, а если уж очень хочется, то значит... можно! Наступив на горло трем протестующим, я обратилась к Владимиру:

– Вова, слышь, давай попробемся к этому дяденьке и зададим ему пару вопросов.

Вот только мой партнер свежую инициативу не поддержал, примкнув к трем возмущившимся ранее. Пришлось еще минут двадцать уговаривать его совершить акцию под названием «Познай неизведанное». Он отличался патологическим упрямством! Володьку, как упертого ишака, невозможно было сдвинуть с его точки зрения, если только я не начинала впадать в ярость, и в этом наш друг как две капли воды был похож на моего деда.

Старик все видел по-своему, и его ни в чем нельзя было не только убедить, но и переубедить соответственно. Однажды, когда мы приехали к ним в гости, а бабуля как раз попала в больницу, решили навестить несчастную. Дед – старый командир, повел нас в медицинское учреждение своей, как он сказал, короткой, удобной дорогой. Сначала мы десять остановок тряслись на троллейбусе, потом одиннадцать остановок шли обратно пешком, и было бы совсем неплохо, если бы по улице, нет, мы тащились какими-то окольными путями по помойкам и грязи, припершись в больницу по уши в дерьме! На наши робкие замечания, что можно было дойти до больницы пешком за десять минут, дед обиженно заявил: «А я вижу, что так быстрее!» Всё, точка! Поэтому все методы убеждения мы оставили при себе.

Увидев на моем лице зарождающуюся ярость, Володька наконец смирился и выдал:

– Ладно, пошли, сейчас будем позориться!

Глава 10

Энергично расталкивая черную массу руками и локтями, мы двинулись к арене, вскоре очутившись с кудесником лицом к лицу.

– Для начала спроси, сколько будет стоять сеанс, – приказала я Вовке. – Чтобы не попасть впросак, – добавила многозначительно.

Я прекрасно знаю, какие расценки на услуги такого рода существуют в России. В Москве, например, без тысячи евро делать нечего, и это еще не к суперзвездам этого жанра! Даже имея деньги, нужно отстоять огромную очередь. Гадалки, колдуны и ясновидящие не заморачиваются какой-либо четкостью и порядком в своей работе, порой записывая на одно и то же время сразу несколько жажущих.

Один раз мы слевой приехали в Москву и в назначенное время появились в офисе одной очень талантливой ясновидящей, довольно известной в стране, но с ужасом обнаружили, что на это время претендует еще одна наглая дама, гордо заявляющая, что она москвичка. Мы объяснили, что записались на прием пару месяцев назад и, кроме всего прочего, прибыли аж из Германии. Никто этому не удивился, потому что в огромной очереди стояли люди даже с Дальнего Востока.

Недалекий помощник экстрасенса никак не прокомментировал сложившуюся ситуацию, тихо бросив на ходу: «Разбирайтесь сами!», и трусливо спрятался за дверями офиса. Целый час я уговаривала хамоватую московскую тетку уступить нам это время. Уж как она только ни кривлялась! Моментами даже хотелось дать ей в глаз, но, к счастью, победило благоразумие. В конечном итоге ее сопротивление было сломлено, и в положенный час, хоть и с небольшим опозданием, мы вошли в кабинет экстрасенса. Правда, не все вышло гладко. Раньше предсказания экстрасенши отличались большей точностью. После внимательного рассмотрения ситуации, обещаний, что все будет именно так, как хочется, и заплаченных денег мы просто погрузились в черную полосу невезения! Нас, вдобавок, еще и «кинули» на двадцать тысяч евро, но... это уже совсем другая история.

Наш африканский Мессинг не говорил по-английски, поэтому пришлось выдернуть из чернокожей толпы местного переводчика. Наивные туземцы, столпившиеся вокруг, смотрели на нас, разинув рты. Вовка заволновался.

– Что ты хочешь спросить?

Я четко знала, чего хотела от колдуна.

– Спроси, может ли он сделать меня очень богатой? Да, кстати, пусть озвучит стоимость услуг.

Наш черный друг что-то перевел волшебнику, за точность не ручаюсь, и дал от его имени ответ, который озвучил Владимир:

– Да, может! Стоить будет сто пятьдесят седи.

Отлично! Интересно посмотреть, как это у него получится?! Только вот за такую мизерную стоимость вряд ли, скорей всего, очередное фуфло! Ну что же, попробуем. Африканский экстрасенс подошел ко мне вплотную. В руках у него появилась небольшая палка, неожиданно он треснул меня ею по лбу! Возмутиться не успела, потому что в глазах потемнело и я мгновенно переместилась в странный параллельный мир. Для начала пролетела над каким-то ночным, в огнях, городом, затем меня начало засасывать в тоннель. Впереди, указывая путь, летел белый голубь, как потом сообразила – моя душа. Вылетев из тоннеля, я оказалась, видимо, на небесах. Кругом клубились белоснежные облака, по которым перемещались вроде бы человеческие фигуры, как будто закутанные в светлую легкую дымку, лиц почему-то разглядеть не удалось, а вокруг, на всем свободном пространстве до горизонта, пачками лежали деньги! Одно «приведение» указав на все это богатство, что-то прошелестело, слов я не услышала, но

в голове четко прозвучало: «Это твое, бери!..» Затем вновь темень, и перед лицом оказалась черная мордашка заграничного мага, а заодно и Вовкино лицо с глазами величиной с суповые тарелки. Издалека донесся его испуганный голос:

– Ты как, жива?!

Я потрясла головой, а перед носом очутилась розовая ладошка мастера. Приходя в себя, провела по лбу рукой и, нащупав приличную шишку, в недоумении спросила:

– И что?

– Деньги надо дать, – осторожно напомнил партнер.

– Я спрашиваю: и что дальше?

Колдун через переводчика ответил просто:

– Жди, придет!

– Когда?

– В свое время!

Его ответ меня весьма «воодушевил», надо же, «в свое время»! Ну точно, фуфло! Что Россия, что Африка, никакой разницы, сплошной обман! Опять попадание, хорошо хоть за малые деньги! Тем не менее видения показались мне странными и почему-то в тему, ведь кругом валялись деньги, а эта неопределенно-невнятная фигура сказала: «Это твое, бери!»

Стало вдруг смешно, и я представила, как мы приходим к какому-нибудь экстрасенсу в Москве, который беспощадно лупит нас битой по голове, отправляя через нокаут в нирвану. После такого жуткого акта ему пришлось бы не только расстаться со своим гонораром, но и, смазав пятки салом, драпать из Москвы куда глаза глядят... В протянутую руку легли деньги, и я вспомнила одну из наших многочисленных историй.

Как-то мы приехали слевой по делам в одну питерскую топливную компанию, которой управлял сын Левиного старинного друга, несколько лет назад умершего от рака. Еврейско-татарская энергичная тусовка владела заправками по всему Санкт-Петербургу, вовсю торгуя так необходимым, но недешевым бензином. Вообще-то крепкое татаро-еврейское содружество приносит весьма положительные результаты, не зря же в народе говорят: «Там, где есть еврей, татарина не нужно», и наоборот. И те, и другие прирожденные торговцы и бизнесмены. Самое интересное, что даже некоторые обряды идентичны, например, обрезание. А темпераментная татаро-еврейская любовь рождает весьма талантливых творческих людей, которых немало и на нашей эстраде. Да, собственно, и мусульмано-иудейские смешанные браки получаются более чем прочными, как, например, у нас слевой. Тем удивительней постоянная и непримиримая вражда Израиля и Палестины. Им бы взять пример с нашей пары и прекратить, наконец, свое противостояние!

Нас встретил финансовый директор компании – молодой тридцатилетний еврейский парень, интеллигентный и почтительный к старшему поколению, то бишь к моему мужу. Неожиданно он спросил:

– Лев Рафаилович, а вы знаете, что необходимо, чтобы стать очень богатым?

Надо сказать, что по удивительному, невероятному совпадению у нас слевой одинаковые отчества, так как наших отцов звали древнееврейским именем Рафаил, и это, скорее всего, говорит о том, что все люди – евреи, только одни признались, а другие еще нет! Не могу сказать, что вопрос застал Леву врасплох, поэтому он ответил сразу, явно думая, что ответ правильный и будет принят:

– Конечно, надо быть порядочным, всегда выполнять свои обязательства...

Финансист прервал «странные» размышления моего супруга и, решительно отвергнув его предположения, быстро вернул на грешную землю:

– Нет, Лев Рафаилович!

Затем он взял Левку за руку и подвел его к одной из стен кабинета, где висели десять всем известных заповедей на иврите: «...не убивай... не укради... не прелюбодействуй...», ну и, наверное, не обмани.

– Лев Рафаилович! – начал нравоучительным тоном еврейский сын русского народа и, ткнув пальцем в святые правила человеческого бытия, продолжил: – Если хотите стать очень богатым, забудьте про все это!

Видимо, поэтому до сих пор мы и не разбогатели, что, несмотря ни на какие трудности и лишения, выполняли божественные заповеди. Но я совершенно согласна с тем, что многие из тех, кто имеют миллионы и миллиарды и в нашей стране, и за рубежом, давно выкинули из своей жизни эти простые человеческие правила. Нет, не верно! Эти заповеди, как шпаргалка, остались еще в их преступной жизни, но, разумеется, без замечательной отрицательной частицы «не»: «...убивай... укради... прелюбодействуй...» и обмани, конечно, а как же без этого?! С тех пор мы абсолютно точно знаем, как стать очень богатыми, но почему-то ориентироваться на такие «законы джунглей» не хотим!

...Я и Вова все так же стояли рядом с колдуном, а вокруг гомонили «зрители», которые, как в цирке, восхищенные зрелищем, хлопали в ладоши и что-то кричали. Окончательно придя в себя от сеанса, мы с Вовой спешно ретировались, предварительно пожав кудеснику руки.

– А ты не хочешь стать богатым? – спросила я у Вовки.

– Зачем? – ответил он вопросом на вопрос. – Мне и так хватает.

Я вздохнула. Конечно, хватает, ведь семьи у него нет, по магазинам шляться он не любит, живет впроголодь. Зачем вообще тогда нужны деньги? Нет, ему, может, и не нужны, а мне просто необходимы хотя бы для того, чтобы рассчитаться с долгами и обеспечить себе более или менее спокойную жизнь, без упреков и террора!

Следующий день 9 мая был для нас святым, потому что к нам пришел День Победы! Мы планировали встретить его большими успехами на финансовом фронте, но, к великому сожалению, не получилось... временно... только мы все равно победим, и других мнений быть не может!

Великую Победу во Второй мировой войне наш крошечный, но весьма сплоченный коллектив должен был отпраздновать обязательно. Все мы, так или иначе, имели отношение к Великой Отечественной. Леве в 1941 году было семь, а Володе и того меньше. Левушка, будучи еще ребенком, пережил героическую ленинградскую блокаду. Его старший брат Володя, тоже по сути мальчишка, в 1944 году девятнадцатилетним юношей погиб при форсировании Днепра, и разве мог он тогда знать, отдавая жизнь за украинский народ, что коричневая чума в родственной для нас стране расцветет буйным цветом, как самые поганые сорняки, уничтожая на своем пути всё и оставляя лишь дымящиеся руины.

Разве мог кто-то предположить, что к власти придет кучка умалишенных дегенератов, набивших мощну на горбу простых украинцев, подогреваемая самой агрессивной в новейшей истории человечества империей зла – Америкой, с их таким же недалеким и преступным президентом, а как еще можно назвать человека, претендующего на всемирное господство, уничтожающего страну за страной и на корню разрушающего жизнь нормальных людей, отнимая при этом и саму жизнь у женщин, стариков и самое страшное – детей! Тогда мы этого еще не знали и даже в самом страшном сне не могло нам такое присниться! Но мы, победившие фашизм больше полувека назад, к великому сожалению, не вырвали ростки этой заразы вместе с корнями. А в те годы из трех имеющих в Левиной семье братьев в живых остался только мой муж. Младший братишка умер, когда ему было всего шесть, тогда же, в блокаду...

Моя трехлетняя мамочка в годы войны нянчила свою годовалую племянницу. Эти две крохи сидели дома одни сутками, потому что все взрослые трудились на оборонном заводе, выпуская патроны и снаряды, внося свой ощутимый вклад в приближение Победы. И можете себе представить, этот трехлетний ребенок в определенное время делал светомаскировку,

забравшись на пирамиду из стульев, чтобы занавесить окно! Мой шестилетний папа и его брат пяти лет в это страшное время пилили дрова, помогая матери, на руках которой их было трое, мал мала меньше...

Воевали все мужчины, способные держать в руках оружие: мои дяди, дедушки. Кто не мог воевать, трудились день и ночь на заводах. И уже после войны смерть продолжала собирать свой страшный урожай. В свои двадцать пять и двадцать восемь лет от приобретенного во время войны порока сердца умерли две мамы родные сестры-красавицы.

В шестьдесят лет от старых боевых ран скончался мой дядя. Во время войны он, восемнадцатилетний парнишка, был разведчиком. Их группа попала в засаду, в живых остался лишь мамин брат, единственный мальчик среди семи сестер. Его нашли в заснеженном поле с простреленными ногами и грудью, обмороженного, но живого! После госпиталя опять был фронт и уже потом тяжелейшие послевоенные годы, наполненные ужасными непроходящими болями, которые он отчаянно заглушал, заливая водкой и вином! Другой мой дядька после тяжелой контузии в полном беспамятстве ушел из жизни через двадцать лет после окончания войны.

За четыре года упорных сражений мы устелили дорогу к свободе Европы и мира миллионами жизней наших отцов и матерей, братьев и сестер, мужей и жен, детей... А сегодня эта беспамятная и бессовестная Европа, позабыв все уроки истории и тех, кому она обязана свободой, отворачивает свое сытое рыло от безумных проблем, которые создает Америка, разоряющая страну за страной, и от разумной политики нашего государства, пытающегося любой ценой сохранить хрупкий мир, потому что лучше других знает, что такое война!

Я родилась через много лет после окончания Второй мировой. Знаю о ней почти всё, много читала, но по-настоящему поняла, что такое война, когда увидела однажды ужасный сон. А может, это был и не сон?! Возможно, моя душа попала в прошлое, в тот страшный и кровавый 1941 год. Я отчетливо увидела себя одиноко стоящей на холме и сжимающей в руках связку противотанковых гранат, а со всех сторон в дыму пожарищ ко мне ползли фашистские танки! Неописуемый ужас, и в свои шестнадцать лет я вдруг отчетливо поняла, что такое война и какая же это страшная штука!

Мы заказали водки, а как же без нее в День Победы?! Подняли рюмки, не чокаясь, выпили за погибших и, чокнувшись, за оставшихся в живых. Мои друзья говорили о войне, вспоминая свое «боевое» детство и те жуткие годы, которые им пришлось пережить. В конце концов, незаметно захмелев, тонким фальцетом Владимир затянул: «Враги сожгли родную хату...». Послушав пару минут унылое завывание приятеля, ткнув «солиста» в бок, я сделала внушение:

– Вова, не надо тоски! Сегодня праздник, хоть и со слезами на глазах, но праздник, и грусти здесь не место! Есть же более оптимистичные песни, например, «День Победы» или «Катюша»!

Моя мысль достигла цели, и мы, вновь подняв рюмки за Победу, за Нашу Победу, стали втроем вспоминать слова так любимых всеми нами песен. Наше творчество начало уже действовать на окружающих, но, как мы поняли по улыбкам, не раздражающе, а наоборот, принося в их обед элемент приятного разнообразия. Я была уверена, что нас сейчас попросят заткнуться и выведут из зала, потому что к нам со всех своих черных ног уже спешил метрдотель.

Глава 11

Ответственный служащий ресторана проявил небывалый интерес к такому неадекватному поведению клиентов.

– У вас праздник? – спросил он вежливо.

– И у нас, и у нашей страны! – гордо ответили мы.

– А вы откуда?

– Вообще-то, мы русские, но из Германии.

– Oh, Russia good! – улыбнулся африканец, выставив большой палец руки вверх. – America badly, – добавил он, повернув руку и опустив палец вниз.

По жестам мы поняли, что Россию он любит больше. Потом минут двадцать объясняли, что за великий праздник отмечаем. Наш черный приятель понятия не имел, что много лет назад в Европе произошла какая-то там война и победил Советский Союз, а удивляться этому было нечего. Что уж говорить об Африке, если в Европе и США большинство людей сегодня, особенно младшее поколение, понятия не имеют о событиях более чем полувековой давности!

Вдруг, как будто что-то вспомнив, он ушел, но минут через тридцать вернулся, однако не один. За ним следовал приятный мужчина, возможно, моего возраста, тоже африканец.

Он лучезарно и радостно улыбался, сверкая натуральными белоснежными зубами, и на несколько ломанном, с акцентом, хотя и очень приличном русском представился:

– Здравствуйте, я Ричард!

Свободно разговаривающий по-русски местный житель стал для нас приятным сюрпризом, но даже не его знание нашего языка вызвало у нас удивление, а... балалайка, которую он держал в своих черных руках! На вопрос, умеет ли господин играть на ней, новый знакомый гордо ответил:

– Конечно, я же играл в ансамбле, у нас в институте... там... в Москве...

Как мы поняли, в Москве Ричард закончил медицинский институт и работал по специальности здесь же, в отеле. В России не был много лет. Неожиданно Ричард заговорил о девушке Анжеле, на которой женился еще тогда, давно, в студенческие годы. Он знал также, что у него родился ребенок, девочка, но с тех пор со своей русской семьей так ни разу и не встретился. Его африканская родня была очень состоятельной. Еще бы, какой бедняк может позволить себе учебу за границей?! Папаша Ричарда, царек местного племени, желая переложить правление непослушному сыну, запретил даже думать о белой женщине и ее ребенке. Поначалу Ричард еще рыпался и посылал любимой деньги и посылки, но потом постепенно даже такое скупое общение сошло на нет. Девочку звали Диди, и сейчас она уже, наверное, имеет собственных детей. Анжеле несчастный влюбленный и разлученный с семьей, как мне показалось, любил до сих пор, поэтому я не удивилась, когда он достал из нагрудного кармана своей рубашки крохотную черно-белую фотографию бывшей возлюбленной и жены. Со старого снимка на нас смотрела симпатичная девушка лет двадцати, веселая и счастливая...

Надо сказать, это просто поразительно, что наши бедные женщины за кого угодно выходят замуж! Готовы жить даже в племени и гареме, абсолютно не задумываясь о том, что найти взаимопонимание людям разного мира подчас очень сложно. Но стоит лишь раз оказаться в постели и получить приличную порцию секса от своих цветных партнеров, моментально готовы ползти на край земли, совершенно не зная ни обычаев, ни менталитета той национальности, которой принадлежит возлюбленный. Потом через пару-тройку лет, утирая слезы и сопли, брошенные и забытые, благополучно оставшись с детьми на руках, тянут их на себе до конца жизни либо начинают сражаться с бывшими мужьями за потомство, отнимая его друг у друга и попутно калеча детскую неокрепшую психику. Не знаю, может, стоит организовать консультативные курсы для тех дамочек, кто собирается замуж за арабов, африканцев или

азиатов, где им четко и конкретно разъясняли бы все подводные камни таких браков, тогда, возможно, и искалеченных судеб было бы намного меньше!

Ричард нам понравился, а когда взялся за балалайку, просто очаровал! Играл весьма и весьма профессионально и знал много наших песен: и народных, и современных, и даже военных. Услышав, что к нашему нестройному и не совсем трезвому хору присоединилось еще и своеобразное музыкальное сопровождение, к нам стали подтягиваться и африканцы, и китайцы из числа гостей отеля и ресторана.

– А «Катюшу» знаешь? – с интересом спросила я.

Он сыграл первые аккорды, и мы вступили. Певцы были, прямо скажем, неважные, но пели очень громко и от всей души. К началу второго куплета возбужденные зрители уже начали похлопывать в ладоши, топать и пытаться воспроизвести слова песни. Два раза знаменитый шлягер исполнили на «бис», на третий раз мы пели основные слова:

Расцветали яблони и груши.

Вслед за нами нестройный хор эхом выводил последнее запомнившееся слово... «груши».

Поплыли туманы над рекой.

– рьской.

Выходила на берег Катюша.

– Катюша.

На высокий берег на крутой.

– крютый.

«Катюшу» татаро-еврейско-африканско-китайский хор в сопровождении балалайки и под моим управлением пел ровно шесть раз и еще пять раз «Калинку»! Под конец половина зала уже пустилась в пляс. Растроганные таким импровизированным концертом, китайцы потянулись за портмоне, чтобы вознаградить нас за творческий подход к празднику, но мы убрали подальше свои дрожащие от желания взять ручонки, объяснив, что за удовольствие денег не берем.

Более всего нас порадовал новый африканский контакт, тем более, что человеку был знаком наш русский менталитет. Приободрившись от того, что на нашем горизонте появился друг, на которого в случае чего можно положиться, мы обменялись с ним телефонами.

Поднявшись в номер, позвонили нашей без вести пропавшей подруге. Эта сучка не давала знать о себе уже сутки. В глубине души никакого доверия к ней я не испытывала. Может, лежит где-нибудь себе под пальмой и в ус не дует, а мы тут втроем вынужденно тратим чужие «бабки», ожидая чуда, имея в виду деньги, и, ожидая деньги, имея в виду чудо!

Подруга откликнулась, и, как сообщил, прослушав доклад, Володька, дела шли полным ходом. В данный момент она якобы сидела в очереди в департаменте, где должна была получить справку, что наследство имеет кристально чистое происхождение. Говорю «якобы», потому что как во-первых, так во-вторых и в-третьих, африканцам не верила ни на йоту.

Нация эта крайне специфическая, не желающая работать ни при каких обстоятельствах, но всегда имеющая огромное желание хорошо пожить за чужой счет. Поэтому меня все время удивляют «стоны» Европы по поводу Африки: «Они такие бедные, они такие несчастные! Им нужно помогать!»

Счастливыми их может сделать только труд, причем ударный, на благо своего дорогого отечества. Это довольно элементарно, просто надо научить их конкретно работать, а то вся «рабочая деятельность» африканцев, в основном, причем везде, во всех странах мира, включая и Африку, ограничивается только торговлей наркотиками, воровством, песнями, пляс-

ками, мошенничеством, а также проституцией. Не все, конечно, такие, но очень многие. А ведь несмотря на кошмарные климатические условия, потенциал страны велик, начиная с туризма и заканчивая добычей полезных ископаемых и минералов. Однако, к величайшему сожалению, на политическом небосклоне у них постоянные проблемы. Перевороты следуют за переворотами, и нет ни одного мало-мальски разумного человека, способного объединить Африку и кардинально изменить жизнь и менталитет самих африканцев. Пока же к власти постоянно приходят только воинствующие дегенераты, готовые ради собственной наживы, как шакалы, разобрать по косточкам этот черный континент!

Вечером получили еще два звонка от Квамэ и от самого «наследника» состояния, которые слово в слово повторили версию «миллионерши», нам оставалось только ждать. С Даниэлем договорились о прогулке в центр города, так как с Вовой нам удалось побывать лишь на окраине Аккры. Без пяти минут «миллионер» обещал быть у нас утром. Слово свое сдержал и приехал на машине со своим приятелем в качестве водителя. На этот раз и Левка выразил желание посмотреть Аккру.

Центр города находился от нашего отеля довольно далеко, но тем не менее с большим трудом впятером разместившись в тесном салоне небольшого старенького автомобильчика, мы все же отправились на экскурсию. Едва отъехали от отеля, как Марис, друг Даниэля, такой же молодой парнишка, въехав на заправку недалеко от гостиницы, намекнул, что надо бы заплатить. Услышав знакомые «напевы», а надо сказать, что других «песен», кроме «дай» (музыка и слова народные), африканцы не знают в принципе, мы уже поняли, что влипли в историю! Даже в словаре Элочки-людоедки из романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова запас слов был обширнее, чем у этих.

Я слышала свой зубовный скрежет. Нет, я не была зла, а пребывала в дикой ярости! Сколько же можно! Хотя сразу же представила аналогичную реакцию наших партнеров, к которым и мы постоянно обращались с подобными просьбами и тоже, наверное, были сродни чернокожим вымогателям! Только мы хоть что-то делали, приближая их к заработкам, а эти норавли взгромоздятся на нашу шею, как на пальму, и сидеть там, нагло свесив свои черные ноги! Скорей бы уже от них отвязаться, а то эта саранча без штанов нас оставит! Бензин обошелся нам в пятьдесят седи, но это было только начало.

Дорога в город, на удивление, представляла из себя приличную трассу. Даже в трудолюбивой Германии не везде попадаются нормальные дороги, несмотря на то, что немцы делают их очень качественно и ни у кого не возникает даже и мысли прикарманить пару миллионов евро бюджетных денег, выделенных для их строительства. Немцы, отличающиеся своей честной добросовестностью, вообще-то очень дорожат репутацией своих фирм и понимают, что если будут химичить, как наши бизнесмены, то могут лишиться своего бизнеса напрочь! И все-таки, как я поняла, самые лучшие дороги есть только в Америке. Одна преподавательница немецкого языка, сама местная немка и заядлая автомобилистка, побывав в Америке, буквально задыхаясь от восторга, рассказывала, какие крутые дорожные трассы там. На вопрос: «Неужели лучше, чем здесь, в Германии?» презрительно заявила, что немцам в этой области еще очень далеко до американцев. Не знаю, справедливо это утверждение или нет, но вполне вероятно, она просто американофилка, которой по вкусу лишь все штатовское.

Глава 12

По обочинам широкой дороги, ведущей в центр города, появлялись даже многоэтажные дома, принадлежащие в основном крупнейшим банкам и трансконтинентальным корпорациям. Ну, конечно, там, где есть доступная страна, обладающая, кроме нищего, нуждающегося населения, еще и природными богатствами и немалыми ресурсами, там и международный, в основном американский, китайский и арабский бизнес. Что же касается частного жилья, то здесь существует большая проблема. Позволить себе хотя бы комнату могут лишь люди, имеющие приличный доход, а те, у кого есть водопровод, вообще считаются богачами, потому что имеют возможность торговать водой. Делается это очень просто: в полиэтиленовые пакеты наливают водопроводную воду и отдают местным торговцам, естественно, не задаром. Вода в таком регионе, как Африка, товар номер один, и ничего другого более необходимого и ценного на этом континенте нет и быть не может.

Цивилизация коснулась лишь центра Аккры, это все-таки столица государства! Выглядело все довольно прилично, и даже ходили какие-то автобусы. Вдоль разделительной полосы росли потрясающие цветущие кустарники, а по тротуарам сновали торговцы всякой всячиной. Каждый из них нес на голове, наверное, не менее двадцати килограммов. Во время остановки на светофорах они ловко подбирались к окошкам автомобилей и предлагали водителям и пассажирам свой дешевый нехитрый товар, со скоростью света совершая на ходу торговые сделки.

Иногда им не везло. Если товар был уже продан, а деньги еще не получены, и машина начинала движение, несчастные со своей «Эйфелевой башней» на башке со всех ног мчались вслед за автомобилем до следующего светофора, где им удавалось получить, наконец, свои выстраданные копейки.

Я подумала о том, что никогда не нужно возмущаться и быть недовольным своей работой, потому что есть на свете деятельность, намного хуже твоей! В свое эмигрантское прошлое, когда мы только приехали в Германию, первые месяцы я работала уборщицей на большом заводе «Varta», выпускающем день и ночь батарейки, карбюраторы и прочие необходимые товары, и не потому что мне так хотелось, а потому как делать это нас заставляло социальное ведомство, в чьей власти находились все эмигранты, прибывшие в эту страну.

За пятьсот немецких марок в месяц, даже по тем временам нищенскую зарплату, я ежедневно ходила на работу в обнимку со шваброй, хотя могла за эти же деньги, ничего не делая, лежать пузом кверху, поплеывая в потолок. Вставала в два часа ночи, чтобы с трех утра начать свою работу. В мои обязанности входило за два часа вымыть огромную, величиной почти в четыреста квадратных метров, столовую, вытереть все столы, которых было не меньше ста, расставить стулья и убрать туалеты. Кроме всего прочего, необходимо было оттереть черные жирные полосы от грязных колес раздаточных тележек, что я с успехом и делала, стоя на карачках.

В положенные для этой работы пару часов уложиться, естественно, я никак не могла, как не смог бы этого сделать ни один нормальный человек, разве что «Мистер Пропер». Только вот время, целиком потраченное на уборку загрязненного объекта свыше положенного, не оплачивалось, и это уже были проблемы самой нерасторопной уборщицы. Зато руководитель убирающей фирмы важно разъезжал на своем роскошном мерседесе, периодически отдыхая на экзотических островах. Капитализм, ведь — он где бы то ни был капитализм!

После восстановления чистоты в недрах завода я выходила, больше похожая на губку после мытья посуды, пот стекал ручьями, смывая нехитрый макияж, и меня, в прямом смысле этого слова, можно было выжимать. И даже такая работа, мне кажется, несомненно лучше той, которой занимались африканские мелкие уличные торговцы за совершенно мизерные деньги, да еще при такой адской жаре! На приспособлениях, установленных на кучерявой голове, обычно стоит огромный таз, в котором лежат самые разнообразные предметы, начиная с таких

мелочей, как крем для обуви и салфетки, и заканчивая бутылками с минеральной водой вперемешку со льдом.

В свое время один из самых богатых людей России, бывший олигарх Ходорковский, хотя «бывшие» среди них встречаются, по-моему, крайне редко, в одном телевизионном интервью дал россиянам весьма «полезный» совет. На вопрос корреспондента, как стать богатым, ответил просто, но со знанием дела и чрезвычайно серьезно: «Надо очень много работать!», видимо, и не подозревая о том, что, сколько бы уборщица ни мыла и ни терла унитазы, хоть 24 часа в сутки, ей вряд ли удастся когда-нибудь стать такой же состоятельной, как Ходорковский или Абрамович и иже с ними! Кроме того, он забыл открыть главный секрет олигархии: помимо интенсивной работы, надо уметь воровать, непременно из бюджета, устранять конкурентов, желательно физически, ибо когда человека нет, то заканчиваются и все проблемы, связанные с ним, и очень ловко обманывать всех и вся, обводя вокруг пальца и простых граждан, и государственные службы, а иногда покупая всех, от кого так зависят успехи «трудолюбивого» миллиардера! Бедным уборщицам, видимо, поэтому и не удастся догнать и перегнать по богатству сильных мира сего, потому что они не знают маленьких секретов Ходорковского и таких же, как он, других хозяев жизни.

Бедный, бедный В.И. Ленин, если бы он видел, во что превратили его благородную идею всемирного равенства!

Путешествие продолжалось. В открытое окошко нашего автомобиля заглянула торговка, и оба черных приятеля что-то у нее купили. Это я поняла только тогда, когда наследник миллионов, в очередной раз более чем бесцеремонно ткнув меня кулаком в бок, сделал выразительный жест, изображающий контакт с купюрами:

— Двадцать седи!

Я не собиралась платить, но вымогатели были настроены решительно. Еще более злобный толчок вернул меня на землю.

— Лева, дай ему двадцать седи, и всё, пошли они куда подальше! Больше – ни копейки!

Наши нахальные попутчики уже не в первый раз отоварились за наш счет, купив для себя обувной крем, а до этого – воду и бензин. Я очень пожалела о том, что в город мы поехали вместе с ними. Дешевле и проще было бы взять такси, чем становиться дойной коровой для этих юнцов.

В конце концов они привезли нас на рынок народных промыслов. Здесь продавались одежда, оригинальные сумочки из змеиной и крокодиловой кожи, интересные картины из шелка, на которых были изображены сцены африканской жизни, различные симпатичные поделки и сувениры и опять же деревянные фигурки животных. Стоило все очень дорого, и, увидев, прямо скажем, цены не для нашего кармана, от покупок мы отказались, сразу же впав в тоску.

Если честно, настроение у меня поднимается лишь в одном случае, когда в кармане живут мои маленькие разноцветные бумажные «друзья», позволяющие выбрать и купить то, что хочется. Сегодня они находились в продолжительном отпуске, и в связи с этим печальным обстоятельством устраивать тут обычный «зыринг», как говорит сатирик Л. Натапов, вместо желанного «шопинга» не хотелось!

Африканцы и не подозревали о нашем столь бедственном финансовом положении. Для них мы, все белые, считаемся людьми состоятельными или даже богатыми, поэтому они бродили за нами по пятам целой толпой, дергая за одежду, что-то объясняя и периодически протягивая свои розовые ладошки в надежде, что что-нибудь да обломится. Пора было уже отсюда линять, но наш «англичанин», как всегда, сделал «финт ушами», нахально заявив, что немедленно отправляется в выставочный зал, который он заметил неподалеку. Никакие наши уговоры в чувство его не привели.

– Ишь, какой культурный нашелся! – съязвил Левка, когда мы остались в толпе африканцев одни.

В этом он был абсолютно прав, потому что Вовка, как и мы, родом из Питера, и как говорят шутники о петербуржцах: «Все деловые в Москве, в Питере остались одни культурные». Владимир, человек интеллигентный, не пропустил в Германии ни одной выставки, ни одной экскурсии и ни одной премьеры, благо имел для этого единомышленниц в лице своих сестер. Обе пенсионерки были незамужем, и этот холостяцкий союз с большим удовольствием поддерживал свою культурную сущность.

– Нет, надо же, ему выставок в Германии не хватает! Попутно нужно в их поиске облазить еще всю Африку!

Если честно, меня всегда не просто раздражало Вовкино ослиное упрямство, а приводило в бешенство, но в данный момент ничего другого нам не оставалось, как, вырвавшись из чернокожей толпы, осаждающей нас, как назойливые комары, устремиться следом за ним к выставочному залу. Просмотр жалкой экспозиции занял всего десять минут, больше здесь делать было нечего.

Творчество многих современных художников я не понимаю совершенно. Может, я тупая? Мне абсолютно неясно, почему за размазанное на холсте ведро краски платят миллионы долларов и евро.

Существует мнение, что картина стоит столько, сколько за нее дают. Думаю, что это странное утверждение не соответствует действительности, потому как, если бы была такая замечательная возможность, никто и никогда не платил бы по своей воле прямо-таки умопомрачительные суммы! Для меня очень важно, чтобы полотно несло положительную энергетику, чтобы нравилось и вызывало интересные позитивные мысли.

Однажды на очередном блошином рынке, подойдя к одной немке, продающей ненужные ей вещи, в коробке, стоящей на земле (обычно туда кладут бросовый товар, который отдается буквально за копейки), я нашла несколько картин и, вытащив одну, удивилась. Она была выполнена маслом на холсте и изображала темпераментную испанскую танцовщицу «Фламенко»; на заднем плане угадывалась фигура гитариста. Чудесная работа в превосходной степени, полная жизни и экспрессии. Неизвестный художник великолепно передал движение и настроение изображения, вдобавок она оказалась подписной – в правом нижнем углу стоял автограф автора. Я посмотрела на хозяйку товара и в полной уверенности, что картина стоит приличных денег, спросила:

– Сколько?

Немка помялась, как вроде ей неудобно предлагать мне такую цену, и извиняющимся тоном выдала:

– Полтора евро...

Я решила, что ослышалась, и повторила свой вопрос, вновь получив предыдущий ответ. По тону поняла, что тетка могла бы отдать мне ее еще дешевле, наверное, даром! Она даже чувствовала передо мной неловкость за такую ее «алчность», добавив при этом, что работы подлинные, из Испании! Стало обидно за тупость немцев и одновременно радостно за их отстраненность от мира прекрасного. За такую же цену я сумела приобрести у нее еще одну картину из той же серии, изображающую тореодора, сражающегося с быком. Эти полотна висят у меня до сих пор, и кто бы ни бывал в нашем доме, любуясь ими, ни за что не могут поверить в историю их удивительного приобретения.

Сегодня Даниэль выглядел не лучшим образом и на вопрос:

– Что с тобой?

Отвечил коротко:

– Лихорадка!

Вот только этого нам для полного счастья еще и не хватало! Хотя мы и сделали прививки и имели специальный прививочный паспорт, все равно риск заражения был возможен. Что говорить об Африке, когда почти сотня человек в Германии погибла от неизвестного вируса, причем вирусы сегодняшнего поколения разносятся их носителями со скоростью света, заражая в считанные часы одного за другим.

Помню, как после моей короткой встречи с инфицированной подругой в тот же вечер стало плохо мне, на следующий день Лева, через день моей дочери, которая имела несчастье посетить нас в тот злополучный день, затем свою порцию бактерий в течение пары дней получил мой зять и его родители. А если инфекция будет, упаси Господь, смертельной? Тогда в кратчайший срок человечество просто исчезнет с планеты Земля. «Как страшно жить!» – говорит героиня одной известной актрисы, и она абсолютно права.

Несмотря на недомогание наследника, мы попросили остановить машину у океана. На берегу, прямо в песке, росла одинокая чахлая пальма, неизвестно каким ветром занесенная на прибрежную полосу и производящая от того очень жалкое впечатление. Под ногами скрипел белоснежный песок, берег омывали теплые пенистые волны Атлантического океана. Тишина и умиротворение. Какая красота!

Я влезла в воду по щиколотку, мимо ног проскочила пара крабов, хорошо не акул! От этих тварей всего можно ожидать, не успеешь оглянуться, как останешься без ног и рук, а возможно, и жизни. К большому сожалению, бывает так: окажешься не в том месте и не в тот час, и избежать неприятностей нет никакой возможности. Несколько лет назад меня потрясла история одной пожилой женщины, которая вместе с мужем выиграла путевку в Египет, а вернулась с отдыха без обеих ног и руки. В последний день, перед отъездом, во время купания на нее накинута акула и искалечила не только тело, но и саму жизнь. Ужас! И в свои семьдесят несчастная осталась полным инвалидом! Я просто не представляю себе, как она выжила, но такого не пожелаю даже самым злейшим своим врагам! А вообще, если бы здесь не было такого зноя, множества опасностей, подстерегающих на каждом шагу, и водились бы деньги, то может, я и осталась бы тут навсегда... хотя... нет, вряд ли!

Расточительное путешествие закончилось у дверей отеля. Наследник в очередной раз обратился к нам с просьбой дать ему семьдесят седи для лечения в больнице. Хотя я больше и не хотела давать никаких денег, мне было неловко отказывать человеку, который собирался принести нам инвестиции, но Лева неожиданно проявил не свойственную ему решимость.

– Ни копейки! – сказал он строго.

– Но... как-то неудобно, ведь мы же хотим получить от них деньги?! – неуверенно возразила я.

– Хочешь – давай! – пожал плечами муж, прекрасно зная, что наличных у меня нет и никогда не бывало.

Вовка молчал, затем, спохватившись, поддержал меня:

– И правда, неудобно...

– Неудобно заголя жопу, бегать, – припечатал Левка, – все остальное очень даже удобно!

Даниэль еле держался на ногах, слушая наши споры. Чувствовалось, что ему действительно нехорошо: на лбу и висках выступила испарина, и казалось, вот-вот его покинут последние силы.

– Я так не могу, – сказал добросердечный Вова и после непродолжительных дебатов, отсчитав, передал больному требуемую сумму.

Вечером позвонил Квамэ. Он сообщил о том, что наша подруга была в департаменте и ей сказали, что необходимую бумагу могут выдать только... через две недели, но она будет стоить денег. Кто бы в этом сомневался! В этой Африке и говно, наверное, что-то да стоит! На актуальный вопрос «сколько» Квамэ ответил, что пока не знает, но обещал выяснить. Через две недели! Теперь уже ловить здесь нам больше нечего!

– От Даниэля нужна доверенность на передачу мне траста, – строго сказал Лева. – И обязательно заверенная нотариусом, – добавил он.

Квамэ пообещал связаться с нотариусом и узнать стоимость нотариального договора с заверкой. Поздно вечером воодушевленно сообщил, что его друг нотариус может сделать такой договор, но стоит он будет три-четыре тысячи долларов!

– Они, поплыли что ли?! – возмутился Лева.

Ощущение того, что нас капитально разводят на серьезные «бабки», стало уже реально осязаемым.

– Передай ему, пусть срочно делает договор, но без нотариуса! – приказал он Вовке.

Больше чуда мы не ждали, но и поменять билеты на ближайшее время возможности не было.

Глава 13

На следующий день удалось дозвониться до Агнес. На наш вопрос, когда она вернется, эта прошмандовка нагло заявила, что не скоро, потому что ей нужно повидаться с матерью, и к нашему отъезду она приехать не сможет! Мы пребывали в ярости! К людям, которые им помогли, поверили, привезли деньги и подарки, она не собиралась приезжать даже хотя бы ради приличия. Ну и скоты! Других слов у меня не было! Когда мы только собирались ехать, Лева мне сказал: «Вот увидишь, сколько они тебе подарков надарят!» Он глубоко ошибся. По меньшей мере, сувениришко бы какой завалящий в память о нашей встрече и об Африке подарили, а то обобрали и забыли. Я не расистка, но когда тебя бессовестно обманывают и обворовывают, у любого возникнет расовая неприязнь, если не ненависть, к любой национальности, переступившей эту черту!

Мысли о том, что все это фуфло, постоянно бродили в моей голове. Тот Дом надежности, где развернулся весьма слезоточивый драматический спектакль, не мог быть их домом, и теперь я в этом не сомневалась, как не существовало никаких дочек – сестер Даниэля. В тот день, когда привозили деньги, после акции, я попросилась в туалет. Меня отвели в глубину особняка и оставили в помещении, мало напоминающем туалетную комнату. Вместо унитаза стояло ведро, а в кранах ни капли воды. Все это означало лишь одно, что здесь постоянно люди не живут и жить совершенно не могут, тем более такое количество представительниц слабого пола, а значит, и все остальное находилось под большим сомнением!

Чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей, мы пошли с Вовкой в соседнюю лавку, где продавали сувениры из дерева. Неподалеку увидели мечеть. Ганские мусульмане отмечали праздник, поэтому все верующие оделись в нарядные одежды. Их было множество, полный двор. И где только этих мусульман нет, все равно что китайцев!

Снявшись на фоне величественных минаретов, заглянули в сувенирную лавку. В полумраке комнаты стояли столики с разложенным на них товаром – прелестными фигурками различных животных и птиц. На стенах висели деревянные ритуальные маски, которые выглядели крайне зловеще и жутко. Я сразу же обратила внимание на потрясающую полуметровую фигурку кота, который стоял развернувшись и оскалив свои небольшие клыки. Фигурка была выполнена с огромным мастерством. Резчик по дереву сумел на удивление точно передать грацию животного и его внутреннюю силу. Казалось, еще мгновение – и кот, ожив, легко, без усилий, прыгнет на пол. У меня сразу же возникло желание купить его, тем более по восточному гороскопу я тоже Кот, но цена кусалась, почти как и животное, и возможности заплатить за нее четыреста седи – практически сто пятьдесят евро – на сегодняшний день просто не было. Вот черт, как плохо жить без денег! Впоследствии я очень об этом пожалела и буду, конечно же, жалеть до конца жизни. Эта великолепная фигурка до сих пор стоит у меня перед глазами. Тут послышался оклик:

– Мадам! – худенькая, еще нестарая женщина, показывала рукой за мою спину.

Я оглянулась. В глубине хижины на импровизированной лежанке сидел маленький ребенок – годовалая девочка. Обожаю малышей! Удивительно, но у африканских детей нет игрушек. Причем никаких. Ни погремушек, ни мягких, ни твердых. Они просто молча сидят и глядят на окружающих. Повозившись с ребенком и сфотографировавшись с ним, мы уже хотели уйти, когда принесли еще одного юного негретенка. Маленький Чунга-Чанга без капризов и слез спокойно пошел ко мне на руки, и Вова сделал очередной снимок. Существуют еще дети-ангелы, как впрочем, и детки-отморозки, из которых в дальнейшем вряд ли вырастет что-то путное.

Таким пацаном был сын дочери двоюродной сестры моей тети. Как-то раз мы имели «счастье» познакомиться с этим, правда, не чудом, а чудовищем, когда гостили у нашей род-

стенницы. В дверь позвонили, и только я открыла ее, как в квартиру ворвался четырехлетний террорист, который прямо с порога, замахнувшись на меня кулаком, заорал: «Как дам сейчас по балде!» и помчался в комнату. Я едва успела увернуться от попытки агрессора дать мне в глаз. А потом мы узнали, что ад на свете есть!

Пока продолжался обед (около двух часов), он с дикими воплями носился по комнатам, сломав пару предметов мебели, разбив несколько тарелок и по ходу сорвав занавески, при этом периодически нападая на нас, взрослых, сидящих за обеденным столом. Тихонько подкравшись, изо всех сил наступил мне на ногу, едва ее не покалечив, затем вцепился в волосы моей кузины, да так, что едва отодрали, и напоследок укусил тетю за нос.

Мать «террориста в натуре», эта толстая корова, не сделала ни малейшей попытки успокоить свое сумасшедшее чадо и после очередной выходки лишь вздыхала. И только тогда, когда этот гаденыш со всего маху бросил в суповницу свою машинку и полкастрюли оказалось на наших перепуганных лицах, засмеявшись, сказала: «Сыночек, не нужно это делать сейчас!» Наверное, ему надо было дожидаться ужина, тогда он смог бы запросто надеть нам на головы тарелки с картофельным пюре и кидаться котлетами, как коктейлями Молотова! Все это было бы очень мило, если бы не было так скверно! Наконец, хулигана удалось поймать и запереть в комнате, чтобы он хоть немного успокоился и пришел в себя.

Мы планировали переночевать у тетки, но моментально изменили наши планы, когда озвучила свои размышления бабушка дьяволенка:

– Не иначе, бандитом будет, – с плохо скрытой гордостью за внука сказала она, – вот только боимся, что как-нибудь ночью он нас всех пережрет!

Дождаться кровавой развязки не стали и, взяв ноги в руки, быстрее ветра умчались в гостиницу. Самое интересное, что никакие наши убеждения, что ребенка надо показать не только психологу, но уже и психиатру, на глупых мать и бабушку воздействия не возымели.

На мой взгляд, для начала не мешало бы дать малолетнему негодяю порцию витамина «Р», то есть ремня, чтобы он понял, «что такое хорошо, а что такое плохо», а если результата не будет, просто лечить. Немецким детям тоже все позволено, но они в большинстве своем не агрессоры и, как я заметила, даже в младенческом нежном возрасте никогда не капризничают и весьма доброжелательны. Ну а если попадаете иногда подобный кадр, тогда его моментально вручают в руки психологу, который работает с ним до победного конца и обязательно добивается положительных результатов для пользы самого же ребенка.

Африканские детки отличаются инертностью и полным отсутствием желания поплакать и покапризничать, в отличие от наших российских и европейских ребятишек, которые при нежелании несчастных родителей осуществить какие-либо их желания и запросы как снопы валяются на пол и, дрыгая в сумасшедшей истерике ногами и колотя по полу руками, оглашают своим диким ревом всю округу. В самом раннем детстве у меня тоже была такая, правда, неудачная попытка получить то, что хочу, но мама на корню пресекла мою незаконную акцию. Рывком подняв рыдающее и орущее потомство за шиворот с пола, она, прислонив меня к стенке, сделала внушение:

– Прежде чем сказать «купи», спроси, есть ли у мамы деньги!

С тех пор и до сегодняшнего дня я никогда ничего не просила и не прошу, но знаю точно, что воспитанность ребенка практически на девяносто процентов зависит только от родителей и их воспитания и лишь на десять процентов от его характера.

Вместо шикарного кота пришлось купить самого дешевого маленького и страшненького кособокого крокодила, причем не лучшего качества, но лучше уж такой «красавец», чем вообще никакого сувенира из Африки!

Днем позвонил Квамэ и сообщил, что договор будет готов через двое суток, как раз в день нашего отъезда.

После обеда мы сидели в номере, как вдруг неожиданно дверь открылась и в номер ввалился мордатый китаец, который, явно не ожидая увидеть кого-либо из проживающих в комнате, извинившись, срочно ретировался, спешно закрыв за собой дверь. Нас возмутила такая наглость! Значит, пока нас нет в номере, абсолютно любой из этих паразитов может проникнуть внутрь, покопаться в наших вещах, подкинуть что-нибудь запрещенное, например, наркоту и... прощай, Россия, прощай, Германия, надолго, может, навсегда, а возможно, и прощай, жизнь, ведь во многих странах арабско-азиатского региона за распространение наркотиков наказание одно – смерть! Пришлось посетить администрацию, возмутиться произошедшим и пожаловаться. Они сделали из своих узких круглые и удивленные глаза и пообещали разобраться.

Теперь за границей везде возможны любые провокации и надо держать ухо востро. Мир сошел с ума и перевернулся с ног на голову, поэтому выживать нормальным людям рядом с умалишенными очень сложно! Однажды в поезде при пересечении польской границы на остановке в наше купе, где мы ехали слевой и еще одним попутчиком, залетел мужик. Ничего не говоря, он кинул свою увесистую сумку под наше сиденье и в одно мгновение испарился. Через пять минут пришли польские таможенники, проверили документы и попросили освободить купе для досмотра, который, к счастью, был поверхностным. Как только они ушли, вновь появился этот товарищ и, забрав свой баул, так же молча вышел из купе.

Неожиданно вспомнили с Левкой Штирлица: «Как близко мы были к провалу!» Как не смогли, не сообразили помешать ему? А если бы таможенники что-то обнаружили, например, контрабанду, что делали бы тогда? Рассказывали бы сказки о мужике-«летучем голландце», который бросил свой опасный груз в купе к чужим людям и бесследно исчез в неизвестном направлении? Вот тогда неприятностей нам мало бы не показалось! Поэтому только бдительность – наш самый первый и верный друг!

...И вот наступил день отъезда после, прямо скажем, неудавшейся операции с африканцами. С утра посмотрела на себя в зеркало... а зря. На меня, вылупив глаза, смотрела мерзопакостная багрово-красная ряха, больше похожая на отварные морепродукты – раков или креветок. Кошмар! Кто это? Неужели я?! Загар был таким ужасающе отвратным, что сердце прямо зашло от горя! Сколько же он будет держаться? А вдруг никогда не пройдет?! Это вам не крымское золотисто-шоколадное покрытие, которое может соблазнить любого мужчину, даже далекого от походов налево, а нечто, больше похожее на ожог третьей степени или жертву людоеда, который только начал объедать морду лица. Никогда больше не поеду в эти жуткие края, зарекаюсь! Ну ни в чем нет радости, просто ни в чем!

Зыбкая надежда на положительный исход операции еще теплилась, и как правильно отметили мои душевные половинки, нужно же нам было хоть во что-то верить! К вечеру подъехали Даниэль и Квамэ и привезли документы. Им удалось заверить доверенность, но что это был за договор! Подписи нотариуса сделаны фломастером, внизу стояло штук пять разных печатей, одна из которых уж очень напоминала ганскую монету. Сделать такую печать несложно, надо просто обмакнуть монетку в чернила и шлепнуть ее на бумагу. Уже по внешнему виду сего договора было понятно, что это полное фуфло, но мы еще по-прежнему... верили. Сумасшедшие, наверное...

К диковинному документу была приложена и копия паспорта Даниэля, который он якобы получил на днях. Интересно, а как же без паспорта улетела самолетом в соседнюю страну его наглая мамаша? С фотографии на нас смотрел какой-то мордатый негр, ничем не напоминающий Даниэля, но все данные почему-то совпадали. Значит, либо фотокарточка была фальшивой, либо сам Даниэль ненастоящий, носящий, очевидно, другую фамилию и имя. Тем не менее мы подписали эти странные документы и распрощались с ними. Квамэ нас заверил, что вышлет бумаги из департамента государства Кот-д'Ивуар и мы должны будем, снова заплатив

деньги, выкупить необходимую им справку и освободить траст. За пару часов до отъезда мы беседовали с Даниэлем.

– Почему именно Германия? Почему не Англия, к примеру? – поинтересовалась я.

– Потому что так сказал папа, – ответил он, – поэтому только Германия!

Затем поделился своей мечтой, что хочет учиться и стать врачом. Мечты были хорошие, а вот пути достижения доверия не внушали.

Получив на руки счета за проживание, вечером мы выехали в аэропорт Аккры, Котоку. Такси оказалось жутко раздолбанным, впрочем, как и все остальные автомобили этого «чуждого» города, а водитель совершенно тупым. Внезапно началась гроза, а это хорошая дорожная примета!

За окнами авто бушевала непогода. Никогда не думала, что в Африке бывают настоящие грозы с молнией, громом и сильнейшим ливнем, хотя... тут же существует сезон дождей, причем длительный. Водопад не прекращался, а мы тем временем блуждали с этим идиотом-таксистом по Аккре, пытаюсь найти дорогу в аэропорт. Раз пять или шесть он останавливался, вылавливая редких прохожих, чтобы найти дорогу, чем привел нас буквально в состояние паники. Мы уже не сомневались, что вообще не сможем туда добраться.

В конце концов, выехав на нужную дорогу, устремились к цели. Подъехать к зданию аэропорта вплотную не получилось. Вся дорога впереди была запружена бесконечным потоком автомобилей, и мы освободили такси метров за пятьсот до входа в терминал. Только выгрузились из авто, моментально погрузившись в этот безумный хаос из людей, автомобилей, чемоданов и дождя, как сразу же к нам подскочили бойкие юноши и всучили тележку.

Нам слевой тележка была не нужна, а вот Вовка зачем-то решил ее взять и заплатил требуемые сорок седи. Обман раскрылся на подходе к зданию аэропорта. Тележки ничего не стоили и валялись везде бесплатно, а эти мошенники толкали их глупым европейским туристам за деньги. От обиды за то, что позволил себя провести, Володька прикусил губу и дулся на нас еще полчаса, как будто мы виноваты в том, что он отдал им свои деньги!

Паспортный контроль прошли без проблем. В очереди стояли в основном белые. Их было намного больше, чем черных, и в наших душах воцарилось относительное спокойствие. Зал отлета, в отличие от зала прилета, выглядел очень даже прилично. Здесь располагались магазинчики, где продавали сувениры и украшения, напитки и еду. В ожидании рейса мы сидели, разговаривая о жизни, обходя лишь тему нашего бессмысленного путешествия. Уже в самолете в последний раз взглянули в иллюминатор, прощаясь, надеюсь, навсегда с этой непонятной страной самого, пожалуй, странного континента на этой планете!

Глава 14

Аэропорт Амстердама. От терминала к терминалу – километры пути, почти такой же огромный и бесконечный, как Франкфуртский. Пройдя без проблем паспортный контроль, мы собирались уже двинуться дальше, как были остановлены голландскими таможенниками для досмотра. Вот никогда в дороге не нужно привлекать к себе внимания, никогда! Мы выглядели солиднее и лучше многих других европейских путешественников, очевидно, поэтому ненасытная таможня решила, что у нас уж точно есть чем поживиться.

– Вы с рейса Аккры? – обратился к нам двухметровый голландец и энергичным жестом приказал завернуть на пункт таможенного досмотра.

Мы покорно засеменили за ним. Нет, нельзя выделяться из толпы своим респектабельным видом, иначе сразу же становишься объектом пристального внимания различных служб. А были бы одеты бедно, в футболки, шорты и сандалии, да еще с рюкзаками за спиной, то вообще бы никто даже головы не повернул! Я представила себе, как бы мы комично выглядели в таких «экзотических» нарядах, и сразу же стало смешно.

Два деда-чмо со своими уже далеко не роскошными формами мачо и одна немолодая «девушка» с толстой попой, одетые в шорты, – мрак! Ну это для нас мрак, а для европейцев в порядке вещей и старики с морщинистыми, дряблыми варикозными ногами, и тетки с жуткими целлюлитными ляжками и необъятной «пятой точкой» в шортах и трусах. При этом чувствуют они себя весьма комфортно, без всякого неудобства и стеснения!

Некоторые наши товарищи, покрытые, как гориллы, с головы до ног густой шерстью, носят, например, открытые майки и уверены, что это очень даже сексуально! Впрочем, многим нашим барышням такие самцы по вкусу.

– Наличные деньги есть? – с нетерпением спросил злой таможенник.

– Только сто евро, – ответили мы, хотя наш нарядно-вызывающий вид говорил об обратном.

Он сделал недовольную гримасу и вновь задал вопрос:

– А это? – и указал на мой роскошный портфель из лакированной кожи крокодила, купленный несколько лет назад, как ни странно, в одном из бутиков Санкт-Петербурга.

– Это мой, – дала я «ищейке» отпор, – и он у меня давно!

Недовольство противоположной стороны снова не заставило себя ждать. Таможенник потребовал открыть портфель, тщательно обшарил все уголки и с нескрываемым раздражением, наконец, отпустил нас.

Вспомнилась одна история, связанная с немецкой таможней. В разных городах Германии отношение к пассажирам у таможни свое. В Гамбурге и Берлине никому нет дела до приезжающих, а вот в Ганновере таможенники очень даже активно занимаются «охотой». Я, анализируя их поведение, заметила, что в первую очередь они цепляются к тем, у кого с собой достаточное количество багажа, и особенно их интересуют обладатели клетчатых «челночных» баулов, с которыми так любят путешествовать наши сограждане. Таких пассажиров заворачивают на досмотр сразу же, поэтому мы с Левой предпочитаем передвигаться лишь с небольшими чемоданами, чтобы не привлекать их внимания.

Одно время, много лет назад, мы привозили из России майонез, потому что немецкий есть невозможно, настолько он укусный и острый, и российские мясопродукты: колбасу, ветчину, сосиски. Спросите зачем? Ведь в Германии магазины просто ломятся от такой продукции. Скажу честно, ломятся, конечно, но все это не наше, не русское и не по нашему вкусу. Да и в русских магазинах тех лет не было того ассортимента, который нам нужен. В свое время немецкая таможня ввела закон, запрещающий ввоз на территорию Германии любых мясных изделий из любой страны мира, а не только из России. Но мы на то и русские, чтобы эти

дурацкие законы нарушать. Перед отъездом я, как полководец, всегда планировала операцию по беззатратному провозу запрещенного багажа мимо ганноверских таможенников, которые в белоснежных перчатках, как собравшиеся на бал офицеры, выстраиваются живой цепью перед нашими растерянными согражданами, прибывшими сюда с огромного пространства необъятной России.

Проколов фактически не случилось. Основную нагрузку я брала на себя, потому что знаю немецкий и могу совершенно уверенно, без усилий, пройти мимо любого таможенника, с невероятной легкостью навешав на уши целый таз «лапши».

Левка языка не знает и поэтому в своем чемодане не везет ничего запрещенного. А мой чемоданчик, как правило, заполнен продуктами. Ни один таможенник даже в самом страшном сне не мог представить, что чемодан, предназначенный для вещей личного обихода, используется совсем не по назначению. Обычно, получив свой «наглый», под завязку набитый вкуснейшими русскими деликатесами, чемодан, я с гордым видом везу его мимо кровожадных «акул» таможенной службы, по ходу здороваясь и прощаясь на хорошем немецком. Ни у кого и никогда я не вызываю подозрений. Правда, был один случай, когда меня задержали в аэропорту за то, что громче, чем стоило, сказала: «Аллах Акбар!», причем просто завершила молитву священными словами, но это уже совсем другая история...

Однако и на старуху бывает проруха. В ту поездку мы, вопреки нашим правилам, имели не как обычно пару чемоданов, а объемный багаж, состоящий помимо чемоданов еще из баулов и сумок. Я тщательно спланировала операцию, и она не должна была провалиться. Нагрузив Леву, сама взяла лишь один чемоданчик, забитый до отказа мясными деликатесами российской пищевой промышленности.

– Лева, – наказала я мужу строго, – что бы ни случилось, не показывай виду, что мы знакомы, выкручивайся сам!

Он пообещал меня не трогать, чтобы дать возможность с нашим драгоценным грузом спокойно проскочить кордон. Сначала все шло по намеченному плану. Делая вид, что незнакомы, мы получили свой багаж. Я – один чемодан, зато какой! Левка – несколько оставшихся и пару сумок в придачу. В его багаже ничего запрещенного не было. С невероятным достоинством я прошла мимо таможенников, которые даже не обратили на меня внимания. Лева же со своим, а вернее, с нашим общим барахлом грустно плелся сзади. Мне оставалось пройти ровно два шага в гостеприимно распахнувшуюся дверь, чтобы оказаться за пределами таможенной зоны, как сзади я услышала жалобный окрик: «Оля!», буквально взывающий о помощи. Не обращая внимания, я попыталась выскочить из зала, но пришлось остановиться из-за Левкиных стенаний. Вспомнив все матерные слова и выражения, развернулась, потому что ничего другого мне не оставалось. Представшая перед глазами картина не предвещала ничего хорошего. Рядом с Левой, вцепившись в наш багаж, как пиявка в тело, стояла таможенница. Надо сказать, что служащие женского пола намного вреднее и злее своих коллег-мужчин. Увидев, что я повернулась, она злорадно спросила:

– Ах вот как, так значит вы вместе?!

– Вместе, – тяжело вздохнув, призналась я.

– Тогда прошу, – и тетя сделала красноречивый жест рукой, приглашая в комнату досмотра.

Всё, накрылась моя колбаска медным тазом, разочарованно подумала я, как жалко, обидно, да еще штраф приличный придется платить!

В Германии просто обожают штрафные санкции. Таким образом все государственные структуры очень даже неплохо пополняют казну! Помню, как перед нами задержали французов, которые заплатили за привезенные ими лишние пачки сигарет около шестисот евро. Самое интересное, что официально все сделано очень хитро. Сигареты в упаковках они купили в Duty Free, но почему-то в них было не такое количество, которое можно ввозить беспощинно, а на

десять пачек больше. Легкомысленные туристы на это обстоятельство внимания не обратили, за что и заплатились немалыми деньгами.

Думаю, что делается это специально, чтобы доить беспомощных перед лицом закона граждан. Все покупки приезжающих из Америки, например, проверяются обязательно, и если сумма товара превышает сто пятьдесят евро, приобретения облагаются налогом. А что делается на почтовых складах – и сказать страшно! Всё под тотальным контролем. Псылки и послания потрошат почем зря! Лекарственные препараты изымают полностью, как и многое, многое другое. Любые письма и бандероли из Латинской Америки вскрывают обязательно; оправдывают эти действия бредом, что в почтовых отправлениях могут прятать наркоту. Одна знакомая еще до своего переезда в Германию выслала на наше имя посылку с каким-то своим домашним барахлом, ложками, плошками. При нас раскрыли посылку и заставили заплатить сто, тогда еще, марок. За что, почему, мы так и не поняли!

Строгая таможенница жестом приказала поставить багаж на транспортер просвечивающего аппарата и спросила:

– Что находится в сумках?

Я попыталась увернуться от заданного в лоб вопроса, произнесла очень тихо нечто неопределенное, типа:

– Да так, в общем, ничего особенного...

Но служащая не была настроена на шутки и грозно повторила еще раз:

– Я спрашиваю, что у вас там?

Мысленно попрощавшись со вкусами и мчась во весь опор навстречу новым неприятностям, я, тяжело вздохнув, выдавила из себя правду:

– Там русская колбаса...

Она ничего не сказала, чемодан открывать не стала, а взялась лишь за сумки. Я еще пыталась избежать конфискации, объясняя ей, что мой муж – диабетик, и если он тут еще задержится, то умрет прямо на этом месте. При этом пришлось наступить Левке на ногу, чтобы он сделал из своего цветущего хотя бы несчастный вид. Не знаю, что повлияло на ее решение, Левкина ли предстоящая скорая смерть в «прямом эфире» или мы были под сильной божьей защитой, но фрау сама погрузила весь наш багаж на тележку и, по-доброму распрощавшись с нами, проводила к выходу! С той поры я уже ничего не вожу из России, а покупаю в русских магазинах Германии наши любимые колбасы и иные деликатесы.

В общем, таможня – не самое страшное, что есть в амстердамском аэропорту. Самое ужасное – это туалеты, которые живут своей, совершенно отдельной от посетителей жизнью. В туалет нельзя просто зайти и, завершив свои действия, нажать на рычаг смыва, нет. Ты можешь лишь войти и сделать дела, а вот когда пустить воду, решает сам «умный» сливной бачок, что, конечно же, унижает наше человеческое достоинство! Ведь всегда неловко, когда в неготовую к приему нового посетителя кабинку вслед за тобой входит очередной клиент. Никакой очереди на момент посещения мною туалета, как ни странно, не было, но почти все кабинки были заняты. Покидать свое славное убежище дамы, похоже, не собирались, и через несколько минут стало понятно, почему. Мое недоумение рассеялось, когда, закончив свои дела, я не нашла для начала кнопку слива. Пометавшись по кабинке и обшарив все углы, пришла к выводу, что он работает на каком-то другом, пока еще неясном мне, уникальном принципе. Для начала энергично попинала унитаз ногой в надежде, что, возможно, вожденная вода выливается только при непосредственном контакте лишь с определенной частью тела, но отнюдь не попой. Нет, номер не прошел! Из бачка не вылилось ни капли. Может, эта сволочь реагирует на голос, пришла в голову дельная мысль, как только вспомнила заклинание «Сезам, откройся!». «Слышь, пусти, пожалуйста, воду!» – сказала я миролюбиво вполголоса. Результата не было. За дверью уже начали возмущаться, но почему-то очень грубыми голосами, весьма похожими на мужские, и по-русски:

– Чё там этот хрен в средней кабинке застрял?! Целый день там что ли сидеть собирается?!

Что за новые тенденции женщин хренами называть?! Вот только у русских терпения и не хватает, только они вечно и вякают! Иностранцы бы и слова не сказали, даже если бы просто-яли здесь целый день, просто молчали бы в «тряпочку»! Ну ты посмотри, до чего же здоровые сейчас бабы пошли, прямо кобылы какие-то! Представляю, как они выглядят, если говорят таким басом! Стало обидно. Пусть-ка попробуют сами справиться с взбесившимся унитазом, тогда и будут завывать, хотя нет, в большинстве своем наши люди чистотой никогда не заморачиваются. Но может, это и правильно?

Вспомнилась история одного интеллигентного товарища, который хотел культурно смыть за собой воду в туалете, но... оказался в больнице! Для начала, нажав на рычаг слива ногой, чтобы не прихватить какую-нибудь заразу, он нечаянно угодил ею прямо в унитаз и там застрял. Затем, видимо, слишком интенсивно пытался вытащить конечность, потому что от тряски на голову ему свалился сливной бачок. Лежа в кабинке с застрявшей в унитазе ногой и бачком на голове, наш гражданин начал звать на помощь, не учтя тот момент, что дверь в туалетную кабинку открывается внутрь. Сердобольные граждане, вломившись в кабинку, «помогли» от души, при этом изрядно помяв страдальца и попутно, для полного комплекта, чего уж мелочиться, сломав ему вторую ногу и руки. Когда потерпевшего привезли в больницу, врачи, узнав его историю, очень долго смеялись, посоветовав остальным туалетным посетителям не строить из себя слишком-то культурных! В сравнении с историей бедного неудачника у меня все еще шло гладко, за исключением малюсенького недоразумения со сливным бачком.

Решив, что, возможно, слив заработает, если выйду из кабинки, я осторожно приоткрыла дверь и высунулась наружу. Перед глазами предстала удивительная картина. В небольшой очереди стояло человек шесть-семь, но исключительно... мужчин! Мое внезапное появление в мужском туалете, наверное, можно было сравнить с картиной художника Александра Иванова «Явление Христа народу». Несколько пар глаз величиной с блюдца в изумлении уставились на меня, и мне ничего не оставалось, как надеть на морду лица независимый вид и, как ни в чем не бывало, насвистывая песню «Течет река Волга», развернувшись, отправиться на прежнее место дислокации...

Желающие справить нужду дружно замерли на месте, а я с независимым видом скрылась в своей кабинке да так, как будто всю жизнь только и делала, что разгуливала по мужским туалетам! Теперь уже без смыва и вовсе покинуть мужское заведение было невозможно! Я задумалась и устало опустилась на унитаз, и тут... как Ниагарский водопад, хлынула вода... Пришлось выйти из туалета с мокрой, но, к моему счастью, не голой попой, вызывая откровенные оскорбления и нахальные смешки окружающих. Да... что и говорить, поездочка получилась, на редкость, «удачной»! После этого случая я даже хотела подать иск к амстердамскому аэропорту о защите чести и достоинства, но пока еще руки не дошли, может, и соберусь когда. Прибыла в Африку с облитыми томатным соком туфлями, уехала с мокрой пятой точкой, а значит и неприятности не за горами!

В ганноверский аэропорт мы прибыли поздним вечером, потому что сначала надо было несколько часов ждать рейс, а потом его еще и надолго задержали. К счастью, мы не везли ничего запрещенного: ни золота, ни бриллиантов, ни денег, ни даже приличной деревянной фигурки – в общем, ни фига, чтобы хоть чем-то заинтересовать ненасытных немецких служащих.

Быстро подхватив свои чемоданы, бросились к выходу. По пути к электричке, следующей в город, остановились на минуту передохнуть. И тут сюрприз преподнес Владимир. Сначала он долго вглядывался в свой чемодан, потом вдруг заявил:

– По-моему... это не мой.

Мы с Левкой с ненавистью уставились на невнимательного друга. Ну как можно перепутать свой чемодан с чужим, тем более, что у этого был темно-синий оттенок и бирка с другим именем! Проклиная всех и вся, пришлось снова тащиться несколько километров обратно на терминал, куда мы прибыли около часа назад, потом объясняться в отделе потери багажа, затем еще ждать, когда нам вынесут Вовкин чемодан, который оставил пассажир, чей багаж так беспардонно уволок Владимир, и только ближе к ночи, прибыв, наконец, домой, почти без сознания, мы рухнули в кровати и мгновенно заснули. Утром Володя уехал, а нам оставалось только ждать хороших новостей из Аккры, попутно подбирая варианты, где можно перехватить деньги, чтобы выкупить злосчастную справку о чистоте наследства.

Глава 15

Несмотря на невеселые думы и мысли, я все же занялась своими делами, решив перенести с фотоаппарата в комп свежие африканские снимки и видео. О Боже! Кто это?! Реальность, запечатленная на снимках, ужасала! На фотках дерзко позировало существо, больше похожее на гигантского, имея в виду не высоту, а ширину, снеговика или снежную бабу. Между нами было всего три различия: наличие двух подпорок в виде ног, вместо гладких, рельефные, жировые бока и отсутствие ведра на башке. А в остальном – огромный шар снизу и чуть поменьше сверху! Да, кстати, мы отличались еще и цветом. Белоснежный, нормальный снеговик выглядит аристократично, в отличие от меня, снеговика багрового, больше похожего на вождя краснокожих, с красноречивым именем «Толстопузый Мустанг»!

Дрожащая от пережитого потрясения рука потянулась к «мышке», чтобы стереть ненавистные изображения, но было поздно!

– Ой, посмотри, какой упитанный бычок! – произнес такой родной голос душевной половинки.

Вот только их еще здесь и не хватало! Молчание несколько затянулось, затем весьма сомневающийся недоуменный голос вечно колеблющейся оппонентки произнес:

– По-моему, это телочка! А вообще, где-то уже я эту морду видела, больно знакомая... – и, как я поняла, она стала пристально, с большим вниманием вглядываться в фотографии.

– Да... вроде не бычок и не телочка, кто же это? И физиономия прямо какая-то отвратная, – задумалась ее подружка.

Они меня не узнают! Ликование заполнило душу, значит, буду богатой, есть такая примета! И это несомненно лучше, чем приставать к друзьям и партнерам: «Нет, скажите, что вы меня не узнали!» Все получилось очень естественно и органично.

А вот насчет отвратной – это зря, и даром вам такое оскорбление не пройдет! То, что физия толстая, согласна, а вот то, что отвратная, категорически нет! Очень даже симпатичная и добрая, если не обращать внимания на специфический цвет африканского загара, и даже второй подбородок, привольно раскинувшийся на груди, не слишком портит общую картину...

Когда я не перешла еще границу сорокалетия, то худела моментально, если такое желание имелось. Меня всегда удивляли стоны моих возрастных подруг о невозможности снижения веса. Теперь, очутившись в их возрасте, на своей шкуре убедилась, что сделать это очень и очень трудно, хотя есть один весьма эффективный способ, который даже из самых тучных пятидесятилетних теток может сделать стройных красоток. Метод этот весьма прост – наглухо закрытый рот толстушки. Однако для того, чтобы достичь значительных результатов, необходимо иметь главный стимул – чувства к противоположному полу! А еще больший стимул для похудения появится в том случае, если объект симпатий, избранный для нежных любовных отношений, уворачивается от поползновений, не желая видеть тебя в упор. Вот тогда уж точно напроць забудешь и о еде, и о сне и с маниакальным упорством будешь приводить себя в порядок, чтобы обратить на себя его драгоценное внимание и перетянуть на свою сторону. И даже помыслить о том, чтобы залезть к нему в койку со своими очень далекими от совершенства формами, будет невозможно, не то чтобы осуществить эту смертоубийственную акцию! Женское тело все-таки должно радовать глаз и сердце мужчины, а не вызывать отвращение до дрожи в коленках и других, ответственных за это мероприятие, частях его тела. Надо превращаться в красавицу, причем срочно!..

В конце концов, опознание состоялось.

– Смотри-ка, как на Ольгу похожа, хотя эта тетка прямо жиртрест какой-то!

– Да ты глянь-ка, это Ольга и есть!

– Ну, маманя, вы и разожрались, прямо не узнать! – с упреком и ужасом одновременно воскликнули они. – С одного только африканского обеда как рождественский пирог распухли!

Именно так говорила разочарованная преподавательница классического танца после нашего «триумфального» возвращения с каникул из зимнего лагеря, когда раздавшиеся вширь от безделия и бесконечной жратвы щеки не помещались в капюшон пальто, не говоря уже о формах. А наши рыхлые после отлично проведенного отдыха тела во время прыжков приземлялись с таким жутким грохотом, как будто шел обстрел из тяжелой артиллерии!

– Как с муженьком-то своим в постельку ложиться собираешься?! – заголосила сочувствующая моему супругу сторона.

– Да с этим-то никаких проблем не будет! – успокоила ее соратница. – Они оба стоят друг друга – два бройлера!

Что правда, то правда. С Левкой на этих злосчастных фотках мы выглядели, как близнецы, а между нами, двумя «бройлерами», болтался, больше похожий на цыпленка Синявинской птицефабрики девяностых, кашеобразный Володька, который не только не поправился, но умудрился еще и похудеть!

– Тебе, толстуха, надо срочно влюбиться! – последовал очень своевременный совет. – Тогда процесс похудения, возможно, пойдет поживее. Когда-нибудь придешь в форму, как раз к своему столетнему юбилею, – издевки сыпались, как из рога изобилия, – а не будешь распугивать всех, в том числе и потенциальных женихов, своим малоаппетитным видом!

– Легко советовать, влюбись! Может, скажете, в кого? Как будто женихи на улице валяются! Да, кстати, и тех, кто валяется, теперь живо подбирают, и глазом моргнуть не успеешь!

В наше время в дело идут любые джентльмены: валяющиеся, с трудом держащиеся на подгибающихся ножках, пьяные, глупые, кочующие из одной теплой женской постельки в другую, и даже за безумных, уже стоящих двумя ногами в ином мире, дряхлых старичков тоже еще нужно побороться с конкурентками. Везет же этим мужикам!

Как здорово быть дефицитом! Всем ты нужен, все тебя хотят! Почему нам, теткам, так не везет, и мы постоянно пребываем в подлом, низком и несправедливом положении? Никому толком не нужны, никто за нас не борется и мало кто желает идти с нами по жизненному пути до конца! Интересно, если бы я родилась мужчиной, как бы провела свои лучшие годы? Не знаю, но чувствую, что пуританином не была бы никогда. Люблю и ненавижу женщин одновременно! Сексуальные и ненасытные, скромные и развратные, есть в них некая внутренняя сила, притягивающая мужчин, как магнит.

Правда, хочу оговориться: в первую очередь, последних интересуют только юные сударыни. Однако молодость – это тот недостаток, который проходит очень быстро. И в свои сорок и пятьдесят лет они превратятся в наши копии. Толстые и постаревшие, уставшие от всех: мужей, детей, внуков и от самой жизни, неухоженные и брюзжащие, напрочь позабывшие о навыках сексуального удовлетворения своих и не своих мужчин и в большинстве своем никому не нужные... Как грустно заканчивается женское существование! И тем не менее без их присутствия жизнь потеряет все свои краски и мир станет скучным, серым и безвкусным! А держаться в форме нужно в любом возрасте, вне зависимости от наличия рядом любимого представителя сильной половины человечества. Если ты в хорошей форме, то шансы не остаться совершенно одной многократно увеличиваются, а посему непременно и срочно поищу любовный объект для похудения, и будем считать его биодобавкой к естественному процессу!

Новость от африканцев пришла через два дня и одним махом похоронила нашу последнюю надежду. Сообщение было от неутомимого Квамэ. Он выслал короткое послание с просьбой позаботиться о деньгах для выкупа справки. В приложении находилось «потрясающее» письмо прямо из госдепартамента Абиджана, где раньше, как нам говорили, служил папаша Кабарах. Документ представлял из себя бланк с гербом Кот-д'Ивуара, печатями и подписью и был, разумеется, на английском. В пресловутом документе говорилось, что столь ожидаемая

справка, говорящая о чистоте находящихся в фонде денег, будет стоить... мы не поверили своим глазам... сто тридцать тысяч долларов США!!! От такого чудовищного известия ноги подогнулись и, не в силах держаться вертикально, наш тандем сел прямо там, где нас застала эта жуткая новость! Ладно, надо заплатить, хорошо, но мы-то рассчитывали тысяч на пять, ну в крайнем случае, на десять, это все, что можно было надоить с огромным трудом, но не сто тридцать же тысяч! Это какой-то бред! С кабахскими миллионами мы уже пролетали, как фанера над Парижем!

– Что за чушь?! – недоуменно произнес Лева. – Как клочок бумаги может стоить таких денег?! Нет в мире таких цен!

Я выдвинула свою версию.

– А может, они берут процент с общей суммы?!

– Возможно, ты и права, но такие «бабки» мы не достанем никогда!

Очень расстроенный, он ушел в другую комнату, а я подумала, что теперь уже просто необходимо проявить бдительность и проверить не только этот документ на подлинность, но и изложенную нам легенду чернокожих «беженцев», ведь многое в их странном поведении не только не стыковалось, но порой было шито белыми нитками. Какая же я тупая! Почему я не сделала это с самого начала, с первого дня нашего контакта? Тогда, вероятно, мы легко избежали бы всех этих нелепых и фатальных ошибок!

Мое расследование состояло из четырех пунктов:

1. Первый звонок сделаю в наше посольство в Абиджане с целью получения информации о существовании чиновника по фамилии Кабаха и подлинности бланка письма из департамента.

2. Второй звонок последует в российское посольство в Аккре с целью прощупывания истории с демонстрацией денег.

3. Третьим шагом будет поход в консульство Ганы в Ганновере, через которое мы проверим копию паспорта Даниэля и бумаги от Квамэ.

4. Четвертым – станут переговоры с нашим скупым компаньоном Владленом на предмет получения у него, как всегда, в кредит, озвученной в документе суммы – ста тридцати тысяч долларов. При его согласии, что вряд ли, придется взять его в долю. В то, что он осчастливит нас такой гигантской суммой, я не верила, но присущая нашему партнеру патологическая жадность могла сыграть в этом нелегком деле решающую роль.

– Ни стыда у людей, ни совести! – подали голос мои вечные спутницы. – Сколько можно грабить народ?!

– Сколько нужно, столько и будем! – дала я им решительный отпор.

– Эта больная на всю голову и коварная надежда дорого нам обходится, может, избавиться от нее совсем? Например, замочить!

– И лучше в сортире, как предлагал наш президент!

– Точно! Туда ей, сволочи, и дорога!

Их кровожадные планы мне совсем не нравились, хотя резон в словах присутствовал. Надежда и помогает, конечно, в первую очередь, морально, но чаще разочаровывает и толкает нас на неблагоприятные поступки и преступления. После ее вторжения в нашу жизнь, как после вмешательства Америки в дела других государств, остаются одни руины. Надежда устроить свою личную безрадостную жизнь уводит из семей женатых мужчин, принося невыносимое горе и страдания соперницам, или сажает на шею доверчивых женщин мерзких альфонсов. Надежда иметь «бабки», ничего не делая, на халяву, заставляет соваться во всякого рода финансовые пирамиды, с помощью которых исчезает все, что было нажито непосильным трудом. Надежда на выздоровление толкает нас в объятия лжелекарей, отнимая наши жизни; а уж надежда заработать вынуждает переходить все мыслимые и немыслимые границы недозволенного и идти на обман, воровство и убийства, уничтожая и калеча наши отчаявшиеся души!

Я тут же вспомнила ту ужасную питерскую трагедию, разыгравшуюся из-за гнусных нигерийских мошенников. Когда появляется хоть малейший призрак удачи, все равно цепляешься, очень надеясь, что задуманное непременно получится, выворачиваешься наизнанку и прешь как танк, напролом, наперекор судьбе, хотя игра и не стоит свеч! И если надо будет выбирать между надеждой и верой, то остановлюсь, пожалуй, на последней. Ну, ладно, достаточно размышлений, пора уже браться за дела.

Глава 16

Порывшись в интернете, я получила всю необходимую информацию. Первым делом решила проверить бланк из департамента Абиджана, высланный Квамэ. Герб на бланке выглядел чуть иначе, чем герб, изображенный на официальном сайте страны. Да, очень похоже, но не совсем то, как если сравнить одинаковые туфли, только одни на каблуке высоком, а другие на низком. Потом позвонила в российское посольство в Абиджане. Меня соединили, как я поняла, со службой безопасности. Игорь Владимирович, так представился сотрудник посольства, внимательно выслушал мой рассказ и попросил выслать документ из департамента, пообещав узнать о наличии в списках чиновников бывшего госаппарата служащего с фамилией Кабарах.

После беседы с сотрудником российского посольства в Кот-д'Ивуаре, откуда были родом наши «беженцы», я сразу же набрала номер телефона нашего посольства в Аккре. Коротко изложив суть произошедшего, попросила совета. Андрей, так назвался работник посольства, рассказал мне любопытные вещи, попутно рассеяв все наши иллюзии.

– Вы знаете, – сказал он, тяжело вздохнув, как будто эта история коснулась его лично, – скорее всего, это мошенничество и вымогательство. Сам на себе не испытал, но слышал многочисленные истории о том, как «обувают» здесь иностранцев, так сказать, из первых рук. Схема аферы выглядит следующим образом. Под выдуманным предлогом жертву приглашают в Африку, затем показывают сундук, ящик, сумку, заполненные огромными деньгами, принадлежащими местной мафии, и за получение этих финансовых средств требуют заплатить определенную сумму, как правило, от ста тысяч долларов или евро. По тем или иным причинам многие на эту «удочку» клюют. Совсем недавно вот таким же способом на двести тысяч евро кинули гражданина Беларуси. Очень вам советую, – сказал напоследок Андрей, – прекратить с ними отношения, иначе просто потеряете деньги!

Сотрудник посольства, один в один, озвучил почти нашу историю. С нас вымогали чуть меньше, чем с белорусского бизнесмена. С самого начала предполагала такой расклад, но дурацкая надежда на благополучный исход дела просто одурманила нас, и мы, как тупоголовые бараны, идя у нее на поводу, едва не рухнули в пропасть, не в силах расстаться с мечтой!

Параллельно моим телефонным разговорам с посольствами решила навестить консульство Ганы у нас здесь, в Германии. Сотрудница, госпожа Олмус, любезно выслушала меня и для проверки подлинности выслала в посольство Ганы в Берлине копию паспорта Даниэля, доверенность и документы, полученные от Квамэ. Попутно она рассказала, что знает несколько немецких фирм, которые вконец разорились, собрав огромные суммы и передав их африканцам, к своему несчастью, поверив в их «волшебные» сказки.

Меня это несколько успокоило. Значит, не одни мы такие тупые и доверчивые дураки, есть товарищи и похуже нас. Можно сказать, отделались легким испугом, в сравнении с остальными лузерами.

Долгожданный ответ, пришедший из Берлина, рассеял все наши сомнения. Несмотря на то, что паспорт оказался подлинным, хотя документ вряд ли принадлежал Даниэлю, по адресу, указанному в бумагах фонда, такой организации не существовало! Посоветовав мне быть поосторожнее, госпожа Олмус пожелала на прощанье удачи. Теперь уже необходимости для встречи с Владленом не было. Мне осталось только дождаться ответа от работника посольства в Абиджане. Ответ подтвердил мою версию о том, что все это – развод по-папуасски. Игорь Владимирович очень подробно объяснил мне, почему считает документ из департамента Абиджана фальшивым, конкретно указав на детали, нюансы и ошибки, допущенные в этом послании. Кроме того, он сообщил, что никакого Кабараха среди чиновников свергнутого правительства никогда не существовало!

Последнюю жирную точку в подтверждении моих сомнений поставило очередное послание от Квамэ. В приложении находилось письмо якобы от министерства финансов Ганы, в котором говорилось о том, что данное ведомство сможет продлить срок оплаты документа, если мы заплатим... пять тысяч евро! Текст был напечатан на бланке с государственным гербом, печатями и подписью самого... министра финансов, а ниже красовалась циничная надпись: «Высылайте деньги по «Western Union» или «MoneyGram», и далее данные получателя – частного лица.

Вот и всё, круг замкнулся! И стоило ли удивляться изобилию золотых украшений на Агнес и шикарному виду Квамэ, промышленявших отъемом, прямо скажем, нехилых сумм, особенно для такого нищего региона, как Африка, у порядочных и доверчивых граждан, как мы, и многих других, совершенно случайно оказавшихся в поле зрения, а затем и в безжалостных сетях чернокожих деньгоголов, и имевших огромное несчастье поверить проходимцам!

Желание сделать дело, не нажиться, а именно сделать дело, постоянно толкает нас в объятия всякого рода мерзавцев и выроdkов в человеческом обликии, которые совершенно наглым, подлым и циничным образом наживаются на наших проблемах и доверии.

Разочарование было чудовищно-горьким, особенно у Левы! У меня просто сердце разрывалось, глядя на него. Что теперь делать? Как быть? Опять влезли в долги и все впустую!

И вдруг от отчаяния в голову мне пришла фантастическая, но классная идея, и я выдала свои мысли вслух:

– Мы отнимем у них эти деньги!

Лева медленно поднял голову и посмотрел на меня так, словно я сбежала из поднадзорной палаты психиатрической клиники для буйных.

– Не понял?! – спросил он, не в силах осмыслить то, о чем я толкую.

– Мы сами отнимем у них эти деньги! – воинственно и зло повторила я.

– Ты шутишь, что ли, или крыша поехала?

Лева не мог поверить в реальность моего предложения.

– Я серьезна, как никогда, а крыша поехала у тебя, когда ты по уши влез в эту авантюру! – критика была весьма к месту.

На лице мужа отразилась обида.

Ну давай, давай, дружок, обижайся! Здесь пойдешь на любые меры, особенно когда за нас опять возьмутся партнеры, финансировавшие эту никчемную операцию. Очень хочу посмотреть, как будешь выкручиваться.

– Если эти твари нас и не только нас грабят, почему мы не можем этого сделать?! Правда, моя добрая бабушка говорила: «Если кто-то бросит в тебя камнем, в ответ брось в него супом», имея в виду, что на зло надо отвечать добром, – еще одна последовательница теории Льва Толстого! Может, и надо, но не всегда. Кстати, получить прямо в морду горячим супом – удовольствие тоже сомнительное!

– Оля, – сказал серьезно Лев, выслушав мои аргументы, – но ведь это чистой воды криминал!

– Ну и что! – после африканских приключений мне уже было море по колено. – Не следовало этим подонкам сеять ветер, так вот теперь «пожнут бурю»! Не зря же говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо». А сейчас скажи мне, пожалуйста, кто из представителей серьезного бизнеса, миллионеров, миллиардеров наших и не наших сделал свои первые копейки и центы честно?! Назови мне хоть одного, особенно в нашей России. Я все понимаю, на Западе внушительные капиталы строятся столетиями, бизнес передается по наследству, от отца к сыну, которые династиями приумножают свои состояния, но как у нас за каких-нибудь десять-пятнадцать лет, с самого начала перехода страны из застойного социализма в оголтелую демократию, обыкновенные инженеры, врачи, научные работники нищих НИИ стали чуть ли не самыми богатыми в мире людьми?! Как?! Неужели ты думаешь, что у них нет скелетов в шка-

фах, что они никого и никогда не обманывали, не устранили, не отнимали, а только лишь своим «упорным», «честным» и «доблестным» трудом приобрели все, что имеют сейчас?! У всех за спиной нелицеприятные фрагменты биографии, многие грешат этим и сегодня. Но, как показывает история, никто не вспоминает им их поганое прошлое, а везде и всюду выказывают только почет и уважение. Это «гордость» и «цвет» нации! Они оккупировали практически все страны мира и без проблем, припеваючи, в свое удовольствие, проживают свои сумасшедшие, но отнюдь нечистоплотные капиталы, за которыми стоят и убийства, и мошенничества, и рэкет, и похищения, и еще много чего! Обманывать нельзя, если мы говорим о нормальных людях, но когда речь идет о мафии, то пусть обман обернется во благо многим другим, которых она сама «обула»!!!

Лева слушал мой «крик души» очень внимательно. Я продолжала:

– Я не предлагаю тебе банальное ограбление, до этого еще не докатилась, а что касается мафии, то это святое дело и обязанность каждого порядочного гражданина!

– Не знаю... не знаю... – неуверенно произнес в глубокой задумчивости Левка, – никому не рекомендуется наступать на хвост мафии, а вот когда она возьмется за нас, – лишь вопрос времени!

– Они будут искать не нас, а неких русских в гигантской России, и ты думаешь, эти придурки справятся? Какая-нибудь Коза Ностра, наверное, еще справилась бы, связи в России, имеются, а эти говнюки – очень сомневаюсь. Не думаю, что папуасы дружат с русскими мафиози, а вот нам эти контакты найти необходимо! Без серьезных людей, финансов и плана ничего не получится!

Впервые в жизни я собиралась участвовать в криминальной операции по отъему финансовых средств, а проще говоря, ограблении, тем более мафиозных структур!

Опыт бурного общения с бандитскими организациями и мафией в годы криминальной революции в России был достаточно обширным. Вот уж не скажу, что такого рода контакты были приятными, нет, но с бандитами вопросы решались проще, чем с иными мерзавцами-бизнесменами, но лишь при одном условии, если бандиты, хоть и думающие, не были полными отморозками.

Мы с Левушкой отличались от остального питерского бизнес-сообщества тем, что никогда не имели «крыши» и никому ничего не платили, просто поддерживали нормальные, если можно так сказать, дружеские отношения. В те времена с мафией рекомендовалось не ссориться, не корчить из себя великих борцов за справедливость и не враждовать, имея потом колоссальные неприятности, главной из которых была призрачная надежда остаться в живых.

В данном случае я не имела пока четкого плана для реализации моей безумной идеи, но хорошо подумать об этом не помешало бы. Вместе с тем я понимала, что просто мафия, то бишь обычные криминальные структуры, осуществить такую сложную операцию, да еще в Африке, на краю земли, вряд ли сумеют, а это означает только одно – необходимо привлечь к делу сотрудников спецслужб. Только профессионалы из разведки смогут разработать нормальный и действенный план, который можно будет без проблем реализовать в чужой стране. Во времена бардака и неразберихи многие такие спецразборки по бандам и группировкам, осуществляя сложные, а порой и невероятные операции, в основном по отъему чужих состояний, становлению не очень знакомого криминального бизнеса и устранению конкурентов.

Стоило хорошенько подумать, к кому сунуться с моей сумасшедшей идеей. Через пару дней собирался приехать мой партнер, который имел звание полковника и был выходцем из крепких рядов КГБешников. В свое время он курировал одного одиозного ученого, но теперь находился в свободном полете, занимаясь бизнесом, в компании таких же, как сам, бывших представителей органов, хотя «бывших» товарищей «оттуда» не бывает.

Дмитрий всего на пару лет старше меня и внешне настолько интересный, что, когда впервые появился у нас, в тот же день не пришел ночевать домой, так как с первой же минуты зна-

комства был взят в «плен» нашей секретаршей, девицей незамужней и сексуально озабоченной. Кратковременный яркий роман дальнейшего продолжения, естественно, не имел, потому что Дмитрий давно и прочно женат, имеет двух взрослых детей, расставаться с которыми ради какого-то призрачного счастья, конечно же, не собирался. Впоследствии Клаудия, наша, теперь уже бывшая секретарша и его одноразовая сексуальная подруга, благополучно вышла замуж и исчезла из поля нашего зрения навсегда.

Пытаясь намеками и полунамеками узнать Димкино отношение к моей затее, все-таки изложила интересующую меня информацию, но он, как и Лева в недавнем времени, посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Ты что, Оля?! – сказал испуганно. – Это же криминал!

«Тоже мне, спец! Как будто закончил институт благородных девиц, а не разведшколу, а еще говорят, что военный – это на всю жизнь! Не наш кадр – с разочарованием подумала я. – А вообще, какие же мужики трусы! Жуть!»

Пришлось сделать вид, что это я о фильме, который можно снять по этому сюжету. Полковник немного успокоился. Теперь говорить с ним на предмет поиска партнеров для этого смутного мероприятия смысла уже не было! Может, обратиться... к казанской мафии?

Глава 17

Найти сегодня концы было сложно, потому что единственное связующее звено – мой любимый двоюродный брат Рафаэлька – умер достаточное количество лет назад. Вот есть люди от рождения талантливые к тем или иным профессиям, о них говорят: «Рожден врачом, летчиком или бизнесменом». Рафка был рожден для криминала, в котором пребывал, начиная с младых лет и заканчивая днем, когда покинул нас навсегда. С самого раннего детства тянуло несмышленного мальчонку на улицу, там и был его настоящий дом. Он слыл маминым любимчиком, наверное потому, что был младшим в семье. Его старшая сестра никогда не имела с матерью особого душевного контакта, в то время как братишка за такую безумную любовь к себе платил матери той же монетой. Однако любовь, особенно безрассудная, часто бывает слепой и имеет побочный эффект: стойкое нежелание видеть что-либо предосудительное в действиях любимого чада. Именно поэтому, идя у сыночка на поводу, его мамочка и упустила момент.

Если отец, например, в воспитательных целях закрывал сына дома в надежде оградить его от влияния улицы, то мать просто открывала окно, через которое мальчишка, сломя голову, утекал к своим друзьям. А потом постепенно улица и сделала свое черное дело, засосав пацана в криминальный водоворот, из которого выбраться уже не было никакой возможности.

Не секрет, что начало бандитскому движению в девяностые дали криминальные формирования в Казани (Татарстан) и произошло это еще задолго до начала перестройки в России. В те времена пацаны делили между собой улицы и дворы, а не бизнес, фабрики и заводы. Чужакам не было места в районах, которые контролировали пока еще сопливые юнцы. Любой несчастный, волею судьбы оказавшийся не на своей территории, был, как правило, нещадно бит и изгнан из района с глаз долой. Тогда пацаны еще не воровали, а просто хулиганили, задирая случайных прохожих, и, конечно же, дрались. Период взросления ребят пришелся как раз на период перестройки со всеми побочными сопутствующими, как передел собственности, рэкет, заказные убийства.

В Казани, по-моему, в принципе не осталось мужчин, которые бы не увидели небо в «клеточку». Когда мы приезжали к тетке в гости, то утро обычно начиналось со сплетен. Конечно, нам хотелось узнать о судьбе наших знакомых. Ответы родственников оптимизма не прибавляли.

– А где Луна? – спрашивала мама про сына своей давней подружки, вспомнив его кличку.

– Да сидит, – спокойно отвечала тетя.

Надо сказать, что у татар принято давать знакомым прозвища. Я знала об этом еще с детства. Подружку бабули, например, в близких кругах звали Желтоволосая Фатима, потому как последняя была блондинкой, что так нехарактерно для этой национальности, а друга дедушки – Красножопый Махмуд. Негламурная кличка прочно прилипла после получения героем гражданской войны красных революционных галифе, а не в честь краснозрых обезьян. Сама же бабуля имела очень понятное и приятное во всех отношениях прозвище Красивая Хадича. У моих родителей тоже имелись такие знакомые. Хорошая соседка, грузинка Тамара, свое второе имя получила после того, как очень вспыльчивый муж Иосиф дал ей прямо в глаз. После нелепеприятного «украшения», подаренного супругом, ее стали называть просто – Тома Фонарь.

Или еще один сосед дядя Слава, имеющий прозвище Михрютка. Этой кличкой его наградили после одной истории, случившейся во время совместных посиделок. В те времена домашние вечеринки не обходились без плясок. Папа с дядей Славой соревновались друг с другом в выполнении такого сложного и затейливого танцевального элемента, как «веревочка». Дяде Славе повезло меньше, а может, он больше выпил, но так или иначе, не очень ловко выполняя непростое движение, его слабые ножки заплелись в косичку, он запнулся, потерял равновесие

и попой вломился в нашу стенку, напрочь высадив стекло! Обошлось без жертв! А уж криминальный мир и вовсе целиком и полностью состоял из одних только кличек.

– А Басмач?

– Ждет суда.

– А Кацо?

– Да только что вышел.

Практически все мужское население Казани побывало там, в местах не столь отдаленных. Раньше, в сталинские времена, сажали по уголовке в основном за воровство, потому что в те годы «червонец», то есть десять лет, давали и за кусок, и за вагон украденного, ну а в последующие годы – за другие, самые разнообразные преступления.

Не избежал своей участи и Рафка. И в свои восемнадцать лет сел на три года по «хулиганке». Сидел, правда, не в городе женихов Магадане, а на своей же родной улице, всего в пятистах метрах от собственного дома. Улица наша была весьма своеобразной. Главными достопримечательностями являлись находящиеся на одном облезлом конце тюрьма и химический комбинат, а на другом – неработающая в те годы мечеть и городская больница.

Вся наша «стрит» состояла из деревянных домишек, и в каждом дворе жили соседи и знакомые, которые обитали в этой слободе с рождения и до смерти, ну и, разумеется, были в курсе всех событий, происходящих тут. С двух до шести лет я прожила в Казани, затем в школьные и студенческие годы ежегодно приезжала сюда на каникулы, и, надо сказать, это были одни из самых счастливых лет моей жизни. Здесь оставались друзья детства, находились мой детский садик, дача, куда мы выезжали на лето, и бабушкин домик, где мы жили одной, хотя и не всегда дружной семьей. Меня, малышку, опекали мои двоюродные брат и сестра, которые учили свою младшую сестренку блатным песням, и я с огромным удовольствием распевала их во все горло в детском саду:

Сидели мы на крыше, а может, еще выше,
А может быть, на самой на трубе с тобой,
Но ты мне изменила, другого полюбила,
Зачем же ты мне шарики крутила?!

Надо сказать, мои кузены и кузины очень меня любили, а особенно Рафка, который впоследствии даже свою дочь назвал в мою честь.

Первая отсидка не отбила у юноши любовь к криминальной романтике, хотя после освобождения он закончил ПТУ по какой-то там рабочей профессии (то ли токарь, то ли слесарь) и даже успел поработать по специальности пару месяцев, но... улица и дружки оказались милее, а возможно, это было уже призвание.

И вот что странно: при всем своем бунтарском уголовном характере, тем не менее, по человеческим качествам, в лучшем смысле этого слова, мог многим нормальным людям дать фору. Он никогда не матерился. Самым ругательным словом в его лексиконе было «животное» и все! Не пил, не кололся и не имел ни капли агрессии, но в жизни был заточен только под криминал.

Страшное случилось через несколько лет после первой отсидки. В тот момент, как сейчас помню, его мать и сестра гостили у нас в Ленинграде, и в один из дней, проснувшись, сестра рассказала странный сон. Она увидела внизу эскалатора брата в черной одежде. Он протягивал к ней в безмолвной просьбе руки. Дина хотела спуститься к нему, но никак не могла перешагнуть невидимую границу. В сильном волнении она, словно предчувствуя беду, постоянно повторяла:

– С ним что-то случилось!

И действительно, как ответ на это прозвучал страшный телефонный звонок. Рафку арестовали за убийство. Он застрелил человека!

Что пережили его родные и близкие, сложно выразить словами. Даже среди остальных родственников, не говоря уже о друзьях и знакомых, они оказались изгоями, найдя поддержку только в лице нашей семьи. Отвернулись практически все! Удивляться здесь было нечему, потому что на дворе стоял 1978 год и наличие уголовника в семье считалось явлением позорным, а не предметом невероятной гордости, как сейчас. В те времена еще не было моратория на смертную казнь – расстрел, как высшую меру, довольно эффективно странствующую по стране, уничтожая тех, кто просто не имел права на жизнь и бытие в нашем человеческом обществе, но... Рафке крупно повезло, и, несмотря на требования пострадавшей стороны о высшей мере наказания, ему дали тогда максимальный на тот момент срок, ни много ни мало – пятнадцать лет! Сейчас бывает, дают сроки и подлиннее за более жуткие преступления, только вот до самого конца почти никто не досиживает, получая, как правило, условно-досрочное освобождение. Рафке же пришлось чалиться от звонка до звонка все пятнадцать лет и, как стало известно потом, совершенно зря, потому что... никого он не убивал, а просто взял чужую вину на себя... да... просто...

Красивый, молодой и здоровый парень, вот так, играючи, подарил свои самые лучшие годы исправительному учреждению! Исправительное учреждение вроде бы должно исправлять специфический контингент и наставлять на путь истинный всех заблудившихся в этой жизни людей, но... каждый второй, если не первый, выходящий из этих стен, с невероятной бодростью и оголтелым энтузиазмом опять принимается за криминальную деятельность. По идее, страх попасть за решетку или опыт пребывания там должны напрочь отбить всякое желание заниматься противоправными делами, но бесконечная раскрутка в средствах массовой информации «романтики» и «подвигов» криминальной жизни, а также стремительное обогащение таких же, в общем-то, преступников, но, к их счастью, находящихся с законом на дружеской ноге, вызывают зависть, не давая расслабиться и перейти на рельсы иной, честной, но не богатой жизни, с фиксированной небольшой зарплатой и ежедневной почасовой работой и так почти до конца жизни.

А хочется всего и сразу! Есть огромное желание вкусно жрать, сладко пить, трахать самых красивых баб, носить шикарные шмотки и украшения, отдыхать за границей, развлекаться и жить на полную катушку, особо не утруждаясь. Только вот все это стоит очень приличных «бабок», а где их взять, чтобы хватило на всё и сразу? Отбирать у других, более трудолюбивых и трудоспособных сограждан, не останавливаясь ни перед чем, с легкостью устраняя препятствия, в том числе и физически.

Рафка сумел пережить эти долгие годы плена, в который он сдался сам, добровольно, искалечив свою единственную жизнь. Если бы нам давалось несколько жизней, можно было бы одну из них потратить на отсидку в тюрьме, но в нашем случае желательно все же прожить эти годы достойно и свободно на воле, чем за толстыми стенами горькой неволи.

За эти бесцельно прожитые за решеткой годы мой братишка потерял практически всё: жену, которая ушла от него к более благополучному и успешному мужчине; здоровье, получив целый «букет» страшнейших заболеваний, таких как отит, язва желудка и туберкулез; любимого отца, на похоронах которого он быть так и не смог. К счастью, остались любящие мать и сестра. Мы были уверены, что из колонии Рафка уже не вернется, но он оказался крепким «орешком» и, пройдя все круги ада, нашел в себе мужество все пережить и выбраться из-за колючей проволоки живым, хоть и не совсем здоровым.

Было самое начало девяностых. Его ждали совершенно другая страна, чем та, которую он оставил ровно пятнадцать лет назад, но все те же дружки, с которыми тусовался еще в годы застоя. Времена разительно изменились, и дворовые команды, превратившись в устойчивые банды и группировки, активно делили страну, подминая под себя зарождающийся бизнес и

расправляясь со всеми, кто периодически вставал на их пути. Бывшие школьники и пэтэушники в мгновение ока становились людьми чрезвычайно богатыми и влиятельными. Половина наиболее дерзких «казанцев» перебралась в Москву и делала серьезный бизнес там.

Пока Рафка находился в тюрьме, друзья его, разумеется, не забыли, и он получил в структуре должность. Курировал заключенных в тюрьмах, присутствовал на разборках в роли «третьей стороны» судьи и участвовал в сходках воров в законе. Я даже не знаю, был ли он сам одним из них, но, скорее всего, был.

После заключения криминал принял его с распростертыми объятиями. Через полгода после освобождения Рафка приехал, чтобы встретиться с нами: все-таки племянник моей мамы и мой кузен. В те времена он предлагал мне познакомиться с «казанцами», проживающими теперь в Москве и Питере, на случай, если будет необходима помощь такого рода. Но я решительно отказалась, потому что в те годы мир бизнеса, как и криминальный, был от меня очень далек и мне просто внушало ужас то, что творили тогда бандиты, в которых в большинстве своем не было ничего человеческого. Сейчас об этом оставалось только сожалеть, потому что как эти связи могли бы очень нам пригодиться.

Рафкины друзья, жившие с ним когда-то на одной улице, а теперь обитающие в капиталистической жесткой Москве, стремительно превращались в богачей, живущих уже не в деревянных халупах, которые они имели на родине, а, без преувеличения, во дворцах, способных нынче покупать произведения искусства даже с самых знаменитых мировых аукционов, владеющих промышленными и торговыми предприятиями и не только. С ними считали за честь дружить и очень известные люди: режиссеры и актеры, депутаты и политики, цвет бизнес-элиты. На фотографиях с вечеринок тех лет, которые показывал нам брат, я с удивлением узнавала знакомые всей стране лица. Да, жить хорошо, говорил известный и любимый нами киногерой, а хорошо жить, действительно, лучше!

Криминальные войны так и не прекращались. С момента начала абсолютно легальной жизни преступного братства в Казани выросли целые кладбища с похороненными там бандитствующими элементами и погосты с их многочисленными жертвами. Разборки шли полным ходом и среди группировок. После очередного отстрела все криминальные структуры разбежались из Казани куда глаза глядят, потому что существовал негласный приказ задерживать на тридцать суток всех, кто хоть чуть-чуть знал погибших.

Вот куда-куда, а в тюрьму, даже на день, Рафка идти категорически не хотел, перебираясь на время «шухера» обычно в Москву, к своим. Московская братва неоднократно звала его в столицу, но Рафаэлька оставался истинным казанцем, не желая, кроме всего прочего, покидать мать, которая ни при каких обстоятельствах не уехала бы с насиженных мест. В один из очередных приездов в столицу его представили знаменитому криминальному авторитету «Япончику», который в знак признания Рафкиных заслуг подарил ему дорогой браслет. Интересно, конечно, но этот случай из Рафкиной биографии сыграл и в моей жизни весьма положительную роль.

На момент открытия мною бутика в Германии на горизонте нарисовались определенные структуры, которые от всей души желали прилепиться ко мне, а вернее, к моим доходам. Как сейчас помню, их было двое – два Игоря. Один из них, старший, настойчиво посоветовал мне побыстрее начать работу и открытым текстом намекнул, что они все время будут рядом. Я, мастер блефа, взяв его под руку, сказала:

– Игорек, ты знаешь, что сказал мне дядя Слава?

– Что за дядя Слава? – недоуменно спросил он.

Как ни в чем не бывало, я спокойно ответила:

– «Япончик» – Вячеслав Кириллович Иванов.

Он закашлялся, подавившись, очевидно, моим ответом, а я продолжила дальше с таким видом, как будто получила инструкции от самого Господа:

– Дядя Слава сказал: «Держи, Олечка, все в своих руках и не подпускай никого! Будут сложности, поможем!»

Больше ни Игорей и никого из местных мафиозных структур я не видела, а Вячеслав Кириллович Иванов, он же «Япончик», сам того не подозревая, помог мне освободиться от местных бандитов.

В семейной жизни Рафке не повезло... Не такая женщина должна была быть рядом, не такая! Недобрая и неласковая, с вечными придирками и упреками, она изо дня в день отравляла ему жизнь, но, родив дочку, навсегда привязала моего братишку к себе. Девочке уже девятнадцать, но отца, наверное, она уже и не помнит... А потом... Рафку нашли на улице без сознания. В больнице, как ни странно, он оклемался и ему стало гораздо лучше, но... через пару дней все было кончено. Упорно ходили слухи, что его убрали менты, потому что помимо основного, легального, существовал еще и невидимый фронт, когда структуры МВД сами устраняли, возможно, по негласному приказу лидеров криминальных группировок. Так, видимо, случилось и в этот раз. Нет человека – нет проблем, и это самое что ни на есть простое и доступное решение наболевшего вопроса. Излюбленные методы криминала берутся на вооружение и стражами порядка. Может, так и нужно расправляться с преступниками, но... на руках брата не было крови, да и человеком он был нормальным, в отличие от многих других своих собратьев по «оружию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.